

Федеральное агентство по образованию
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГОУВПО «АмГУ»

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой социологии

_____ В.В.Проказин

« _____ » _____ 2007г.

СОЦИОЛОГИЯ
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

для специальностей

140204 «Электрические станции»

140205 «Электроэнергетические системы и сети»

140101 «Тепловые электростанции»

140203 «Релейная защита и электроэнергетические системы»

220301 «Автоматизация технологических процессов и производств»

140211 «Электроснабжение»

Составитель: В.В.Проказин, доцент

Благовещенск

2007

*Печатается по решению
редакционно-издательского совета
факультета социальных наук
Амурского государственного
университета*

Проказин В.В., Селькова Е.П., Плахонин А.С. (составители)

Социология: Учебно-методический комплекс для студентов специальностей 140204 «Электрические станции», 140205 «Электроэнергетические системы и сети», 140101 «Тепловые электростанции», 140203 «Релейная защита и электроэнергетические системы», 220301 «Автоматизация технологических процессов и производств», 140211 «Электроснабжение» – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2007. – с.

Учебно-методический комплекс содержит программу дисциплины, краткие конспекты лекций, вопросы к зачету, тесты, списки основной и дополнительной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА	3
РАБОЧАЯ ПРОГРАММА	5
МАТЕРИАЛЫ К ЛЕКЦИЯМ	9
КОНТРОЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ	99
ЛИТЕРАТУРА	108
КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ЗНАНИЙ И НАВЫКОВ СТУДЕНТОВ	109

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Курс «социология» предусмотрен Государственным образовательным стандартом специальности в качестве дисциплины блока «Общие гуманитарные и социально-экономические дисциплины».

Целью преподавания дисциплины является формирование представления у студентов об общей социологии как одном из структурных уровней социологии как науки, как учении об обществе как целостной системе, механизмах его возникновения, функционирования и изменения, его основных структурных компонентов.

СТАНДАРТ

История становления и развития социологии. Общество как социокультурная система. Социальные общности как источник самодвижения, социальных изменений. Культура как система ценностей, смыслов, образцов действий индивидов. Влияние культуры на социальные и экономические отношения. Обратное влияние экономики и социально-политической жизни на культуру. Личность как активный субъект. Взаимосвязь личности и общества. Ролевые теории личности. Социальный статус личности. Социальные связи, действия, взаимодействия между индивидами и группами. Групповая динамика, социальное поведение, социальный обмен и сравнение как механизм социальных связей. Социальная структура, социальная стратификация. Социальные институты и социальная организация. Гражданское общество и государство. Социальный контроль. Массовое сознание и массовые действия. Социальные движения. Источники социального напряжения. Социальные конфликты и логика их разрешения. Социальные изменения. Глобализация социальных и культурных процессов в современном мире. Социально-культурные особенности и проблемы развития российского общества. Возможные альтернативы его развития в будущем. Методология и методы социологического исследования.

Цели преподавания общей социологии:

- формирование представлений о структуре социологического знания, о специфике общей социологии как уровня социологии;
- формирование представления об обществе как целостной системе, факторах его формирования и развития, основных структурных компонентах;

- формирование представлений об основных способах и методах социологического исследования общества как целостной системы;
- обучение навыкам анализа современной социологической проблематики;
- формирование представлений об основных тенденциях изменения российского общества.

Задачи изучения общей социологии:

- ознакомление студентов с основными подходами к анализу общества как социальной системы;
- ознакомление студентов с основными составляющими структуры личности, с понятием социального статуса и социальной роли, социальной организации и социального института;
- ознакомление с основными теориями социального действия, со спецификой социальных действий, социального контроля, его функциями и способами деятельности различных социальных институтов;
- ознакомление с основными видами социальных общностей, основами их формирования и характером функционирования; с особенностями групповых взаимодействий; способами изучения групповой динамики;
- ознакомление со спецификой изучения организаций.
- формирование представлений о социальной динамике, видах социальных процессов и основных теориях социальных изменений

РАБОЧАЯ ПРОГРАММА

СОДЕРЖАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Лекции

Тема 1. Объект и предмет социологии .

Представления об объекте и предмете социологии. Социология в ряду других социогуманитарных наук. Социология как отрасль знания и учебная дисциплина. Научные теории в понимании объекта и предмета социологии. Системный и комплексный подход в понимании объекта и предмета социологии. Структурно-функциональный анализ в социологии. Гуманитарно – личностный подход к проблеме объекта и предмета социологии.

Тема 2. Теоретико-методологические основы развития социологии в России.

Политические и духовно – интеллектуальные особенности эволюции социальной мысли в России. Специфика русского сознания XIX в. Славянофильство и западничество, революционная и охранительная идеология. Политические, экономические и культурные изменения в России во второй половине XIX в. Российская социология в поисках проекта социально-политического переустройства России. Многомерность российской социологии: консерватизм, либерализм, консервативный либерализм, радикализм. Институциональные границы новой социологической науки в России: социология как наука и образование.

Тема 3. Формы институционализации науки

Институционализация как процесс формирования, установления и легитимации социальных групп, организаций и учреждений, специализирующихся на выполнении специфических социологических функций. Институционализация социологической науки как процесс формирования нового научного сообщества. Когнитивный и социальный аспекты институционализации науки. Теория Кларка и пять ступеней социализации науки. Пять ступеней социализации социологии.

Тема 4. Категориальный аппарат и законы теории социологии

Категория и категориальный аппарат науки. Понятие, термины, дефиниции, законы. Основные социологические понятия. Принципы и система законов социологии.

Тема 5 Метод в социологии

Особенности познания действительности в социологии. Понятия «теоретические» и «эмпирические», критерии их разграничения. Особенности их применения в социологии. Методы конкретно-социологических исследований.

Тема 6. Структура социологического знания

Уровни социологического знания, способы его построения. Общесоциологическая теория. Специальные социологические теории, отраслевые социологические теории, отраслевые социологические теории, уровень эмпирических исследований. Функции социологии. Методологическая, познавательная, описательная. Прогностическая, общекультурная и др. Роль социолога в обществе.

Тема 7. Общество и общественные системы

Признаки общества. Понятие общества в истории социологической мысли. Общество и государство. Экономические основы общественных отношений. Общество как социокультурная система. Системные признаки общества. Специфика социокультурной системы.

Тема 8. Социальная стратификация

Сущность и функции социальной стратификации. Теории социального неравенства. Многообразие стратификации. Системные характеристики стратификации. Типы стратификационных систем.

Тема 9. Культура как социальное явление

Определение культуры. Их общие черты и специфика. Культура как совокупность институтов. Культура как высокая культура. Культура как ценностно-нормативная среда. Культура как товар и предмет потребления. Понятие культурной системы. Вопрос о системном характере культуры.

Функционирование и изменение культуры. Различные подходы к объяснению динамики культуры. Типы культурных изменений. Источники и факторы культурной динамики. Проблема динамики в различных мировых цивилизациях.

Тема 10. Социальные институты

Подходы к определению социального института. Структура, функции и дисфункции социальных институтов. Анализ условий эффективного функционирования социальных институтов. Система социальных институтов. Динамика социальных институтов.

Тема 11. Социальные организации

Понятие «организация». Организация как искусственная целевая общность людей. Признаки организации. Функции. Организационный эффект. Структура организации. Типология организаций. Управление в организации. Развитие организаций.

Тема 12. Социальные процессы

Понятие социального процесса, основные подходы к определению понятия. Классификация социальных процессов. Содержание социальных процессов. Развитие, прогресс, эволюция, регресс.

Тема 13. Личность

Понятие человеческой природы. Соотношение природного и социального в человеке. Прагматические «социального поведения» (Р.Беггс, Л.Хоманс, П.Блау).

Социальная среда личности. Воздействие ее на человека. Типологизация «социального типа личности». Социологические концепции личности.

Тема 14. Социализация

Понятие социализации. Формы социализации. Механизм социализации. Этапы. Социализирующие институты.

Тема 15. Социальное действие

Понятие социального действия. Структура социального действия. Мотивация социального действия. Цель. Ориентация на других. Типовые переменные социального действия. Роль рациональных факторов в мотивации социальных действий.

Тема 16. Социальная связь

Взаимосвязь индивидов как предпосылка социальной связи. Пространственный, психологический и социальный контакты. Виды социальных контактов. Социальное взаимодействие. Социальное явление как результат взаимодействия: внутренне-психическая и внешне-символическая стороны. Регуляция социального взаимодействия. Виды и формы социального взаимодействия.

Тема 17. Социальная группа

Понятие групповой общности. Групповые и массовые общности. Социальная группа. Основные подходы к пониманию малой группы. Признаки и характеристики малой группы. Значение малой группы для общества.

Тема 18. Социальное взаимодействие как фактор образования групп

Виды социальных групп. Динамические процессы в малой группе. Социометрическая концепция внутренней жизни группы Морена. Теория групповой динамики К.Левина.

Тема 19. Этнос и этническое взаимодействие

Понятие этнической группы и этнос. Основные черты этнической группы. Основные подходы к пониманию сущности этноса (естественно-биологические, социокультурные и др.) Типы этносов. Этническая стратификация. Этническое взаимодействие. Виды этнического взаимодействия. Этнические конфликты. Особенности этнических процессов в современном Российском обществе.

Тема 20. Глобализация общества

Понятие глобализация. Основные подходы к понятию. Глобализационные процессы в основных сферах общества. Глобализация техносферы, глобальная экономика, глобализация социальной сферы и культуры. США – как центр мировой глобальной системы. Преимущества и негативные последствия глобализации.

Тема 21. Конфликт как вид социального взаимодействия

Понятие конфликта. Теория позитивно функционального конфликта К.Лозера. Конфликтная модель общества Р.Дарендорфа. Общая теория конфликта К.Боулдинга. Функции конфликта. Структура и стадии конфликта. Механизм разрешения конфликта. Виды конфликтов.

Тема 22. Социальный контроль

Социальный контроль. Функции, структура. Механизм социального контроля. Характеристика индивидуального действия. Социальная шкала оценок. Категоризация индивидуального действия. Социальные санкции. Индивидуальная шкала оценок. Самосознание индивидов и социальный контроль.

Тема 23. Социальные изменения и социальная стабильность

Понятие социальной стабильности. Соотношения социальных изменений и социальной стабильности. Факторы социальной стабильности. Социальный контроль. Социальная стратификация и стабильность. Состояние политической системы и стабильность.

Тема 24. Виртуализация современного общества

Теория виртуализации. Критика теории постиндустриального общества. Проявление виртуализации в культуре эпохи постмодернизма. Виртуализация различных сфер общества.

МАТЕРИАЛЫ К ЛЕКЦИЯМ ПРЕДМЕТ И МЕТОД ОБЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ

Почему и когда возникает социология как самостоятельная наука, каковы предпосылки и условия ее развития, возрастающего значения в жизнедеятельности людей, своего рода "второго рождения" в конце XX в. в нашей стране? Ответы на эти вопросы во многом определяют понимание сути и содержания этой науки.

Всякая новая теория общественного развития является, с одной стороны, отражением качественного изменения социальных отношений, реальных возможностей и потребностей людей, с другой - следствием прогресса самого научного знания. Необходимо разрешение вновь возникающих противоречий, диагностика социальных болезней, поиск методов их излечения.

Случайно ли социология как автономная наука возникает в середине XIX в.? Следствием вызревания каких социальных явлений она стала?

Знания об обществе, вернее о разрозненно существовавших многие тысячелетия обществах-государствах, могли превращаться в единую науку о социуме лишь в условиях промышленной революции, перерастающей в научно-техническую и затем информационную.

Выделим особенно значимые условия развития социологии.

Первые предпосылки развития социологии связаны с первоосновой жизни человека - с биосферой, природой, материальными, экономическими, производственно-техническими, энергетическими факторами.

Именно благодаря гигантскому росту производительных сил в условиях промышленной революции возникает возможность создать материальный базис свободного человечества и осуществить переход от системы с преобладанием естественной обусловленности к социально-исторической, социально-культурной.

Научно-техническая революция XX в., информатизация общества означают следующий качественный скачок в развитии производительных сил. Конец XX в. отмечен глобальным экономическим бумом, когда от торговли, экономического взаимодействия между отдельными странами мир втягивается в процесс становления единой экономики. Но на фоне колоссальных достижений в сфере материального производства ужасает пропасть в уровне жизни людей в разных регионах мира, да и неблагополучие многих членов общества в самых развитых странах. Гонка вооружений и "гонка за комфортом", часто бессмысленным и даже отягощающим жизнь, варварское отношение к природе, эгоцентрическое потребительство со всей очевидностью обнаружили пределы экстенсивного роста производства, антигуманизм технократической парадигмы развития общества. Экологический кризис может быть преодолен, а человечество спасено, если мы научимся заботиться не только о своем

превосходстве, но и о сбережении, возвышении природы, если победит гуманистический тип отношения к ней.

Таким образом, к концу второго тысячелетия меняются приоритеты: не экономика, а социокультурные факторы прежде всего определяют прогресс человечества, в том числе и в сфере природных, производственных процессов.

Другие предпосылки становления и возрастания роли социологии в жизни общества связаны непосредственно с системой общественных связей, с особенностями политических, правовых, нравственных отношений, их демократизацией. Организуется, вернее самоорганизуется социум в масштабах всего человечества в направлении к единению многообразного бытия разных народов и наций, в борьбе сил централизации и децентрализации, демократии и тоталитаризма, национальных и транснациональных тенденций. Меняются временные, пространственные характеристики развития коммуникативных связей. Жилище человека все более включается во всеобъемлющую информационную сеть, охватывающую всех людей планеты независимо от национальности, верования, языка. Возникает универсальный образ жизни. Мир становится космополитичным. Мы все заметнее влияем друг на друга. Острой становится нужда в мировом универсальном языке.

Однако наряду с возникновением в современном мире межнациональных сообществ обостряются и националистические настроения. Нарастание "тесноты" общественных связей, создание всечеловеческого экологического, экономического, информационного пространства превращаются в основание разрешения глобальных проблем. Становится ясно, что освобождение человека в одной части Земли без свободы всех земель так же невозможно, как наличие чистого воздуха во всей акватории. Гармонизация тенденций к универсальности, с одной стороны, и к культурному национализму, уникальности - с другой - условие существования и развития мирового сообщества.

К следующим предпосылкам развития социологии относятся идейные, культурные, собственно научные, духовные факторы. Сфера духовных отношений наиболее заметно влияет на социальное знание, на выработку парадигмы современной социологии. Информационный прогресс касается в большей степени интеллектуальной деятельности и делает приоритетными образование, науку, культуру, в целом сферу Разума и шире - сферу Духовного.

Проблема выживания общества, в частности российского, упирается в способность людей достаточно оперативно перестроить систему нравственных мотивов и ценностей, норм отношения к природе и друг к другу.

Возникновение коллективных форм сознания, преодолевающих границы локальных общностей, развитие символического и культурного взаимодействия, сотрудничество, сотворчество в деле реализации всеобщих интересов человеческого рода - все это сочетается (хотя и крайне противоречиво) с тенденцией возрастания роли субъективного фактора, с "триумфом личности". Отдельные личности в настоящее время способны осуществлять изменения в обществе значительно эффективнее, чем большинство социальных институтов. На XII Всемирном социологическом конгрессе подчеркивалось, что в постмодернистском обществе ведущую роль играет социальный субъект. Именно субъект как личность, как социальная общность (народ, территориальная общность, профессиональная или любая другая), руководствуясь своими интересами, определяет цели и средства их достижения. Отсюда идея субъективации всех социальных процессов, движение в направлении большей свободы любого социального субъекта, но в первую очередь личности. Отсюда и структура предлагаемого курса социологии: после историко-методологической части следует раздел, посвященный анализу субъектов социальной жизни, а затем раскрываются проблемы их взаимодействия, механизма регуляции, организации, управления социальной жизнью.

Развитие социологии связано и с ее институализацией, общественным признанием, возникновением исследовательских центров в отдельных странах и международных центров, а также с утверждением этой науки как предмета преподавания в учебных заведениях

практически всех стран мира. Богатые традиции имеет социологическая мысль в России, которая развивалась как часть общеевропейской и в то же время отличалась яркой самобытностью. Она представлена именами известных русских социологов: Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского, Н. Я. Данилевского, Н. К. Михайловского, П. А. Сорокина и др.

В первые годы советской власти, как и в дореволюционный период, развитию теоретической и прикладной социологии уделялось большое внимание. Перед Социалистической академией общественных наук одной из первоочередных стала задача организации ряда социальных исследований. Были созданы кафедра социологии в Петроградском и Ярославском университетах. В 1920 г. в Петроградском университете открылся первый в России факультет общественных наук с социологическим отделением во главе с П. А. Сорокиным. Строительство нового общества нуждалось в многосторонней информации о сложных социальных процессах, в социальных экспериментах.

В условиях командно-административной системы, сложившейся в 30-е годы, социология практически была "упразднена". Для тоталитарного государства социология, ее принципы, методы, теория познания объективной реальности оказались не только излишними, но и опасными. Поэтому социологию объявили буржуазной лженаукой, а на фундаментальные и научно обоснованные прикладные исследования наложили запрет. Отставание в социологии, углубленное изоляцией от мирового опыта, не преодолено до сих пор. Это одна из причин того, что мы недостаточно знаем наше общество, у нас неадекватное представление о его социальной структуре, социальных отношениях и связях.

В 60-е годы социология начала возрождаться. В 1958 г. возникла Советская социологическая ассоциация, в 1968 г. создается Институт конкретных социальных исследований, который в результате преобразований ныне именуется Институтом социологии. Но развитие социологии в 60- 70-е годы было трудным и противоречивым. Конфликтные ситуации в социальной жизни в условиях нарастания застойных явлений замалчивались, эмпирические исследования, к которым часто сводилась суть социологии, нередко носили формальный апологетический характер, увеличивался разрыв между теоретической и прикладной социологией.

Решающий перелом в судьбе социологии произошел в конце 80-х годов, когда ясной стала гибельность пренебрежения социальной политикой, социальным управлением, социальной наукой. Социология становится предметом академического преподавания. В Америке она преподается более ста лет не только в высшей, но и в средней школе.

Пройдя сложный драматический путь, социология как общеобразовательная дисциплина получает в России "второе рождение". Однако, складывается противоречивая ситуация. С одной стороны, "мода" на социологию растет, но с другой - снижается ее престиж, она как и прежде часто отождествляется с эмпирическими исследованиями, к чему в немалой степени причастны средства массовой информации. В газетах постоянно публикуются результаты опросов общественного мнения, появились рубрики "Глазами социолога", "В зеркале социологии" и др. Использование социологических данных стало "козырной картой" в политических передачах по радио и телевидению. Такая информация о наблюдаемых в обществе воззрениях, оценках, предпочтениях используется как мощное средство формирования массового сознания нередко в определенном направлении. Что касается серьезных теоретических исследований, то они пока должного развития не получили.

Социология, в том числе и теоретическая, фундаментальная, является научным основанием практических общественных преобразований. Социология - своего рода учебник жизни. Она помогает лучше узнать реальный мир, понять общество, в котором мы живем, определить свое место в нем, свои возможности самосовершенствования и влияния на социальный прогресс.

"Социология" в буквальном переводе означает "учение об обществе" (от латинского "общество" и греческого "слово, учение"). Это наука, изучающая общество, закономерности его функционирования и развития, взаимодействие социальных общностей разного типа и

уровня, социальные институты и социальные процессы в их связи с общественным целым. Предпосылкой и условием социального анализа является взгляд на общество как на систему, состоящую из объективно взаимосвязанных элементов.

Любая отрасль науки имеет свой объект и предмет. Объект науки понимается нами как определенная область действительности, обладающая относительной завершенностью и целостностью. В качестве наиболее общих объектов наук выступают природа и общество, откуда и вытекает деление всех наук на естественные и социально-гуманитарные. Из вышесказанного ясно, что объектом исследования социологии как науки является общество. В этой связи вполне правомерно мнение Ф. Гиддинга, считающего социологию наукой об обществе, которая "вмещает в себя всю область специальных социальных наук". Социология - обществоведческая наука, задача которой состоит в познании необходимых свойств и условий коллективной человеческой жизни, вытекающих из духовной природы человека (С. Франк).

Но ограничиться определением объекта науки, конечно, недостаточно хотя бы потому, что целый ряд наук может иметь один и тот же объект. Философия, история, политология, правоведение - все это науки, изучающие общество. Поэтому ученый-социолог должен найти ту грань, "срез", специфическую качественную определенность, которая была бы интересна именно ему в отличие от историка, юриста, философа. Иначе говоря, он должен определить предмет социологии.

Предмет науки предполагает, что объективная реальность берется не целиком, а лишь той стороной, которая определяется спецификой данной науки. Остальные стороны рассматриваются как условия существования объекта. Обычно предмет науки есть результат теоретического абстрагирования, позволяющий выделить вполне определенные закономерности функционирования и развития изучаемого объекта.

Проблема предмета социологии впервые остро встала в XIX в., когда наука создавалась и обособлялась. Точное определение предмета было основным условием существования и обоснованием ее претензий на самостоятельность. На современном этапе уже никто не сомневается в том, что социология отстояла право на самостоятельное существование как наука, что она имеет свой предмет исследования и характерный лишь ей метод постановки проблем. Сейчас скорее преобладает тенденция не обособления, а интеграции различных социологических школ и направлений, сближения общественных наук и появления на их стыке интересных исследований. Но это не исключает необходимости определения предмета социологии.

Большинство ученых считают, что предметом социологии является совокупность проблем социальной сферы общественной жизни.

В западной литературе социология понимается чаще как наука о социальных общностях или социальных системах.

Другие социологи считают главным предметом исследования социальные отношения.

Представление о предмете социологии было бы не полным, если бы мы не учитывали, что исходной клеточкой исследования общества является человек. Проблема личности не может не волновать социолога, так как именно человек является субъектом социальных отношений и социального поведения. Социология идет от анализа личности к исследованию закономерностей функционирования общества и социальных общностей.

Обобщая вопрос о предмете социологии, хочется отметить, что разнообразные подходы к этой проблеме не столько противоречат друг другу, сколько взаимно дополняют друг друга, составляя таким образом целостное представление о предмете социологии.

Можно дать такое определение социологии: это наука о закономерностях развития и функционирования социальных систем как глобальных (общество в целом), так и частных (социальных групп, институтов и т.д.), а также закономерностях социального поведения людей.

Предмет социологии и научная концепция, на которой строится этот предмет, определяют структуру социологического знания, осями которой являются:

- а) теоретическая и эмпирическая социология (основанием деления служит уровень знания);
- б) фундаментальная и прикладная социология (основанием деления служит функция знания);
- в) общая и отраслевая социология (основанием деления служит объект исследования: общество в целом или отдельная его часть).

Теоретическая социология, по мысли П. Сорокина, изучает явления человеческого взаимодействия с точки зрения сущего. Она решает научно-теоретические задачи, связанные с формированием знания о социальной реальности, описанием, объяснением и пониманием процессов социального развития, разработкой концептуального аппарата социологии и др. Она отвечает на вопросы "что познается?" и "как познается?".

Практическая (эмпирическая) социология отвечает на вопрос "для чего познается?". М. Вебер точно определил задачи эмпирической социологии, которая может определить: а) необходимые для практики средства; б) неизбежные побочные результаты предпринятых действий; в) обусловленную этим конкуренцию между Возможными различными оценками и их практические последствия. Теоретическая наука выявляет смысл таких оценок, конечную смысловую структуру и смысловые следствия, может указать на их место в ряду ценностей и провести границы в сфере их смысловой значимости. Иначе говоря, теоретическая и практическая социология - две взаимообусловленные и взаимосвязанные части одной науки, две стороны одной медали. Эмпирическая социология, как подчеркивал П. Сорокин, подобно прикладной медицине должна быть опытной системой общей и индивидуальной этики, указывающей точные средства для борьбы с социальными болезнями. Но индексы, статистика, анкеты, опросы - еще не вся социология. Это - инструменты, средства, но ни в коем случае не цель. Нельзя судить о социальной действительности только по мнению случайно опрошенных людей, которые вовлечены в ход событий, но в то же время являются пристрастными свидетелями. Эти данные - лишь материал для дальнейшего исследования, исследования глубоко теоретического и фундаментального. Успех развития социологии как науки зависит от взаимодействия теоретической и прикладной социологии. Главное в социологии - теоретический генофонд и интеллектуальное содержание.

Отечественная социология долгое время существовала (и положение пока существенно, к сожалению, не изменилось) именно как прикладная социальная наука, чьей главной задачей является обслуживание господствующей элиты и решение различного рода социально-практических проблем. Отечественные достижения в социологии относятся главным образом к области методологии и методики эмпирических исследований. В области фундаментальной социологии эти достижения невелики, а в США и в Западной Европе именно это направление исследования является ведущим. Опыт преподавания социологии в этих странах говорит о том, что в вузах изучается "общая" или "теоретическая" социология, а прикладную изучают только специализирующиеся по ней студенты. Университетская академическая среда является там главным интеллектуальным источником развития социологии как автономной дисциплины.

В последнее время в России появились попытки изменить ориентацию науки в сторону углубления теории, стремление актуализировать теоретические, гуманистические, системные представления в социологии. Путь этот очень сложен, так как есть немало противодействующих факторов, в частности, коммерциализация наук вообще, в том числе и социологии. Фундаментальная наука не может существовать ни в одной стране без поддержки государства, аккумулирующего в своей политике долгосрочные потребности общества. В условиях кризиса в России ассигнования на поддержку науки резко сократились. Работники науки превратились в одну из самых обездоленных категорий населения, многие из них уходят в коммерческие организации, что отнюдь не способствует развитию фундаментальной науки. Выход из этой критической ситуации пока не найден.

Мы говорили выше о теоретической и эмпирической, фундаментальной и прикладной социологии. Теперь несколько слов об общей и отраслевой социологии.

Общая социология традиционно развивает две теории:

- теорию социальных структур, которая изучает составные элементы групп, общностей, основы их строения, взаимное приспособление элементов, исследует явления внутреннего единства групп, силы, обуславливающие это единство и факторы, вызывающие распад;

- теорию социального развития, изучающую изменения, развитие и социальный прогресс, регресс и т. д.

К этим двум теориям в последнее время добавились:

- теория социального поведения индивидов, которая развивается на стыке психологии и социологии; она изучает установление закономерностей между социальными ситуациями и реакциями на них индивидов, образцы действий индивидов в различных ситуациях и т. д.;

- теория поведения общностей, изучающая общие закономерности поведения толпы, больших масс людей, классов, профессиональных категорий и т. д.

Отраслевая социология (иначе ее называют конкретной социологией) исследует отдельные сферы социальной жизни. В ней можно выделить следующие разделы:

- исследование типов социальных общностей (общностей, обусловленных разделением труда, социально-профессиональных, этнических общностей, территориально-региональных и поселенческих, половых и возрастных общностей и др.);

- исследование социальных институтов (сюда относятся такие разделы, как социология семьи, образования, политики, права, науки, искусства, армии, промышленности и труда и т. д.);

- исследование социальных процессов (таких как миграция и социальная мобильность, процессов массовой коммуникации, преступности, наркомании и др.).

Как и в любой другой науке, в социологии со времени ее возникновения существовала проблема законов и закономерностей, которая тоже решалась неоднозначно.

Социология возникла в XIX в. как позитивная социальная теория, которая должна была стать доказательной и общезначимой наукой об обществе, а, следовательно, предполагалась возможность отыскать повторяющиеся закономерности общественной жизни и построить общие понятия обществознания. О. Конт выделил две группы социальных законов: законы статики (неизменных состояний, устойчивых условий существования любого социального явления) и законы динамики (закономерности изменений, социального развития).

С возникновением в конце XIX в. так называемой понимающей социологии изменился взгляд на проблему социальных законов. М. Вебер (родоначальник этого направления) считал, что социологические обобщения не являются отражением действительных процессов социального мира: исследователь констатирует их, исходя из своих субъективных оценок. Явления считаются объективными постольку, поскольку они имеют значение для теории. Вебер отказывался от попыток формулировать социальные законы.

Г. Зиммель допускал наличие естественных законов для движения каждого конкретного общественного элемента, но считал, что для целого (для общества) законов социального развития нет.

Социальный закон есть выражение существенных связей социальных явлений и процессов и прежде всего связей социальных отношений и социальной деятельности людей. Социальные законы складываются в естественном ходе событий. Но в то же время они реализуются в конкретной форме фактического поведения людей, объединенных в социальные группы. Специфика действия социальных законов требует необходимости соотнесения субъективного с объективным. В этом, скорее всего, и состоит суть социологического подхода. С одной стороны, социальные общности (группы), являющиеся предметом социологии, выступают как субъекты сознания и действия, более или менее

полно осознающие свои интересы. Но, с другой стороны, эти общности людей занимают объективно сходное положение в системе общественных отношений. Указанная объективность складывается в основном стихийно, как результат взаимодействия групп, столкновения и согласования их интересов.

Социальные законы часто проявляются в виде законов-тенденций. Тенденция выражает определенную направленность движения социального субъекта к какому-то конкретному состоянию при наличии отклонений, колебаний. Поведение каждого человека случайно в известной степени, но за счет взаимоуравновешивания случайных факторов в системе обнаруживаются особые системные качества. Если действие социального закона изобразить в виде прямой линии, то средние равнодействующие различных индивидуальных величин будут представлять собой веер линий, отклоняющихся в разные стороны от этой прямой. Социальные законы, таким образом, проявляются чаще всего в приближении, в тенденции, в среднем.

Понятийно-категориальный аппарат социологии включает в себя три группы категорий:

общенаучные категории в соответствующем социологическом преломлении ("социальная система", "социальное развитие" и др.);

собственно социологические категории ("стратификация", "институт", "организация", "статус", "роль", "нормы", "ценности" и др.);

категории дисциплин, пограничных с социологией ("личность", "семья", "культура" и др.).

Ключевым для понимания категориального аппарата социологии, без сомнения, выступает понятие социальное. Социологическая традиция, которая идет от М. Вебера, предполагает истолковывать понятие социального через категорию "социальное действие". Эта традиция в основных своих чертах поддерживается и в современной американской социологии (например, "теория социального действия" Т. Парсонса).

Другая традиция понимания социального связана с категорией "социальные отношения" (К. Маркс). Социальное понимается в этом случае как совокупность отношений между различными социальными группами и общностями, куда относят классы, профессиональные, формальные организации, территориальные, поселенческие группы и социальные институты.

Через понятия "социальное действие и взаимодействие", "социальные отношения" дается в социологии характеристика всех других социальных образований: "роль", "статус", "социальный контроль", "социальная группа", "социализация", "социальный институт", "социальная структура" и др. фундаментальной категорией социологии является также категория "общество" (рассматриваемое как социокультурная система).

Социологическая наука, как и всякая другая наука вообще, служит удовлетворению каких-либо потребностей человека, имеет практическое значение или, как отмечал С. Булгаков, коренится в практической нужде, в потребности ориентироваться с целью практического действия. Практическая значимость науки находит отражение в ее функциях.

Функции любой гуманитарной дисциплины можно было бы разделить на две группы: гносеологические и социальные (имея в виду, что на практике они взаимосвязаны и неразделимы).

Гносеологические (или теоретико-познавательные) функции социологии заключаются в полном и конкретном познании тех или иных сторон социальной жизни, в понимании ее как целостного явления. Это - накопление знаний, систематизация их.

Суть социальных функций социологии - в нахождении путей и способов воздействия на социальную жизнь, на те или иные ее стороны на основе познания и изучения закономерностей социального развития. К основным социальным функциям можно было бы отнести: критическую, гуманистическую, прогностическую, прикладную.

Критическая функция социологии проявляется в том, что социология, с одной стороны, показывает, что можно сохранить, упрочить, развить в социальной жизни, а с

другой стороны, выявляет то, что требует радикальных преобразований. Социология, исследуя общество и его отдельные элементы, ставит им социальный диагноз в целях нахождения эффективных путей восстановления социального здоровья. Социология занимается и профилактикой социальных болезней.

Под гуманистической функцией социологии надо понимать то, что она занимается разработкой теории и программ деятельности людей и социальных групп по преобразованию тех или иных сторон социальной жизни. Социология объясняет, какие социальные условия необходимы для того, чтобы человек смог реализовать себя как субъект социальной деятельности. Отсутствие подобных условий может привести к социальной напряженности, разобщенности, конфронтации и, в конечном итоге, к кризису общества.

Прогностическая функция социологии предполагает воспроизводство перспектив развития социальных отношений. Человечеству сегодня трудно найти правильные решения, если оно не прогнозирует дальнейшие пути развития социума, не вырабатывает модели развития цивилизации в будущем. Социальное предвидение всегда было частью социологического знания, что находило выражение в различного рода утопических, фантастических теориях и т. д. Научное прогнозирование социального развития помогает увидеть перспективы человеческой цивилизации и спроектировать в определенной степени социальную жизнь в желательном для людей направлении.

Прикладная функция социологии заключается в проведении эмпирических (конкретных) социологических исследований действительности. Она, без сомнения, важна, хотя нельзя сводить к ней все социологические функции, как, к сожалению, у нас нередко делается на практике. В нашем обществе опросы общественного мнения приобрели чрезвычайную популярность и в связи с этим опросно-анкетный метод рассматривается чуть ли не как основной метод исследования социологии как науки. Здесь мы подходим к чрезвычайно важной проблеме: методы науки "не меньше, чем содержание, разделяют науки друг от друга" (Ф. Гиддингс).

В понимании метода социологии существует различие между крайними ее течениями: позитивистской и понимающей социологией.

Позитивизм рассматривает общество по аналогии с природой, используя методы естественных наук. Его основатели пользовались так называемым объективным методом, т. е. рассматривали социальные факты и процессы как таковые в их объективной реальности, наблюдали, описывали и систематизировали их (О. Конт). Этот метод основывается на отрицании необходимости философского осмысления социальной жизни. Э. Дюркгейм писал, что "метод социологии независим от всякой философии... Социальные факты суть вещи, а задача социолога ...выражать факты".

Понимающая социология (М. Вебер) анализирует смысловые элементы социальной жизни, делает акцент на понимании изменений, движений. Это направление тяготеет к "субъективному методу". Исследователь констатирует и приводит в систему социальные явления объективного мира на основе своих субъективных оценок. "Объективный метод" признается ими настолько, насколько он имеет значение для теории.

Развитие и изменение социальной жизни приводят к развитию и изменению методов ее исследования. Учитывая особенности современного этапа развития социологии, хотелось бы отметить три важных момента, характеризующих метод социологического познания:

- во-первых, это введение временного параметра в саму методологию мышления, в гипотезы и концепции, что мы раньше называли принципом историзма; от изучения состояний на конкретный момент времени важно сейчас переходить к изучению процессов социального развития;

- во-вторых, учет изменений структуры социального пространства; наблюдается эффект пространственной трансформации обществ, выход из берегов социальных процессов (локальные перерастают в региональные, региональные - в глобальные); глобализм - важнейший признак современной и завтрашней социологии;

- в-третьих, все более активное участие социологии как науки в реальной жизни, в социальном процессе, а отсюда - ориентация социологии на нахождение путей решения социальных проблем, на выявление конфликта интересов ("социология конфликта"), на прогнозирование и проектирование социальных решений.

Социология относится к группе гуманитарных, а точнее, общественных наук, хотя имеет связи не только с науками этой группы, но и с естественными (например, с биологией). Ф. Гиддингс утверждает, что "социология является посредницей между органическими науками, с одной стороны, и политическими и историческими науками, - с другой".

Впервые место социологии в структуре наук было определено О. Контом. Система наук, по его мнению, представляет собой иерархию, выражающую процесс развития от простого к сложному. Каждая последующая ступень в развитии знания - наука более высокого порядка - подразумевает предыдущую как свою необходимую предпосылку. "Иерархия" основных наук такова: математика - астрономия - физика - химия - биология - социология. Социология основывается на биологии, но имеет в себе нечто своеобразное, вытекающее из взаимодействия индивидов, воздействия каждого поколения на последующие.

Социология и философия. И та, и другая наука изучают личность и социальные общности как объекты и субъекты деятельности. Но философы это делают на высоком уровне обобщения. Поэтому они не могут выявить жизнь во всем ее противоречивом существовании. Социология, опираясь на философию, ориентируется на более конкретный анализ, на исследование сложной мозаики социальной деятельности, поведения и отношений. В свою очередь, социология оказывает влияние на философию, заставляя ее расширять и углублять уровни обобщения.

Социология и история. Они имеют один объект исследования - общество, которое изучается в процессе его развития. Как известно, нормы поведения и отношений, ценности, культура передаются из поколения в поколение. Очень важно выявить эту эволюцию, что является областью общих интересов истории и социологии. Не случайно польский социолог Ян Щепаньский подчеркивал особенно тесные контакты социологии с историей культуры. Различие подходов этих наук в том, что история описывает и объясняет социальный процесс *post factum*, а социология - *in factum*. Иначе говоря, история пытается реконструировать прошлую деятельность людей во всей ее неповторимости, индивидуальности. Но она не в состоянии объяснить настоящее и тем более прогнозировать будущее. Современность всегда отличается от прошлого, ибо она есть созидание нового. Задача социолога - "схватить", зафиксировать это новое на уровне социально типичного.

Социология и политология. Политология изучает политические процессы, политические отношения, политические ценности, политическую систему, политическую культуру, т. е. все, что касается политической сферы жизни общества. Социология же, исследуя людей и общности как субъекты, имеет дело с гражданским обществом, которое функционирует наряду с государством и которое становится самостоятельной сущностью на определенном этапе развития человеческой цивилизации, когда человек выдвигается на принципиально новую позицию как во взаимоотношениях с общественными институтами, так и в осознании личностной самооценки. Гражданское общество и его взаимоотношения с государством и с политической системой в целом - это есть та грань, по которой проходит взаимодействие социологии и политологии.

Социология и психолого-педагогические науки. Вся история становления социологии свидетельствует о тесной органической связи проблем собственно социальных и психолого-педагогических. Нет практически ни одной работы, претендующей на целостное освещение социальных явлений, в которых не затрагивались бы вопросы воспитания, образования, психологии.

Что же является общим для педагогики и социологии? Их диалектику объединяет анализ разных сторон одного объекта исследования, т.е. разных характеристик

взаимодействия общества и личности, органическая связь процессов социализации и воспитания личности. Этим определяется близость ключевых понятий данных дисциплин, а также общность методов получения информации (социометрия, использование тестов, разного вида опросов).

Главная задача педагога - научить своего воспитанника жить в обществе, достигать гармонии в отношениях с другими людьми, согласия с самим собой.

Решить эту задачу учитель не может, если не знает закономерностей функционирования социума, не понимает истоков, причин конфликтных или кризисных ситуаций, не пытается определить свое место в общественном развитии. И в этом смысле социология наряду с философией является базой для методологии психолого-педагогических наук. Социология - своего рода инструмент педагога. Знание закономерностей развития социума, взаимодействия общества и личности - теоретическая основа целенаправленной воспитательной деятельности.

Социология, соответствующая современному социальному запросу, призвана раскрыть перед человеком стратегию его жизни в контексте развития социума и Мира в целом, помочь обществу и личности избрать тактику, найти способы, механизмы социокультурных преобразований.

Можно назвать еще ряд наук, с которыми у социологии тесные связи: право и правоведение, этнология и этнография, антропология и география, статистика и демография.

Для развития социологии как науки характерны два взаимосвязанных процесса: дифференциация (вычленение специфического предмета, метода исследования, структуры науки, отличных от других наук) и интеграция (установление межпредметных связей). В XIX-начале XX в. эта наука только создавалась и обособлялась, и в этот период важно было прежде всего обосновать претензии на самостоятельность, дать простор развитию теоретического знания, появлению учебных курсов социологии, кафедр и др. Процесс дифференциации социологии от других наук, вычленения ее предмета, специфики имел первостепенное значение. Сейчас скорее преобладает тенденция к интеграции общественных наук. Ведь общество - это целостная система, и исследование его только тогда может быть успешным, когда оно будет осуществляться с различных сторон, в самых разных аспектах и срезам, но не изолированно разными науками, а в их взаимодействии и интеграции. Не случайно самые интересные и успешные исследования появляются сейчас в пограничных науках: экономической социологии, социальной экологии, социальной психологии, политической социологии и др.

Изучение курса социологии является важной стороной общегуманитарной подготовки будущего специалиста. Гуманизация образования и гуманитаризация учебного процесса, ориентация его на развитие интеллекта, способности к творческой инновационной деятельности, на проблемы личности являются потребностью современной цивилизации.

ОБЩЕСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СИСТЕМА

Исходным в понимании общества является представление об организованном сознательном труде человеческих сообществ, осуществляемом в целях создания условий, необходимых для жизни и развития людей. Общество (социум) можно определить как совокупность всех способов и форм взаимодействия и объединения людей. И в этом широком смысле общество включает в себя все, что отличает это новообразование от космически-природных явлений, позволяет рассматривать созданную человеком реальность как особую форму движения материи, как социальность, социальное начало.

Общество - открытая, саморазвивающаяся система общения, взаимодействия индивидов.

Г. Зиммель писал: "Понятие общества имеет смысл, очевидно, только в том случае, если оно так или иначе противопоставляется простой сумме людей". К. Маркс не просто подчеркивал, что "общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и

отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу", но и на примере кооперации показал, что свойство системы не сводится к сумме свойств входящих в нее элементов.

Каждое конкретное общество создает определенные модели взаимоотношений индивидов и групп. Связь между людьми можно сравнить с каркасом здания, постоянно перестраивающегося, поскольку общество динамично.

Взаимодействие людей в самом общем смысле сводится к тому, что его участники включаются в новую обстановку, в новую среду, к которой принадлежат другие участники этого взаимодействия, испытывают воздействие этой среды, в той или иной мере воздействуют на нее.

Способы взаимодействия индивидов в обществе могут быть различными. Рассмотрим основные на них. Прежде всего это - непосредственная социальная связь: связь между людьми, находящимися в данное время в данном месте, т. е. воспринимающими друг друга непосредственно своими органами чувств. Чаще всего это - сотрудничество (выполнение общей работы), которое имеет широкое распространение и огромный удельный вес в жизни общества. Это материальная физическая связь между людьми. Каждый участник работы оказывает известное воздействие на других и испытывает их воздействие на себе. Такое воздействие содержит помимо материального психологический и идеальный моменты. Сотрудничество возможно и на почве выполнения религиозного ритуала, игры, политического действия и др.

Другой тип взаимодействия людей в обществе - это опосредованная связь, т. е. связь между людьми, разделенными либо географическими, либо временными рамками. Если люди разделены лишь географическими рамками, но действуют в одно и то же время, то между ними возможно сотрудничество, например, на базе разделения труда. Крестьянин, производящий в деревне лен, сотрудничает с рабочим, перерабатывающим его в городе на пряжу, хотя они и не видели друг друга никогда; опосредованная связь возможна в области искусства, политической деятельности и пр.

Особый тип опосредованной связи устанавливается между людьми, живущими в разное время. Такую связь можно было бы назвать связью-воздействием. Каждое данное поколение людей в своем поведении связано с поведением предшествующих поколений: оно опирается на его культуру, накопленные им организационные методы и навыки, отталкивается от суммы идей, совокупности верований, духовных течений, добытых прошлыми поколениями. Эта связь есть действие прошлого на настоящее, в чем и состоит ее специфика.

Назвав основные типы социальных взаимодействий, отметим, что формы их проявления чрезвычайно разнообразны. Это - и дружба между конкретными людьми, и отношения воспитания между учителем и учеником, и договор о труде между рабочим и работодателем, и сотрудничество между учреждениями и пр.

Они могут быть слабыми или прочными, устойчивыми или нет, принимать разные формы. Но в той или иной степени связи существуют между всеми элементами общества, объединяют их в единую всеобъемлющую первоначальную совокупность, именуемую обществом.

Взаимодействия людей не хаотичны, они определенным образом организованы и систематизированы, и, если выполнены некоторые условия, они действуют исправно и без путаницы. Это происходит благодаря слаженности механизма организации и функционирования общественной системы, благодаря наличию некоего системообразующего качества.

В узком понимании слово "общество" употребляется для обозначения любых типов, видов социальных общностей, множественность и особенности которых определяются практически безграничным разнообразием жизнедеятельности людей. На основании такого подхода выделяются подсистемы, структура, функции общества.

Содержание понятия, его трактовка и развитие вытекают из самого факта "особого бытия" (Г. Спенсер) общества как системы общения индивидов, общественных отношений,

единства людей более или менее масштабного: от человечества в целом - самой большой системы взаимодействия, от общества в границах государства до профессиональных, семейных и иных малых групп.

Сущность, особенности системы взаимодействия людей определяются такими противоречиями, как противоречия между природой и обществом, между различными сообществами, между обществом и личностью. Эти взаимосвязи стали основанием для разработки разнообразных социологических концепций общества, либо стиравших грань между обществом и природой (натурализм, органицизм), либо ее абсолютизовавших; исходивших в трактовке общества из индивида или, напротив, из общества как самодовлеющей целостности; противопоставлявших коллективное и индивидуальное, общеродовое и неповторимо-уникальное в личности.

Выделим наиболее значимые исторические этапы становления понятия "общество", особенности эволюции которого привели к рождению социологии - самостоятельной, относительно автономной науки об обществе.

Слитность человека с природой, с космосом нашла отражение в универсалистских представлениях древних об обществе. "Космическое мироощущение" было общечеловеческим явлением, существовавшим на протяжении тысячелетий в высокоразвитых цивилизациях древности: Египте, Вавилоне, Китае, Индии, Древней Греции. Слово "космос" в его донаучном смысле обозначало "порядок". Применялось оно для определения воинского строя, государственного устройства и даже по отношению к украшающей себя, приводящей себя в "порядок" женщине (отсюда - "косметика"). Применительно к "устройству мира" слово "космос" стало использоваться Гераклитом. О музыкально-математической гармонии космоса и как следствии разумной и упорядоченной жизни человеческого общества писал Пифагор. В диалоге "Тимей" Платон трактует космос как "единое живое существо". Средневековье сохранило античную идею соответствия мира и человека, макро- и микрокосма.

Идеи о совместной эволюции космоса, биосферы и человеческого общества развивались русскими естествоиспытателями и философами конца XIX - начала XX вв. - Н. Ф. Федоровым, Н. А. Морозовым, К. Э. Циолковским, А. Л. Чижевским и др. Чижевский писал: "...астрономы, изучающие явления в Солнечной системе, открывают в ней явления, аналогичные функциям живого организма". Этот ученый стремился проникнуть в тайны человеческого общества, разрушая дисциплинарные перегородки между астрофизическими, биологическими и социальными науками.

Долгое время в социальной мысли общество отождествлялось с государством. У Платона общество характеризуют прежде всего политические функции государства - защита населения от внешних врагов, поддержание порядка внутри страны. Методологически важно полное совпадение характеристики устройства общества и души человека. Трем началам души - разумному, яростному и вожделеющему соответствуют три сословия: правителей, воинов и производителей. По Платону, государство - это своего рода "громadный человек".

Государственно-политические представления об обществе с позиций взаимодействия "власти, господства и подчинения" развивает вслед за Платоном Аристотель, который вычленяет и чисто социальные связи людей, рассматривая этические отношения, дружелюбность свободных и равных друг другу индивидов. Он подчеркивает приоритет индивидуальных интересов и считает, "что должно требовать относительного, а не абсолютного единства как семьи, так и государства". "Каждый человек сам себе более всего друг и должен любить более всего самого себя" ("Этика").

Социальная мысль Нового времени в трактовке общества исходит из концепции "естественного состояния" и общественного договора (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Г. Спенсер, Ф. Теннис), согласно которой в основу социальности положены рациональные договорные начала, формально-юридические понятия, взаимная полезность.

Большое значение для становления науки об обществе имели труды О. Конта, которого называют отцом социологии. Он синтезирует представления об обществе,

вырабатывает такие понятия, как "социальная статика", "социальная динамика", "закон трех стадий" и другие, выдвигает идеи социального прогресса, социального порядка.

В современных условиях переосмысление понятия "общество" связано с информационной революцией, с новым видением мира. Формируется всепланетная цивилизация на началах органического сочетания единства и неделимости мирового сообщества, с одной стороны, плюрализма, множественности, относительной самостоятельности центров, народов, культур - с другой.

Понимание общества как системы одинаково применимо к человеческому обществу в целом и ко всем подсистемам, частям, общностям самого разного уровня. Системный и структурно-функциональный подходы, обогащенные сегодня выводами и методами кибернетики, синергетики, позволяют выделить наиболее существенные системно-интегративные качества общества.

Общество характеризует целостность {специфическая определенность, целевая направленность} - важнейшее системообразующее качество. В основе общественной системы лежит деятельность людей, направленная на сохранение, воспроизводство, развитие самого социума.

Интегральным, сущностным качеством общества является социальность, понятая в широком смысле как взаимодействие людей во всех сферах жизнедеятельности.

Отличительной особенностью общества как целостной системы является устойчивость, определенный консерватизм. По мнению разных социологов, основой ее могут быть "общая власть" (Э. Шилз), господствующие в обществе "фундаментальные ценности" (Р. Мертон) и т. д. Устойчивость развития общества зависит от территориально-географических и временных конкретно-исторических условий. Для человеческой эволюции изначальное, ключевое значение имели географическая, природная среда, пространственная локализация форм общения людей, их образ жизни и мобильность.

Важными чертами общества выступают автономность и самодостаточность. Полифункциональность общества обеспечивает создание необходимых условий для реализации его целевой направленности, развития способностей и удовлетворения различных потребностей индивидов. В свою очередь автономность и самодостаточность общества возможны лишь на основе саморегуляции.

Способность к саморегуляции - фундаментальное качество общественной системы. Процесс регулирования, организации, упорядочивания, протекающий во всех подсистемах общества, породил самостоятельные социальные формы, систему норм, правил, требований, прав и обязанностей, запретов и дозволений. Возникают относительно самостоятельные специфические регулирующие механизмы: управленческие структуры в экономике, органы политического и правового регулирования и многие другие. Их обособление в виде надстроечных подсистем повышает эффективность функционирования общества.

Целостность, устойчивость, консерватизм отнюдь не означают статичности, косности, неприятия нововведений. Напротив, именно отклонения от принятых в обществе правил и норм побуждают систему находить средства для равновесия, стабильности. И движущими силами могут являться не только противоречия внутреннего развития, но и, согласно синергетике, причинные связи, "втягивание внесистемных элементов в орбиту системности". (Так было с капитализмом 30-х годов, активно использовавшим принципы социализма.) При этом оказываются чрезвычайно значимыми свойства открытости и закрытости систем. Известно, что согласно второму началу термодинамики, сформулированному еще в XIX в., замкнутая физическая система необратимо смещается к состоянию окаменелого равновесия, теряет активность, непрерывно растет энтропия - рассеивание, утрата энергии. Напротив, открытая система в результате информационно-энергетического обмена с окружающей средой, конструктивно-критического восприятия нововведений (притом, что процессы обновления могут быть мучительными) в результате появления возможностей для диалога, плюрализма мнений и свободного выбора оказывается более активной, способной к самодостраиванию и самоорганизации. Исторически это подтверждается печальным опытом

социализма; чрезмерная изоляция от метасистемы мирового хозяйства, закреплённая термином "железный занавес", была одной из причин неустойчивости социалистического общества.

Структура общества отражает определенный способ связи и взаимодействия индивидов. Каковы же основания выделения структурных частей - подсистем общества? Очевидно, что эти основания кроются прежде всего в истоках формирования общества, о которых говорилось выше. Это естественные, природные факторы, разделившие людей по полу, возрасту, по расовым признакам. Здесь можно выделить социально-территориальные общности (жители города и жители села), социально-демографические (мужчины, женщины, дети, молодежь и т. д.), социально-этнические, включающие такие элементы структуры, как род, племя, народность, нации, этнос и т. д.

Любое общество структурировано и по другим параметрам, связанным с вертикальным расслоением. Для К. Маркса основным критерием было отношение к средствам производства, к собственности (классы имущих и неимущих). М. Вебер включает помимо отношения к собственности и уровня доходов отношение к власти (управляющие и управляемые) и социальный престиж.

Решающими моментами, определяющими собственно структуру социума, являются факторы, сделавшие возможным само рождение человеческого общества: труд, общение и познание. Они лежат в основании выделения трех главных сфер жизнедеятельности общества и общественных отношений: это экономические, социально-политические, правовые, и духовно-культурные (религия, наука, мораль, искусство и пр.) связи-взаимодействия. Личность, являясь своего рода слепком общества, также выступает как объект и субъект труда, общения, познания. В этих сферах протекает процесс развития общества и человека. Эти сферы и определяют основные функции общества: материально-экономическое обеспечение, воспроизводство человеческого общества (рост материального достатка, благосостояния); социально-политические, этические гарантии выживания человечества, совершенствование политических, правовых, нравственных отношений; духовно-интеллектуальное, научно-эстетическое развитие людей.

Каждый элемент структуры выступает в неразрывном единстве с целым, хотя и обладает относительной автономной сутью. Целое отражает свойство частей, но и части отражают качественные особенности целого. И поэтому нельзя утверждать, что целое сложнее части. Оно совсем другое. Система - это единство многообразного.

Кроме названных оснований определения структуры (естественно-природные факторы и основные сферы социальной жизни) существуют и иные. В частности, социальные общности различаются по объему. Малые группы характеризуются непосредственным (прямым) контактом, общением между людьми "лицом к лицу". В больших группах прямой контакт нарушается и взаимодействие осуществляется через посредника. Становятся необходимыми социальные институты (экономические, политические, культурные). Институализация - это организационное закрепление структурно-функциональных свойств общественной системы, это определенные средства регулирования жизнедеятельности во всех сферах социальной действительности. Мы говорим об институтах власти, институте семьи, образования, церкви и т. д.

Мы рассмотрели общество как бы изнутри: его структурные элементы. Но если мы подойдем к анализу общества как целостного организма, но одного из многих, то увидим, что в современном мире существуют различные типы обществ, резко различающиеся между собой по многим параметрам. Ретроспективный взгляд показывает, что общество в своем развитии также прошло различные этапы.

Традиционно наше обществоведение при анализе исторических типов обществ и современных моделей социального развития опиралось на формационный подход (К. Маркс), объясняющий процесс развития человечества как восхождение от одной формации к другой. Выделено пять общественно-экономических формаций: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая. При этом подходе

процесс производства материальных благ рассматривается как основа общественной жизни. Производя, люди воздействуют друг на друга, и эта система взаимодействий людей (непосредственных и опосредованных, сознательных и несознательных), занятых производством, обменом, распределением материальных благ, образует производственные отношения. Характер производственных отношений и их основа - форма собственности - отличают одну формацию от другой.

В социологии по-разному решался вопрос об определяющем типобразующем признаке.

П. Сорокин решающее значение придает разуму. По Сорокину, сознание, духовное как внутренний аспект жизни общества доминирует над его материальной оболочкой. Именно сознание определяет целостность социальных явлений. В строении общества он выделяет два уровня организации: уровень культурных систем и уровень социальных систем. Первенство принадлежит культурным системам. Поэтому подсистемы общества связаны с важнейшими ценностями: Истиной, Добром, Красотой, Справедливостью. Все подсистемы общества являются производными от науки, религии, искусства, этики¹.

Роль главного системообразующего признака отводилась и нравственности. Совершенствование моральных норм, развитие общественной нравственности от примитивной первобытной морали через сословно- и классово-ограниченные нормы морали к признанию общечеловеческих нравственных ценностей - таково направление совершенствования всех сторон общественной жизни.

Существует и концепция, согласно которой красота как высшая эстетическая ценность может рассматриваться в качестве основополагающего синкретического признака зрелости, совершенства, гармоничности, упорядоченности общества в целом и его подсистем.

Очевидно, что каждая из этих точек зрения имеет право на существование и приближает нас к истине.

На разных исторических этапах доминантой может оказаться один из названных факторов. И думается, что формационный подход, на который опирался Маркс в анализе общества, исторически был оправдан. Но он оказался тупиковым в условиях кризиса, переживаемого сегодня миром. В трудах ученых Римского клуба это состояние обозначено как кризис современной цивилизации. Стало очевидным, что опасен не сам по себе формационный подход, а его абсолютизация, догматическое прочтение, что выражалось в жестко-детерминистских фаталистических представлениях о законах социального развития. В диалектике необходимости и случайности роль последней практически перечеркивалась. Далее, формационный подход давал основания для упрощенного понимания социального развития как линейно-прогрессивного процесса смены низших общественных форм высшими, в котором недоучитывалась преемственность. В. С. Соловьев отмечал: "История... не смена каких-то состояний или культурно-исторических типов, а процесс постепенного собирания, подчинения более узких и частных культурных элементов началам более широкой и универсальной культуры"².

Потребностям более адекватного осмысления современного общества отвечает подход на основе анализа цивилизационных революций. Он позволяет ученым выработать обобщенный, синтезированный взгляд на эволюцию общества. Предметом внимания является не какая-то одна сторона человеческого бытия, а совокупность всех форм жизнедеятельности общества - материально-экономической, политической, идейной, религиозной, культурной, нравственной, эстетической - в их историческом развитии, единстве, прерывности и непрерывности, необходимости и случайности, взаимодействии высшего и низшего, сложного и простого и т. д.

Понятие "цивилизация" имеет важное значение в качестве методологического принципа классификации типов общества. В соответствии с ним в истории выделяются цивилизационные революции - аграрная (она проходила 6- 8 тыс. лет назад и осуществляла переход человечества от потребительской к производящей деятельности, что имело

широкомасштабные социальные последствия) и индустриальная. В настоящее время человечество в лице передовых стран вступает в третью цивилизационную революцию - информационную. Отсюда в социологии устойчивым является деление общества на аграрное (традиционное) и индустриальное.

Для аграрного (традиционного) общества характерны преобладание аграрного уклада в экономике, низкие темпы развития производительных сил, консервативные структуры, крайне низкая социальная мобильность в социальной сфере; основанный на традиции способ социокультурно и регуляции, жесткий социальный контроль, неприятие инноваций во всех сферах. В традиционном обществе резко ограничена свобода личности.

Индустриальное общество сформировалось на основе промышленных, или индустриальных, революций, имеет гибкие социальные структуры, высокий уровень социальной мобильности. В таком обществе свобода личности выступает как высшая ценность.

Начиная с 60-х годов активно разрабатываются концепции постиндустриального общества (Д. Белл, А. Турен). В. Ростоу называет его обществом массового потребления, О. Тоффлер говорит о "третьей волне". В последнее время все чаще используется термин "информационное общество". Причина появления концепции информационного общества - в качественных, структурно-функциональных изменениях, произошедших в экономике и культуре наиболее развитых стран и связанных с научно-технической революцией, с превращением науки в непосредственную производительную силу, с возрастанием роли знаний, информации. Технологический, информационный прогресс преобразует общество в целом, все социальные отношения, сферы и формы бытия человека, самого человека, делая приоритетными образование, науку, культуру, в целом сферу Разума. Человек культурный, образованный, имея доступ к знаниям, новейшей информации, многократно способен увеличить эффективность интеллектуальной деятельности, развить свои творческие способности. Однако информатизация, компьютеризация общества не только умножает энергетическую силу человека, но и таит в себе опасность ограничения свободы человека, усиления социального контроля, технократических и авторитарных тенденций, использования новых средств жизнедеятельности людей во зло им. Поэтому без обращения к критериям нравственным, без уважения к человеку, без кантовского императива не только человеку, но и всему человечеству не выжить.

Попытаемся обозначить контуры информационного общества.

Во-первых, в сфере материального производства происходит такая структурная перестройка, когда информация (а это и наука, и новая технология, и новое соотношение умственного и физического труда, и новое содержание интеллектуального труда) становится доминирующей сферой воспроизводства общественной жизни. Центр тяжести трудовой деятельности постепенно переносится на подготовительную фазу, переработку научных знаний, проектирование, управление. Автоматизация, компьютеризация изменяют характер труда, его организацию, которая становится более гибкой. Так, "расписание по индивидуальному выбору", скользящие графики работы уже в 1980 г. были у 38% "синих воротничков" в ФРГ, у 27% - в США. В результате производительность труда выросла, дисциплина улучшилась. Благодаря персональным компьютерам идет и процесс "одомашнивания труда". Согласно прогнозам в начале XXI в, в передовых странах половина рабочей силы будет занята в сфере информации, одна четверть - в сфере материального производства, другая - в сфере производства услуг, в том числе и информационных.

Уже сегодня информация, информационные, компьютерные программы превращаются в самый ценный товар. Возникает новый технологический базис производства - электронно-информационная техника, что и обуславливает эффективность материального производства.

Все эти изменения в сфере экономики протекают далеко не безболезненно. Тотальная автоматизация и роботизация информационного общества обостряет проблему безработицы, усугубляет все ее негативные последствия, в том числе и те, которые приводят к деградации

личности. Смягчить негативные последствия безработицы можно путем формирования способности человека к творчеству в разных сферах жизнедеятельности.

Во-вторых, информатизация перспективы упорядочивания социальных взаимодействий влияет на эффективность общения людей. Благодаря компьютерной технике, телевидению, лазерам, волоконной оптике и другим средствам создается возможность преодоления пространственно-временных барьеров между людьми. (Скорость передачи по радио достигла предельного значения - скорости света.) С освоением космоса возникли глобальные системы связи и навигации. Электронно-вычислительные машины позволяют упорядочивать информацию, мгновенно ее перерабатывать и доставлять пользователю. Так, в США в 1985 г. насчитывалось 20 млн. персональных компьютеров.

Социально-политическая деятельность также преобразуется благодаря свободному доступу к разнообразной информации. Информационная техника открывает новые возможности для демократии, в частности для обмена мнениями, для электронных плебисцитов, для непосредственной связи граждан и политических деятелей. Внедрение ЭВМ подрывает основы существования бюрократии. Информация выступает как глобальный ресурс человечества, превосходящий все имеющиеся энергетические источники, противостоящий энтропии, дезорганизации, хаосу, разрушению социальных связей.

В-третьих, в культурной сфере, в сфере образования, науки, искусства, информатизации также происходит переворот. Ведь социальные связи - это связи смысловые. Общество кончается там, где исчезает осмысленная коммуникация. Информационная целостность - основание для целостности социальной. Мысль не знает границ - и это база для всеединства. Информатизация общества, средства массовой коммуникации связаны с духовной сферой, с преобразованием умственного труда, с культурой. Процессы информатизации требуют нового уровня понимания мирового бытия, роли Разума, этики, эстетики. Сегодня разворачивается диалог различных идей и учений. Антропоцентризм, вылившийся в противопоставление человека природе, всему существу, заменяется космизмом в новом, немифологическом понимании.

Познание человеком мира все более оказывается связанным с уровнем его сознания, информационно-энергетическим потенциалом личности, ее способностью к творчеству. А это уже эстетическая проблема, т. е. проблема творческой деятельности, способности человека к созданию новых форм, новых ценностей. Только совершенствование бытия и самосовершенствование, только упорядочение мира и созидание красоты и гармонии могут противостоять упадку, разрушению, смерти.

По словам В. С. Соловьева, развивавшего в эстетике идеи русского космизма, предназначением человека является продолжение дела, начатого природой по организации мира в порядок и красоту. В. И. Вернадский говорил, что сознание - фактор мирового бытия - становится сотрудником космоса. Информатизация общества и оказывается средством взаимообусловленной эволюции человека и всего мира - коэволюции, средством гуманизации социальных отношений.

Категория "цивилизация" употребляется в науке не только в качестве методологического принципа классификации типов обществ, но и для характеристики уровня социального и культурного развития общества. Имея в виду именно такое толкование, мы говорим о цивилизационном подходе к анализу общества.

Становление человеческой цивилизации - это по-своему уникальный эксперимент. Человечеству не на что опереться, кроме собственного опыта. Над ним тяготеет и часто не пускает двигаться предцивилизационное состояние "варварства". Однако, несмотря на пробы, ошибки, зигзаги, рецидивы варварства и даже гибель отдельных локальных цивилизационных образований развитие цивилизации в целом было и остается процессом поступательным, собирающим, накапливающим, обогащающим человеческий опыт.

История цивилизации начинается на Востоке около 10 тысячелетий назад. На протяжении многих тысячелетий древние государства Востока определяли направление исторического развития. В середине первого тысячелетия до н. э. на авансцену выходит

Античная Греция и начинает заметно лидировать в историческом процессе. Развитие цивилизации шло по пути взаимодействия природно-биологических факторов с социально-историческими. Назовем основные черты цивилизации.

Цивилизация знаменует все большее преобразование материала нетронутой природы в предметы и процессы (т. е. во "вторую природу"). Человечество как бы удваивает природу. Оно создает множество неповторимо прекрасных, уникальных или стандартных, но удобных и нужных предметов. Но в то же время появляется немало уродливых, а то и просто вредных предметов. Это - проблема цивилизации, и вряд ли она когда-либо будет окончательно решена. Выход может быть в том, чтобы учитывать исторически изменчивые, но в принципе определяемые критерии разумной достаточности, пользы, красоты, имея в виду ценность первобытной природы вне человека и в нем самом.

Противоречивое вмешательство человека в природные процессы - другая важная черта цивилизации. Экологические проблемы, захлащенные земли, уродующие нашу планету, являются издержками, элементами варварства, но не самой цивилизации. Превратили же голландцы, швейцарцы, японцы возделываемые ими поля в плодородные и цветущие земли. Достижение разумного баланса между научно-техническим прогрессом и цивилизованностью жизни вполне реально.

Для цивилизации характерно противоречивое, но в целом поступательное развитие товарного производства и обмена. Складываются особые области разделения труда, специфические типы социальных отношений, взаимодействий индивидов, профессиональных и имущественных групп, стран и народов по поводу создания и обмена товаров. Отношения между производителями различных видов товаров, связи производителей и покупателей, производителей услуг и клиентов, управляемых, организуемых и управленцев, организаторов, производителей, потребителей и посредников между ними - все эти и подобные отношения развиваются и совершенствуются. А вместе с ними возникают, видоизменяются изобретенные именно цивилизацией институциональные формы, благодаря которым только и возможно функционирование товарных производств и обмена: заводы, фирмы, товарный рынок, финансово-кредитные, хозяйственно-юридические службы и др. Конечно, товарное производство несет проблемы: культ денег, прибыли, безжалостность конкуренции. Но в то же время в нем заключены стимулы для инициативы, творчества, а, следовательно, для эффективности и качества труда, для того, что Аристотель назвал "пропорциональной справедливостью".

Особенность цивилизации состоит в тенденции к предоставлению комфорта все большему числу людей. Люди, народы, страны стремятся к удовлетворению растущих потребностей (и духа, и тела), а следовательно, к тому, чтобы сделать повседневную жизнь более обустроенной, удобной, красивой, комфортной и в этом смысле более достойной человека.

Следующая черта цивилизации заключается в обеспечении, предоставлении человеку всеобщих прав, свобод, гарантий, возможности участвовать в решении своих судеб и судеб нации, страны, мира. Практика наибольшей свободы для наибольшего числа людей связана с демократией. Цивилизация призвана обеспечить все более свободные, ненасильственные, добровольные формы современного быта индивидов и их свободно формирующихся объединений. Человечество прошло через две мировые войны, истребительные революции, локальные войны, геноцид и др. Не устранена угроза атомного самоуничтожения. Люди начинают понимать всю настоятельность цивилизованного миролюбия, высокую ценность прочных взаимовыгодных мирных договоров и соглашений.

Духовно-нравственный компонент цивилизации - это работа по созданию всеобщих идеальных образцов предметной деятельности и норм, принципов человеческого общежития и общения. Это - доступные всеобщему использованию проекты, принципы, навыки, знания и др. Платон приводит такой пример. Допустим, что вдруг испортятся или исчезнут все ткацкие станки, но люди их способны восстановить, так как владеют идеей челнока, знают

технологии изготовления. Это же относится к области общения людей. Сфера такого бытия есть "культура". Понятия "цивилизация" и "культура" нельзя отрывать друг от друга.

Важная черта цивилизации - это всемирно-исторический и общечеловеческий характер и значение ее опыта. Процесс развития цивилизации до сих пор был непрерывным. В каждый момент он может быть уподоблен мощному потоку, в который вливаются и будут вливаться живительные источники, питаемые деятельностью людей разных эпох и стран, пока цивилизация жива. Никогда не затухал "общий очаг" мировой цивилизации (хотя локальные цивилизации могли ослабевать и исчезать). Исконный исторический интерес всех народов требует сохранения нашего общего очага - мировой цивилизации на планете Земля.

Выделяя признаки цивилизации, мы имели в виду наиболее общие, общечеловеческие черты ее. Но, учитывая географические, религиозные, временные и иные параметры, ученые признают существование в мире нескольких цивилизаций, различных и равноправных, каждая из которых уникальна. На сегодняшний день фиксируют 5 цивилизаций: Западная христианская (католическая и протестантская), Православная христианская, Индийская (индубуддийская), Дальневосточная (китайско-конфуцианская), Исламская (арабо-мусульманская). Чаще в литературе встречаются термины "западная цивилизация" (из названных первые две) и "восточная цивилизация" (последние три, к которым относится 3/4 человечества).

Хотя Запад и Восток существуют в одном мире и одновременно, но между ними есть существенные различия. Восток более традиционен, чем современный Запад. Идет своеобразная борьба за существование, в которой Запад "припер к стенке" остальные цивилизации, запутал их в сетях своего экономического и политического превосходства, но при этом не смог отнять у них их отличительной культуры.

В современном мире, к сожалению, глубоко пустили корни ложная идея о превосходстве западноевропейской цивилизации над остальными, а также отождествление судеб Европы с судьбами всего человечества. Европа якобы создала высшую и окончательную формулу человеческой цивилизации, а остальным народам остается только ей следовать. Этот подход свидетельствует об искаженном понимании основных начал развития исторического процесса. На самом деле западная цивилизация имеет сравнительно недавнее происхождение, ее влияние поверхностно и может оказаться преходящим.

Подобная постановка проблемы очень актуальна для России. Все чаще сейчас говорят (и в средствах информации, и в научных трудах) о том, что наша страна должна "войти в круг цивилизованных народов", понимая под этим, что Россия должна стать частью западноевропейской цивилизации. Однако Россия никогда не входила в Западную Европу. По мнению Л. Гумилева², чужой опыт изучать нужно, но при этом помнить, что это - чужой опыт. Присоединиться к западноевропейской цивилизации значит отказаться ототечественных традиций и в итоге ассимилироваться. Россия принадлежит к другому религиозно-культурному типу. Конечно, Россия не может и не должна быть в стороне от всемирного процесса развития, но в то же время ее историческая индивидуальность не может не отразиться на ее судьбе.

Таким образом, цивилизационный подход состоит в признании существования в мире различных и равноправных цивилизаций. Каждая цивилизация уникальна, но содержит в себе общечеловеческие черты.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС

В обществе непрерывно происходят различные социальные процессы, которые могут приводить к возникновению новых элементов и исчезновению ранее существовавших элементов и отношений между ними. В этом случае мы говорим, что система подвергается изменению. Проблемы социальных изменений находились в центре внимания ученых с момента возникновения социологии как самостоятельной науки.

В процессе развития социума просматриваются две основные модели поведения общественных систем, две основные формы социальных изменений - эволюция и революция.

Представители эволюционной социологии (О. Конт, Г. Спенсер и др.) пытались доказать единство законов развития в физическом и социальном мирах. Спенсер, подобно биологам, различающим "высшие" и "низшие" по уровню организации организмы, представляет эволюцию как внутренне направленный процесс появления все более сложных социальных форм.

Основные источники развития социальных процессов - это противоречия и способы их разрешения. При этом выделяются противоречия антагонистические и неантагонистические, внутренние и внешние, разрешаемые мирно и средствами насилия, вооруженной борьбы.

Социальная революция - способ перехода к новому качеству, при котором социальная система оказывается в крайне неравновесном состоянии. Какие из отклонений от привычного развития станут толчком, определяющим новый облик системы, в условиях ломки структуры общества предсказать трудно. Развитие оказывается прерывным, часто определяется случайными факторами. Социальная революция - это высшая точка социального конфликта. В революционные эпохи темпы развития ускоряются, в активную социальную деятельность вовлекаются широчайшие массы народа. Вместе с тем нарушение "равновесия", "баланса" социальных сил, дестабилизация системы ввергают общество в атмосферу беспорядка, насилия, чреватые трагическими последствиями. Разрушительные действия увеличивают хаос, энтропию.

Развитие общественной системы может идти извне, когда политическая сфера провоцирует культурные мутации. Обычно инициатива исходит от других цивилизаций. Возможен и иной путь: через естественные изменения собственной культуры к изменениям в экономике и соответствующему политико-юридическому оформлению. Первый путь - революционный, путь агрессии против чужой культуры. Второй - эволюционный путь поступательного перехода от низшей ступени к высшей, путь традиционный и гуманный.

Важным является вопрос о направленности социальных изменений и о факторах, обуславливающих их.

Возьмем современное общество. Конец XX в. подвел человека к таким рубежам, за которыми начинается совершенно новый этап его истории. Это - век технических свершений, человек впервые, преодолев силу земного притяжения, вырвался в космос, средства транспорта и связи сократили время и расстояния. Человечество превращается в единый организм, в нем возникают некоторые общие стандарты поведения, государственного устройства, без которых трудно организовать необходимое взаимодействие внутри возникающей планетарной общности.

В то же время наш век обрушил на человечество невиданные ранее войны и катастрофы. Могущество цивилизации сделалось угрозой для жизни ее создателей, и проблема сохранения жизни на Земле стала реальностью. Ответ на вопрос о направленности социальных изменений и о факторах, обуславливающих их, как видим, далеко не однозначен.

Представление о том, что изменения в мире происходят в направлении от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному, возникшее в глубокой древности, противостояло концепциям регресса (нисходящая линия развития от древнего "золотого" века - Гесиод, Сенека), а также теориям циклического круговорота, повторяющего одни и те же стадии (Платон, Аристотель).

Идея прогресса начала утверждаться в науке с XVII-XVIII столетий (Бэкон, Вольтер).

Социальный прогресс следует понимать как одну из форм развития общества, основанную на таких необратимых изменениях в нем, в результате которых осуществляется переход к более высокому уровню материального производства и благосостояния людей, осуществляется и развивается человеческая личность.

Социологическое понятие прогресса неизбежно включает проблему взаимоотношения личности и общества. И здесь нельзя не согласиться с определением социального прогресса, данным русским социологом П. Л. Лавровым: "Прогресс, как смысл истории, осуществляется в росте и скреплении солидарности, насколько она не мешает развитию сознательных процессов и мотивов действия в личностях, точно так же как в расширении и уяснении сознательных процессов и мотивов действия в личностях, поскольку это не препятствует росту и скреплению солидарности между возможно большим числом личностей"¹.

Прогресс как понятие можно применять к системе в целом и к отдельным ее элементам. Для примера возьмем сферу материального производства. Совершенствование средств и организации труда ведет к росту его эффективности, вызывает к жизни новые производственные навыки и знания. Мы бесконечно далеко ушли от примитивной культуры наших предков восьмитысячелетней давности. Они даже представить себе не могли, что поля можно обрабатывать машинами, что хлеб можно выпекать, не прикасаясь к нему руками, что можно получать энергию от мощных электростанций и в считанные часы преодолевать расстояния во многие тысячи километров. Современная цивилизация, индустриальная и техногенная, создавшая огромные промышленные комплексы, превратившая развитие техники и научных знаний в ведущую детерминанту общественного развития, - это следствие прогресса.

Произошли изменения и в характере трудовых отношений. Рабство Древнего мира сменилось феодальным устройством, основанным на отношениях вассальных, а оно в свою очередь уступило место системе наемного труда.

Научно-технический прогресс (механизация и автоматизация) определяет другие стороны прогресса: урбанизацию, рост культуры и возможностей досуга, прогресс медицины, улучшение питания, снижение смертности и продление жизни. Все эти стороны прогресса теснейшим образом взаимосвязаны.

Однако отношение к результатам социального прогресса в науке далеко не однозначно. Ряд ученых считают, что надежды на безграничный прогресс, составляющий ядро "новой религии", призванной заменить Град Божий Земным Градом, не оправдались. Все большее число людей начинают сознавать, что:

- неограниченное удовлетворение желаний не является путем к счастью и даже к получению максимального удовольствия;
- экономический прогресс коснулся лишь ограниченного числа богатых наций, пропасть между богатыми и бедными увеличивается;
- независимыми хозяевами своей жизни мы не стали, а стали винтиками бюрократической машины;
- технический прогресс создал опасность окружающей среде и угрозу ядерной войны;
- человек, превратившись в сверхчеловека, наделенный сверхчеловеческой силой, пока не поднялся до уровня сверхчеловеческого разума.

Причину столь неутешительных последствий прогресса Э. Фромм² и ряд других авторов видят в самой индустриальной системе, в том, что ее психологическими посланками являются себялюбие, эгоизм, алчность, которые порождены данной системой и отнюдь не ведут к гармонии и миру. Людям все больше привлекает все механическое, безжизненное, все сильнее охватывает жажда разрушения. Оказывается забытым человек, который оторгнут от общества, потерян в современном индустриальном мире. Кризис личности - одна из самых сложных проблем, порожденных современной цивилизацией, современным индустриальным миром.

Конечно, прогресс не представляет собой прямолинейной дороги развития общества. Социальные изменения гораздо более сложны и противоречивы. Типы и темпы их различны: возможны застойные явления, попятное движение, топтание на месте, движение по кругу. Несколько веков совершенствования сменяются периодами упадка, и человечеству вновь приходится бороться за те принципы, которые, казалось, были уже прочно завоеваны.

Для определения уровня прогрессивности того или иного общества в социологии традиционно используются два критерия: уровень производительности труда и степень свободы личности в обществе. Как прогрессивное, соответственно, характеризуется то общество, в котором достаточно высоки (по сравнению с другими обществами) оба эти показателя, первый из которых порой называют "базисным", а второй - "надстроечным". Однако в современной ситуации все очевиднее становится недостаточность использования этих двух критериев при определении уровня прогрессивности социальных изменений.

Первый критерий социального прогресса - уровень производительности труда - в наибольшей степени сохранил свою роль критерия, отражающего состояние экономической сферы жизнедеятельности общества. Хотя уже сегодня необходимо учитывать принципиальные изменения, которые происходят в этой сфере. На основе компьютерной техники в экономической жизни реализуется то, что А. Тоффлер назвал "альтернативным будущим": переход от стандартизованного массового обслуживания населения к учету потребностей каждой индивидуальности, создание "малых сетей" производства, отработка "мягких технологий", переход в экономике от централизации к децентрализации и автономии, от концентрации к диффузии, от иерархии к независимости, от унификации к многообразию, от Скопления масс людей на производстве и скученности городов к надомному труду и децентрализованным общинам. Персональная информатизационная система предоставляет Новые возможности личности выступить в роли самостоятельного производителя, особенно при производстве новой Основной ценности - информации, наиболее рентабельного товара - "ноу-хау".

Наряду с интеллектуальным трудом все большее значение приобретает труд в сфере социального обеспечения и обслуживания. Если индустриальное общество определялось качеством товаров, выражающим уровень жизни, то постиндустриальное определяется качеством жизни, измеряемым обслуживанием и услугами - здравоохранением, образованием, развлечениями и искусством (Д. Белл). С изменением соотношения физического и умственного труда, пропорций сфер труда усложняется проблема подсчета средней производительности труда как критерия, используемого при определении прогрессивности общества. Однако в целом Роль этого критерия сохраняется.

Второй критерий - уровень свободы личности - долгое время считался комплексно отражающим прогрессивность социально-политических изменений в обществе. Однако феномен "бегства от свободы" (Э. Фромм), столь ярко представленный в современных социологических исследованиях, заставил усомниться в универсальности свободы личности как цели социально-политического развития общества. Человек нуждается не только в свободе, но и в ответственности за других. И отнюдь не всякая социально-политическая организация общественной жизни предоставляет личности возможности полноценно удовлетворять и первую и вторую потребность. Осознание данного факта могло произойти, очевидно, не раньше современного периода, когда Развитие демократии во многих странах мира достигает стадии, на которой становятся явственно ощутимы ее "пределы роста". Сегодня необходимостью стало преодоление представлений о свободе личности как единственной цели социально-политического развития. В связи с этим второй критерий прогресса может определяться как Уровень развития социально-политических средств обеспечения потребности членов общества в свободе и ответственности.

Однако мало того, что формулировка второго критерия представляется некомплексной. Нетрудно заметить, что в самом наборе критериев социального прогресса пока имеется существенный пробел.

Традиционно комплексный анализ жизни общества, социальных изменений осуществляется через исследование состояния трех основных сфер - экономической, социально-политической и духовной. Последняя (очевидно, не по значению) пока никак не отражена в критериях прогрессивности общественного развития. По-видимому, это можно объяснить тем, что, с одной стороны, духовной сфере очень часто в социологии отводилась роль необязательного украшения, орнамента, оформляющего "реальные" экономические и

политические процессы; с другой - даже увидев и поняв, сколь велико значение духовной сферы в жизни общества, чрезвычайно затруднительно выделить определенный, операбельный критерий, характеризующий уровень духовной жизни общества, позволяющий сопоставить прогрессивность духовной жизни разных обществ. И все же попытки такого рода предпринимаются. На наших глазах ценностный подход все глубже проникает в ткань социологических исследований. Эта тенденция отражает суть того явления, которое называется в современной социологии веберовским ренессансом. Анализ ценностей, нравственных мотивов экономической и социально-политической активности людей становится неотъемлемой частью характеристики всего процесса развития общества в целом. "Внутреннюю духовную жизнь людей, внутренние импульсы их активности трудней всего прогнозировать, но именно от этого зависит в конечном итоге и гибель, и спасение цивилизации, - писал А. Д. Сахаров. - Я убежден, что "сверхзадачей"... прогресса является не только уберечь всех родившихся людей от излишних страданий и преждевременной ^ смерти, но и сохранить в человечестве все человеческое".

Таким образом, в социологии выявляется третий критерий, позволяющий определять уровень прогрессивности того или иного общества - уровень нравственности в обществе. По-видимому, именно третьему критерию прогресса предстоит, развившись и оформившись, стать интегральным критерием, сводящим воедино все многообразие подходов к проблеме прогресса, отражающим тенденцию гармонизации социальных изменений. В третьем критерии прогрессивности социальных изменений отражены также два критерия, которые выделил А. Эйнштейн для характеристики научного познания: критерий изящества (соответствие научного познания внутреннему совершенству) и критерий красоты (соответствие научного познания внешнему оправданию, сочетающемуся с внутренним совершенством). Социальные изменения прогрессивны при условии, что они отвечают "критерию изящества", т. е. внутренне совершенны, оптимально (по времени, по затрате социальной энергии) решают определенную социальную задачу, и "критерию красоты", т. е. эти изменения не только позволяют решить определенную социальную проблему, но и получить позитивную суммарную "отдачу" в общественном организме от предпринятого изменения.

Последняя проблема является особенно острой применительно к социальным изменениям в России. Особенности социальных изменений в нашей стране отражают своеобразие национальной культуры, в которой как ни в какой другой развита идея безмерности, страстное стремление к реализации идеала, что нередко служит препятствием в достижении прагматических, обыденных целей, реализации преобразований, способных обеспечить постепенный прогресс общества.

Анализ критериев социального прогресса позволяет выделить специфические особенности современного мира, тенденции и перспективы его развития.

Прежде всего необходимо отметить глобальный, всемирный характер современной цивилизации, ее единство и целостность. Суть единого человечества заключена в его первоначале, т. е. в самом человеке. У всех людей схожие потребности, желания, интересы, они объединены Землей, дышат одним воздухом, имеют единую общность - человечество. Мир связан в единое целое: а) всеохватывающим характером научно-технического прогресса; б) процессами интернационализации мировых хозяйственных связей в производстве и обмене; в) новой всемирной ролью средств массовой информации и коммуникации; г) глобальными проблемами человечества (опасностью возникновения войны, экологической катастрофы и необходимостью их предотвращения).

Особенностью современного мира является и то, что наша цивилизация индустриально и техногенна, но в конце XX - начале XXI в. она постепенно переходит в информационную. Перспективы ее развития будут позитивны лишь в том случае, если в центре ее в XXI в. окажутся не машины, а люди. Развитие личности, создание условий для ее инициативы, для того, чтобы люди испытывали счастье и радость, - вот единственно прогрессивное направление развития человечества. А это возможно, если уже сейчас будут

созданы предпосылки для компромиссного решения человеческих проблем, для преодоления конфронтации, для решения социальных конфликтов ненасильственным путем. В истории человечества, к сожалению, было много насилия и физического (которое оканчивалось кровопролитием), и идейно-нравственного. Насилие часто рассматривалось как единственно возможный путь развития общества. Для примера возьмем идеи "социального дарвинизма" (Дюринг, Гумилович) о том, что наиболее сильные, жизнеспособные общества и социальные общности побеждают слабые и властвуют над ними, или идею Маркса о классовой борьбе и о применении определенным классом (пролетариатом) различных форм принуждения в отношении других классов с целью приобретения и сохранения экономического и политического господства. Правда, уже в конце XIX в. Ф. Энгельс отмечал "совершенное изменение" условий и не исключал возможность мирного вращивания старого общества в новое. Насилию нельзя приписать решающей роли в истории, а современный этап развития доказывает, что лишь ненасилие может спасти человечество. Если даже не вдаваться в морально-нравственный аспект этого вопроса, достаточно сказать, что глобальные проблемы, опасность возникновения всемирной ядерной войны, которая приведет к "вечному миру лишь на гигантском кладбище человечества" (И. Кант), заставляют разумных людей современности стараться не прибегать к насилию ни в коем случае. М. Ганди пишет: "Единственной надеждой для страждущего мира является узкий и прямой путь ненасилия".

Характерной чертой современного мира является его многополюсность, сегментность. Человечество реализует себя в разнообразных типах обществ, этнических общностей, культурных пространств, религиозных верований, духовных традиций - все это полюсы, сегменты мировой цивилизации. Целостность мира не противоречит его многополюсности. Есть ценности, которые мы относим к общечеловеческим: нравственность; образ жизни, достойный гуманной сущности человека; доброта; духовная красота и др. Но есть ценности, которые принадлежат определенным обществам или социальным общностям: классам, нациям, поколениям, слоям, отдельным индивидам и др. В рациональном обществе речь должна идти о гармоничном сочетании и тех, и других.

Любопытно, что в современной науке поднимается вопрос о том, что сегментный, многополюсный мир не имеет перспективы в своем развитии. Прогрессировать он будет лишь в том случае, если при всем многообразии структура мира поменяется на двухполюсную, т. е. появятся два центра мира не конфронтационных, но все же конкурирующих. Это может быть стимулом к движению. Предполагается, что такими центрами могут стать Запад и Восток (при будущем усилении позиций - прежде всего экономических - Востока). Но этот вопрос остается на уровне дискуссии.

Современному миру свойственна и противоречивость. Противоречия надстраиваются одно на другое, как этажи многоэтажного дома: между человеком и природой, государством и личностью, сильными и слабыми странами, возможностями и потребностями человечества в природных, материальных, энергетических ресурсах, в сырье и др. Противоречия современного мира порождают глобальные проблемы человечества, т. е. те проблемы, которые затрагивают жизненные интересы всех народов планеты и представляют угрозу для ее выживания, а поэтому требуют неотложного решения, причем усилиями народов всех стран. Среди наиболее серьезных глобальных проблем следует назвать проблемы предотвращения мировой войны, экологической катастрофы, развития и совершенствования образования и здравоохранения, обеспечения населения Земли природными ресурсами (сырьем, продовольствием, источниками энергии) или нахождения их заменителей, преодоления возрастающего разрыва в уровне и доходах различных стран, ликвидации голода, нищеты и др.

До степени антагонизма противоречия эти обострились в последние десятилетия в связи с использованием достижений научно-технической революции. НТР явилась объективным условием, но отнюдь не причиной перерастания этих проблем в глобальные. Война веками рассматривалась как эффективный способ политических действий, способ запечатления социальным субъектом своей роли в истории. Сегодня мы становимся

свидетелями формирования в массовом сознании принципиально нового отношения к войне (пока - к мировой) как к явлению абсолютно неприемлемому. За полвека после создания ядерной бомбы пройден огромный путь от изумления, эйфории до обыденного ужаса, способствующего все более полному восприятию идеи ненасилия, развитой мыслителями XIX - XX вв. Мировое сообщество все больше усилий прилагает ради свертывания гонки вооружений. Реальностью становятся отказ ведущих государств мира от воспроизводства наиболее антигуманных биологических и химических средств массового уничтожения, свертывание научных разработок в сфере модернизации ядерного оружия, приостановки испытания ядерного оружия. Возникают организации, занятые проблемой ограничения производства оружия в мире, созданием системы международной безопасности. Определенные прогрессивные изменения налицо. С конца 80-х годов впервые в XX в. социологи констатируют формирование тенденции к уменьшению военных расходов в большинстве государств или по крайней мере к их стабилизации. Однако мир продолжает оставаться перенасыщенным оружием. В борьбе с милитаризмом приходится учитывать, что оружие обладает свойствами "идеального товара": быстро устаревает и, следовательно, требует постоянной модернизации, замены; при использовании самоуничтожается; в процессе самоуничтожения уничтожает другие материальные ценности, освобождая тем самым рынок. Поэтому производство оружия неизменно рентабельно с экономической точки зрения.

На наших глазах меняются основные формы использования вооруженного насилия. Наряду с войнами (по подсчетам ЮНЕСКО их не менее 50 ведется в мире) нарастает эскалация терроризма. Он используется при обострении конфликтности между религиозными, этническими группами, может быть вызван экономическими причинами (в связи с изменением сфер влияния в теневом бизнесе - между кланами мафии, например). Совершенствование оружия, вероятность создания "портативного" ядерного оружия ведет к глобализации террористической угрозы. Поэтому сегодня столь важное значение приобретают терпимость, толерантность в социальном диалоге, взаимоуважение социальных субъектов как предпосылка ненасилия.

С помощью средств ведения войны сегодня можно многократно уничтожить жизнь на Земле. Однако эта страшная, губительная для биосферы нагрузка остается в основном потенциальной, чего нельзя сказать о нагрузке, связанной с трудовой активностью людей. Последняя в настоящее время близка к критической и в недалеком будущем способна привести к разрушению биосферы - не столь молниеносно, как в войне, и от того, возможно, еще более мучительному. Современный экологический кризис выражается в изменении климата; в загрязнении природы - воды (Арал, Байкал и др.), земель, воздуха; в истончении озонового слоя ("озоновые дыры").

Приведем лишь несколько примеров, которые без всяких комментариев показывают крайнюю тревожность ситуации и необходимость человеческих действий по спасению среды обитания. Природные ресурсы: за 40 лет после Второй мировой войны было использовано столько минерального сырья, сколько за всю предыдущую историю; запасы минеральных ресурсов по расчетам ученых истощатся через несколько десятилетий. Лес: его вырубка в 18 раз превышает прирост. Почва: 1 см чернозема накапливается за 300 лет, а погибает сейчас за 3 года. Океан: нефтяные пятна, отходы, содержащие фосфор, свинец, радиоактивные элементы, которые на 1 кв. км поверхности составляют 17 т. Пресная вода: 80% всех болезней вызваны недоброкачественной водой. Воздух: 115 млн. легковых автомобилей только в США поглощают кислород, выбрасывают вредные вещества - примерно 150 млн. т. Одна из экологических проблем - потепление климата. В настоящее время температура на планете на 0,6 градуса выше, чем 100 лет назад. К концу следующего века она может возрасти на 2,5-5,5 градусов. Под влиянием глобального потепления уровень моря поднимется на 0,5-2 м. Это нанесет огромный ущерб большинству государств.

История человечества учит нас, что всегда существовала необходимость согласования человеческой деятельности с возможностями природы. Судьба общества во многом

определяется тем, что происходит вокруг нас по законам, от нас не зависящим. 2,5 тыс. лет назад в Южном Китае назревал экологический кризис: население быстро росло, но пищевые ресурсы не прибавлялись. Выход нашел человек: он открыл эффективную технологию поливного рисоразведения. Рис стали высаживать в чеки, полностью залитые водой. Кроме того, в чеках стали разводить рыбу, которая снимала труд прополки рисовых плантаций, удобряла почву, служила пищей. Возникли новые гармоничные отношения человека и природы. Кризис был снят, а на этой основе возникла удивительная цивилизация. Решить экологическую проблему-в силах человечества, но для этого оно должно регламентировать деятельность общества, согласовывать "стратегию общества" и "стратегию природы", учитывать особенности развития природных систем. И тогда общество обретет стабильность в своем развитии, достигнет расцвета экономической деятельности, техники, искусства, проявления творческой индивидуальности человека.

Разумность цивилизации ("ноосферность") - необходимая черта современного мира. Под биосферой обычно понимают оболочку Земли, в которой сосредоточено все живое, но деятельность человека может разрушить ее, а может поддержать и развить ее многообразие, ее способности к адаптации. В. Вернадский раскрыл введенное французскими учеными понятие "ноосфера". Для него ноосфера - это новое эволюционное состояние биосферы, связанное с возникновением и развитием в ней человеческого общества. Это - взаимодействие природы и общества, в котором разумная деятельность человека является главным фактором развития. Человечество рассматривается в единстве с природой как целостная система "земная планета - человечество", и жизнность этой системы всецело зависит от человеческого разума. Академик Н. Моисеев использует понятие "рациональное общество", под которым он понимает общество, идущее в эпоху ноосферы, т. е. к состоянию, которое необходимо человечеству, чтобы сохранить возможность дальнейшего развития.

Разумное, нравственно полноценное, рациональное общество - вот так мы представляем себе будущее XXI века. Каким образом человечество может добиться этого, спасти себя и продвинуться по пути прогресса?

В качестве "категорического императива" социального процесса могут быть рассмотрены бесконечное многообразие социальных изменений как основа прогресса общества и принцип ограничения этих изменений критериями природосообразности и самосохранения. Если же говорить более подробно, то можно выделить такие тенденции, как:

- глобализация социальных изменений наряду с их индивидуализацией и демассовизацией, что ведет к возрастанию роли личности;
- развитие открытости общества, обеспечиваемой восстановлением форм полноценного диалога общества и природы;
- углубление системности, комплексности, взаимосвязанности развития экономической, социально-политической, духовной сфер жизни общества;
- распространение толерантности, взаимной терпимости в отношениях между социальными субъектами, сознательный отказ от единообразия как цели социальных изменений;
- преодоление антагонизма между общечеловеческими, групповыми и индивидуально-личностными целями общественного развития;
- развитие как универсальных в социальной практике принципов взаимного ограничения и взаимного стимулирования неравенства и равенства, свободы и ответственности.

Не утратить, а развить, проявить, отразить бесконечное многообразие мира и сохранить при этом его целостность - вот смысл существования социального и границы новой специфической меры свободы и ответственности для каждого человека, народа, общества.

СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Проблема человека, личности является одной из фундаментальных междисциплинарных проблем. С древних времен она занимает умы представителей разных наук. Накоплен огромный теоретический и эмпирический материал, но и сегодня эта проблема остается самой сложной, самой непознанной. Ведь не зря говорится, что человек вмещает в себя целый мир.

Каждый человек тысячами нитей, видимых и невидимых, связан с внешней средой, с обществом, вне которого он не может сформироваться как личность. Именно это - взаимодействие индивида и общества рассматривает социология, а отношение "общество-личность" - базовое социологическое отношение.

Обратимся к понятию "личность".

Личность, индивид, человек -- эти близкие, но не тождественные понятия являются объектом различных наук: биологии и философии, антропологии и социологии, психологии и педагогики.

Человек рассматривается как вид, представляющий высшую ступень эволюции жизни на Земле, как сложная система, в которой соединено биологическое и социальное, т. е. как биосоциальное существо. Каждый единичный, конкретный человек - это индивид, он неповторим; отсюда, когда говорят об индивидуальности, то подчеркивают именно эту неповторимость, уникальность.

Своеобразие социологического подхода к человеку характеризуется тем, что он изучается прежде всего как социальное существо, представитель социальной общности, носитель характерных для нее социальных качеств. При исследовании процессов взаимодействия человека и социальной среды личность рассматривается не только как объект внешних воздействий, но главным образом как социальный субъект, активный участник общественной жизни, имеющий собственные потребности, интересы, устремления, а также способности и возможности оказывать собственное воздействие на социальную среду.

Как видно, социологов интересуют социальные аспекты жизнедеятельности человека, закономерности его общения и взаимодействия с другими людьми, группами и обществом в целом. Однако интересы социологов не ограничиваются лишь социальными свойствами человека. В своих исследованиях они учитывают и влияние биологических, психологических и других свойств.

Какое же содержание вкладывается в понятие "личность"? Сразу возникает ряд вопросов: каждый ли индивид - личность, каковы критерии, дающие основание считать индивида личностью, связаны ли они с возрастом, сознанием, нравственными качествами и т. д. Наиболее часто встречающиеся определения личности, как правило, включают наличие устойчивых качеств и свойств у индивида, который рассматривается как ответственный и сознательный субъект.

Но это снова порождает вопросы: "Является ли личностью безответственный или недостаточно сознательный субъект?", "Можно ли считать личностью двухлетнего ребенка?".

Индивид является личностью тогда, когда он во взаимодействии с обществом через конкретные социальные общности, группы, институты реализует социально значимые свойства, социальные связи. Таким образом, наиболее широкое "рабочее" определение личности можно сформулировать так: личность - это индивид, включенный в социальные связи и отношения.

Данное определение открыто и подвижно, оно включает меру усвоения социального опыта, глубину социальных связей и отношений. Ребенок, воспитывающийся в человеческом обществе, уже включен в социальные связи и отношения, которые расширяются и углубляются с каждым днем. В то же время известно, что дитя человека, воспитанное в стае животных, так и не становится личностью. Или, к примеру, в случае тяжелого психического заболевания происходит разрыв, распад социальных связей, индивид утрачивает качества личности.

Бесспорно признавая за каждым право быть личностью, в то же время говорят о выдающейся, яркой личности или заурядной и посредственной, нравственной или безнравственной и т. д.

Социологический анализ личности предполагает определение ее структуры. Существует множество подходов к ее рассмотрению.

Известна концепция З. Фрейда, который выделил в структуре личности три элемента Оно (Ид), Я (Эго), Сверх-Я (Супер-Эго).

Оно - это наше подсознание, невидимая часть айсберга, где господствуют бессознательные инстинкты. По Фрейду, фундаментальными являются две потребности: либидозная и агрессивная.

Я - это сознание, связанное с бессознательным, которое время от времени прорывается в него. Эго стремится реализовать бессознательное в приемлемой для общества форме.

Сверх-Я - нравственный "цензор", включающий совокупность моральных норм и принципов, внутренний контролер.

Поэтому наше сознание пребывает в постоянном конфликте между проникающими в него бессознательными инстинктами, с одной стороны, и моральными запретами, диктуемыми Сверх-Я - с другой. Механизмом разрешения этих конфликтов выступает сублимация (вытеснение) Оно.

Идеи Фрейда долгое время считались у нас антинаучными. Конечно, не во всем с ним можно согласиться, в частности, он гипертрофирует роль сексуального инстинкта. Вместе с тем бесспорная заслуга Фрейда состоит в том, что он обосновал идею многоплановой структуры личности, поведение человека, где сочетается биологическое и социальное, где так много непознанного и, вероятно, до конца непознаваемого.

Итак, личность - наиболее сложный объект, поскольку она, находясь как бы на грани двух огромных миров - биологического и социального, вбирает всю их многоплановость и многомерность. Общество как социальная система, социальные группы и институты не обладают такой степенью сложности, ибо они сугубо социальные образования.

Представляет интерес предложенная современными отечественными авторами структура личности, включающая три компонента: память, культуру и деятельность. Память включает знания и оперативную информацию; культура - социальные нормы и ценности; деятельность - практическую реализацию потребностей, интересов, желаний личности.

В структуре личности находят свое отражение структура культуры, все ее уровни. Обратим особое внимание на соотношение современной и традиционной культуры в структуре личности. В кризисных экстремальных ситуациях, непосредственно затрагивающих "высший" культурный слой (современную культуру), может резко активизироваться традиционный слой, восходящий к далеким временам. Это наблюдается в российском обществе, когда в условиях расшатывания и резкой ломки идеологических и нравственных норм и ценностей советского периода происходит не просто оживление, а бурный рост интереса не только к религии, но и к магии, суевериям, астрологии и т. д.

"Послойное" снятие пластов культуры имеет место при некоторых психических заболеваниях.

Наконец, анализируя структуру личности, нельзя обойти вопрос о соотношении индивидуального и социального начал. В этом плане личность является "живым противоречием" (Н. Бердяев). С одной стороны, каждая личность уникальна и неповторима, она незаменима и бесценна. Как индивидуальность личность стремится к свободе, самореализации, к отстаиванию своего "Я", своей "самости", ей имманентно присущ индивидуализм. С другой стороны, как социальное существо личность органически включает коллективизм, или универсализм.

Данное положение имеет методологическое значение. Споры о том, что каждый человек по природе индивидуалист или коллективист, не утихают с давних времен. Защитников как первой, так и второй позиции предостаточно. И это не просто теоретические

дискуссии. Эти позиции имеют выход непосредственно в практику воспитания. Мы много лет упорно воспитывали коллективизм как важнейшее качество личности, предавая анафеме индивидуализм; по другую сторону океана ставка сделана на индивидуализм. Каков же результат? Доведенный до крайности коллективизм приводит к нивелировке личности, к уравниловке, но ничуть не лучше другая крайность.

Очевидно, выход в поддержке оптимального баланса имманентно присущих личности свойств. Развитие и расцвет индивидуальности, свобода личности, но не за счет других, не в ущерб обществу.

Установки, потребности, интересы личности обусловлены как условиями среды, так и ее индивидуальностью, особенностями мировосприятия, духовного мира. Они реализуются в социальной деятельности, где каждая личность выполняет определенные социальные функции: для студента и школьника это учеба, для солдата - служба, для профессора - преподавание и т. Функции личности в совокупности с необходимыми правами и обязанностями по их выполнению определяют ее социальный статус. Каждая личность, будучи включенной во множество социальных связей, исполняет различные функции и соответственно имеет несколько статусов. Один статус личность приобретает по рождению, его называют предписанным (статус дворянина, киевлянина, датчанина и т. д.), другие - приобретаются или достигаются. Они называются достигнутыми (статус руководителя предприятия, статус учителя, статус чемпиона мира по плаванию и т. д.). Принятая в обществе иерархия статусов является основой социальной стратификации. С каждым статусом соотносится определенное ожидаемое поведение при исполнении соответствующих функций. В этом случае мы говорим о социальной роли личности.

В мировой социологической мысли со времен античности отмечается сходство человеческой жизни с театром, поскольку каждому члену общества на протяжении жизни каждодневно приходится исполнять разные социальные роли.

Таким образом, социальная роль - это набор функций, более или менее четко определенный шаблон поведения, которое ожидается от человека, занимающего определенный статус в обществе. Так, семейный человек исполняет роли сына, мужа, отца. На работе он может одновременно быть инженером-технологом, мастером производственного участка, членом профсоюза и т. д.

Разумеется, не все социальные роли равнозначны для общества и равноценны для личности. В качестве основных следует выделить семейно-бытовые, профессиональные и общественно-политические роли. Благодаря их своевременному освоению и успешному исполнению членами общества возможно нормальное функционирование общественного организма.

Каждому человеку приходится исполнять и множество ситуационных ролей. Войдя в автобус, мы становимся пассажирами и обязаны выполнять правила поведения в общественном транспорте. Закончив поездку, превращаемся в пешеходов и выполняем правила уличного движения. В читальном зале и в магазине мы ведем себя по-разному, поскольку разными являются роль покупателя и роль читателя. Отклонения от требований роли, нарушения правил поведения чреватые неприятными последствиями для человека.

При всех различиях социальные роли объединяет нечто общее - структура, в которой выделяются четыре компонента: описание, предписание, оценка и санкция. Описание социальной роли включает представление образца, типа поведения, которое требуется от человека в данной социальной роли. Эти образцы, шаблоны поведения могут быть официально оформлены в виде должностных инструкций, моральных кодексов, воинских уставов и других документов, а могут существовать в форме сложившихся в общественном сознании представлений, стереотипов о "хорошей матери", "настоящем отце", "верном друге" и т. п.

Предписание означает требование вести себя в соответствии с ролью. В зависимости от этого дается оценка выполнения или невыполнения роли и принимаются санкции, т. е. меры поощрения и наказания. Диапазон социальных санкций весьма велик. Позитивный,

поощрительный спектр включает такие меры, как одобрение, благодарность, денежные вознаграждения и продвижение по службе, государственные награды и международные премии. Негативные санкции тоже многообразны: упрек коллеги, критика руководителя, штраф, снятие с должности, лишение свободы, смертная казнь и т. п.

Социальная роль не является жесткой моделью поведения, и люди неодинаково воспринимают и исполняют свои роли. Однако общество заинтересовано в том, чтобы люди своевременно овладевали, умело исполняли и обогащали социальные роли в соответствии с требованиями жизни. В первую очередь это относится к основным ролям, работника, семьянина, гражданина... В данном случае интересы общества совпадают с интересами личности. Ведь социальные роли являются формами проявления и развития личности, а их успешная реализация - залогом человеческого счастья. Нетрудно заметить, что поистине счастливые люди имеют хорошую семью, успешно справляются со своими профессиональными обязанностями, в жизни общества, в государственных делах принимают сознательное участие. Что же касается дружеских компаний, досуговых занятий и увлечений, то они обогащают жизнь, но не в состоянии компенсировать неудачи в осуществлении основных социальных ролей.

Однако достигнуть гармонии социальных ролей в жизнедеятельности человека совсем не просто. Для этого требуются большие усилия, время и способности, а также умение разрешать конфликты, возникающие при выполнении социальных ролей. Эти конфликты могут быть внутриролевыми, межролевыми и личностно-ролевыми.

К внутриролевым конфликтам относятся те, при которых требования одной роли противоречат, противодействуют друг другу. Матери, к примеру, предписывается не только доброе, ласковое обращение со своими детьми, но и требовательность, строгость к ним. Непросто совместить эти предписания, когда любимое дитя провинилось и заслуживает наказания. Обычным способом разрешения этого внутриролевого конфликта в семье является некоторое перераспределение функций, когда на отца возлагаются обязанности строго оценивать поведение и наказывать детей, а на мать - смягчать горечь наказания, утешать ребенка. При этом подразумевается, что родители едины в том, что наказание справедливо.

Межролевые конфликты возникают тогда, когда требования одной роли противоречат, противодействуют требованиям другой роли. Яркой иллюстрацией такого конфликта является двойная занятость женщин. Загруженность семейных женщин в общественном производстве и в быту зачастую не позволяет им в полной мере и без ущерба для здоровья выполнять профессиональные обязанности и вести домашнее хозяйство, быть обаятельной женой и заботливой матерью. Высказывается немало соображений о способах разрешения данного конфликта. Наиболее реальными в настоящее время и в обозримом будущем представляются относительно равномерное распределение среди членов семьи домашних обязанностей и сокращение занятости женщин в общественном производстве (работа неполный день, неделю, введение гибкого графика, распространение надомного труда и т. п.).

Студенческая жизнь вопреки расхожим представлениям тоже не обходится без ролевых конфликтов. Для овладения избранной профессией, получения образования требуется сосредоточенность на учебной и научной деятельности. Вместе с тем для молодого человека необходимо разнообразное общение, свободное время для иных занятий и увлечений, без которых невозможно формирование полноценной личности, создание своей семьи. Ситуация осложняется тем обстоятельством, что ни получение образования, ни разнообразное общение нельзя отложить на более поздний срок без ущерба для формирования личности и профессиональной подготовки.

Личностно-ролевые конфликты возникают в ситуациях, когда требования социальной роли противоречат свойствам и жизненным устремлениям личности. Так, социальная роль руководителя требует от человека не только обширных знаний, но и хороших волевых качеств, энергии, умения общаться с людьми в разных, в том числе и критических,

ситуациях. Если у специалиста не хватает этих качеств, то он не справляется со своей ролью. В народе по этому поводу говорят: "Не по Сеньке шапка".

Не менее распространенными являются ситуации, когда профессиональная роль не позволяет человеку раскрыть и проявить свои способности, реализовать свои жизненные устремления. Оптимальным представляется такое соотношение между личностью и ролью, при котором на работе к человеку предъявляются высокие, но посильные требования, предлагаются сложные, но разрешимые для него задачи.

Множественность социальных ролей, исполняемых человеком, противоречивость ролевых требований и ожиданий - это реальность современного динамичного общества. Для успешного разрешения частных житейских проблем и серьезных конфликтов полезно разобраться в соотношении социальных ролей и личности. Ошибочными здесь являются две крайние позиции. Первая сводит личность к множеству исполняемых ею ролей, растворяет без остатка все проявления личности в ролевом поведении. Согласно другой позиции, личность - это нечто независимое от социальных ролей, то, что человек представляет сам по себе. В действительности имеет место взаимодействие роли и личности, в результате которого ролевое поведение несет более или менее значительный отпечаток личности, а исполняемые роли оказывают влияние на характер человека, на облик личности.

Индивидуальность личности проявляется в выборе социальных ролей; в своеобразном характере осуществления социальных ролей; в возможности отказа от выполнения неприемлемой роли.

Деятельность человека в определенной роли оказывает обратное влияние на его личность. Так, работа врача требует от человека помимо других качеств стремления и умения внушить пациентам уверенность в благоприятном исходе лечения, работа инженера - заботы о надежности и безопасности техники. Степень влияния роли на личность зависит от того, какую ценность она представляет для человека, насколько он идентифицирует себя с ролью. Поэтому появление речевых и мыслительных штампов можно наблюдать не только в профессиональной деятельности увлеченного педагога, но и в быту, на досуге. Одержимость своей профессией может привести к гипертрофированному развитию определенных качеств и некоторой деформации личности. Так, роль руководителя, предписывающая распоряжаться, приказывать, контролировать и наказывать, может привести к повышенному самолюбию, высокомерию и другим негативным личностным свойствам.

Поэтому признаками зрелой личности являются не только самостоятельный, осознанный выбор социальных ролей, их добросовестное и творческое осуществление, но и определенная автономия, социальная дистанция между ролью и личностью. Она оставляет человеку возможность взглянуть на свое ролевое поведение со стороны, оценить его с точки зрения личных, групповых и общественных интересов и внести необходимые уточнения, а в крайних случаях отказаться от недостойной роли.

Социальная роль, выражая взаимосвязь личности и общества, позволяет уяснить их соотношение, проанализировать механизмы воздействия общества на личность и личности на общество. Эта проблема волнует мыслителей с древних времен, но однозначного ответа человечество не предложило до сих пор, да его, вероятно, и не может быть.

То, что личность зависит от общества, ясно. Она просто не может существовать без него. Но обладает ли она какими-то независимыми чертами? И существует ли обратное влияние? Если да, то в какой степени она может менять общественную жизнь?

Рассмотрим три разные концепции, представленные классиками социологии - Э. Дюркгеймом, М. Вебером и К. Марксом.

Отношения индивида и общества - одна из главных проблем социологии Э. Дюркгейма. Он подчеркивает, что социальная реальность автономна по отношению к индивидуальной реальности, имеющей биопсихический характер. Дюркгейм постоянно соотносит эти два вида реальности. Так, "индивидуальным фактам" он противопоставляет "социальные факты", "индивидуальным представлениям" - "коллективные представления", "индивидуальному сознанию" - "коллективное сознание" и т. д. Это непосредственно связано

с тем, как социолог видит сущность личности. Для Дюркгейма она - двойственная реальность, в которой сосуществуют, взаимодействуют и борются две сущности: социальная и индивидуальная. Причем социальное и индивидуальное не дополняют друг друга, не взаимопроникают, а именно противостоят.

Все симпатии Дюркгейма на стороне первого. Социальная реальность, "коллективные представления", "коллективное сознание" полностью господствуют над всеми признаками индивидуального, над всем тем, что есть личность человека. Общество в его интерпретации выступает как независимая, внешняя и принудительная сила в отношении индивида. Оно представляет собой более богатую и большую реальность, чем индивид, доминирует над ним и создает его, являясь источником высших ценностей.

Дюркгейм признает, что общество возникает в результате взаимодействия индивидов, но, раз возникнув, оно начинает жить по своим собственным законам. И теперь уже вся жизнь индивидов определяется социальной реальностью, влиять на которую они не могут или же влияют очень незначительно, не меняя сути социальных фактов.

Дюркгейм, таким образом, отдает предпочтение силе социальной реальности как объективно существующим и определяющим личность условиям.

Иную позицию по этому вопросу занимает М. Вебер. Он среди тех, кто придает огромное значение в развитии общества действиям (поведению) индивида. Вебер видит в роли субъекта только отдельных индивидов. Он не отрицает существование и необходимость изучения таких социальных образований, как "государство", "акционерное общество" и т. п. Но с точки зрения социологии эти образования только суть процесса и связи специфических действий отдельных людей, так как лишь последние являются понятными для нас носителями действий, имеющих смысловую ориентацию.

Вебер не исключает возможности использования в социологии понятий "семья", "нация", "государство", но он требует не забывать, что эти формы коллективности реально не являются субъектами социального действия. Этим коллективным социальным формам нельзя приписать волю или мышление. Понятия "коллективная воля" и "коллективная жизнь" можно употреблять только условно, метафорически.

Социальным действием можно считать, по Веберу, только осмысленное, направленное на достижение ясно осознаваемых индивидом целей поведение. Такой тип действия Вебер называет целерациональным. Осмысленное, целенаправленное действие и делает индивида субъектом социального действия. Он отмежевывается от тех социологических теорий, которые в качестве исходной социальной реальности, субъектов социального действия берут социальные тотальности: "классы", "общество", "государство" и пр. С этой позиции он критикует "органическую социологию", рассматривающую общество как условный организм, в котором индивиды выступают в роли биологических клеток. Действие индивида, по Веберу, можно понять, так как оно осмысленно и целенаправленно, изучать его - занятие для социологов. Действие же клетки - нет, так как оно лишено названных атрибутов, и это уже сфера биологии.

Но также нельзя понять и действия класса, народа, хотя вполне можно понять действия индивидов, составляющих класс, народ. Для Вебера эти общие понятия слишком абстрактны. Он противопоставляет им требование социологии считать субъектом социального действия индивида и изучать его.

Еще один вариант решения данной проблемы содержит теория К. Маркса. В его понимании субъектами общественного развития являются социальные образования нескольких уровней: человечество, классы, нации, государство, семья и личность. Движение общества осуществляется в результате действий всех этих субъектов. Однако они отнюдь не равнозначны, и сила их воздействия изменяется в зависимости от исторических условий. В разные эпохи как решающий выдвигается такой субъект, который является основной движущей силой данного исторического периода. В первобытном обществе основным субъектом социальной жизни была семья или возникавшие на ее основе образования (род, племя). С появлением классового общества субъектами общественного развития, по Марксу,

становятся классы (разные во все периоды), а движущей силой - их борьба. Следующее изменение субъекта социального действия предполагалось Марксом в результате установления коммунистических отношений. В этот период человечество переходит от стихийного развития к сознательному, осмысленному созиданию общественных отношений во всех сферах жизни. Маркс считал, что именно тогда начнется подлинная история человечества. И субъектом общественного развития станет целенаправленно действующее, освободившееся от классовой борьбы и прочих стихийных проявлений, осознавшее себя и смысл своего существования человечество.

Но нужно обязательно иметь в виду, что в концепции Маркса все субъекты общественного развития действуют в русле объективных законов развития общества. Они не могут ни изменить эти законы, ни отменить их. Их субъективная деятельность либо помогает этим законам действовать свободно и тем ускоряет общественное развитие, либо мешает им действовать и тогда тормозит исторический процесс.

Как же представлена в этой теории интересующая нас проблема: личность и общество? Мы видим, что личность здесь признается субъектом общественного развития, правда, не выдвигается на первый план и не попадает в число движущих сил социального прогресса. Согласно концепции Маркса, личность не только субъект, но и объект общества. Она не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она - совокупность всех общественных отношений. Развитие индивида обусловлено развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении, оно не может быть оторвано от истории предшествующих и современных ему индивидов.

Таким образом, жизнедеятельность личности в концепции Маркса всесторонне определяется обществом в виде социальных условий ее существования, наследия прошлого, объективных законов истории и т. д. Но некоторое пространство для социального ее действия все-таки остается. Согласно Марксу, история не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека.

Каким же образом обусловленный со всех сторон человек творит историю? Как личность влияет на ход исторического развития?

Для понимания этого в марксизме огромное значение имеет категория "практика". Субъективность человека у Маркса есть результат его предметной практики, освоения человеком в процессе труда объективного мира и его преобразования. В этом смысле каждый индивид, так или иначе вовлеченный в человеческую практику, является субъектом общественного развития.

Рассмотрев различные концепции по проблеме взаимоотношения общества и личности, отметим вклад каждого социолога в ее познание. Вместе с тем следует отметить, что абсолютной истиной здесь человечество не располагает.

Степень влияния личности на исторические процессы определяется не только ограниченным пространством ее социального развития. Она зависит от содержания конкретной личности, ее миропонимания, социальной позиции. И здесь определяющее значение имеет понятие о смысле жизни - идеальном представлении индивида о содержании, сущности и предназначении человеческого существования. Власть и богатство, творчество и профессиональные достижения, свобода и служение Богу могут выступать в качестве составных элементов комплексного представления о смысле жизни. Но нередко один из элементов воспринимается человеком как главный смысл жизни, главный стержень существования. Вспомним идею построения коммунистического общества, при котором будут жить будущие поколения. И лозунги послереволюционного периода, задающие смысл и цель жизни: "Мы живем для счастья будущих поколений!" В реальности получалось, что человек должен жить ради того, что оказывается за пределами единственной и неповторимой человеческой судьбы. Тем не менее этот лозунг был принят, особенно поколениями 20-40-х годов. Такова реальность, и ее не вычеркнуть из истории.

Нравственный кризис, характерный для современной российской действительности, истоки которого обычно видят во временах тоталитаризма, есть не что иное, как ощущение

огромным числом людей бессмысленности той жизни, которую приходится им вести. И хотелось бы обратить внимание на это не сугубо российское явление. Западные страны и даже Африканский континент давно уже озабочены проблемой утраты человеком смысла жизни.

На этой проблематике выросли десятки, если не сотни философских концепций. А сейчас с ней столкнулась и наша социологическая мысль. И дело не в том, что нам "разрешили" думать и писать; просто проблема эта еще более обострилась. Появилась у нас она значительно позже, чем в других странах. Это утверждение может показаться странным, но именно тоталитарный режим затормозил наступление нравственного кризиса и именно его крушение сопровождается сейчас у очень многих людей ощущением нелепости и бессмысленности жизни, а точнее - потерей смысла существования. Хочется подчеркнуть, что причины духовного кризиса современной личности не так поверхностны, как это нередко преподносит наша публицистика.

С явлением, получившим множество названий, но имеющим единую сущность - потерю смысла жизни, западное общество столкнулось уже в начале прошлого века, а осмысливаться оно в философии и социологии стало в середине XIX в. Почти все социологи находили причину морального кризиса общества в победе рационализма в сфере производства, управления и потребления, вызванного расцветом капиталистических отношений. В этом они видели потерю человеческой свободы, человеческих ценностей.

М. Вебер лучше всех выразил эту идею, от которой отталкивались затем в своем развитии многие ставшие впоследствии популярными философские и социологические концепции (например, экзистенциализм, Франкфуртская школа и т. д.).

Вебер считает, что его эпоха с характерной для нее рационализацией и интеллектуализацией, "расколдованием мира" (заметим себе) пришла к тому, что самые высокие ценности переместились из общественной сферы или в потустороннее царство мистической жизни, или в братскую близость непосредственных отношений отдельных индивидов. В общественной жизни установились четко рациональные отношения, и индивид полностью лишен здесь свободы. Единственное время и место, где она еще сохранилась - это досуг. Все силы капиталистического общества направлены на то, чтобы обеспечить бесперебойное и ритмичное действие "производственно-научной машины". Европейская, наука, считает Вебер, европейский тип организации, наконец, европейские религии, образ жизни и мировоззрение - все работает на формальную рациональность, превращая ее, из средства в цель. Капитализм, по Веберу, превращает производство из средства в цель, а человека - в лишенного свободы раба рационально организованного производства. И индивид постоянно мечется между сферами необходимости и свободы, производственной, общественной и интимной жизни, досуга. Отсюда и кризис в "расщепленном" сознании человека.

В то же время Вебер наблюдал (да и сам испытывал ту же потребность) стремление людей к личностным, неформальным объединениям.

Однако он предостерегает и от такого рода общностей, так как на этом пути не найти восстановления целостности человека, а можно только потерять остаток личной свободы, ибо индивид не будет предоставлен самому себе даже в самой интимной и нравственной сфере. Судьба человека разрывается между двумя реальностями: служением необходимости и обладанием свободой в часы досуга. Когда человек на производстве или в общественной жизни, он не выбирает, он - как все. Когда же он на досуге, его святое право - выбирать себя. Условием такого выбора является полная политическая свобода, полная демократия.

В этой концепции Вебера и других направлениях западной социологии главной причиной духовного кризиса современной личности выступает потеря ею свободы и человеческой целостности.

Возникает вопрос: какую свободу человек имел и когда? Ведь чтобы потерять, нужно было ее иметь. Вебер называет, как мы заметили, свою эпоху "расколдованием мира". Значит, до этого времени мир был "заколдованным"? Очевидно, под этим он имеет в виду

докапиталистические отношения. Но тогда потерянную свободу нужно искать именно в докапиталистическом, "заколдованном" мире. Так ли обстоят дела в действительности? Конечно, сословное, полное условностей, традиционное докапиталистическое устройство вполне можно назвать "заколдованным" по сравнению с рационалистическим, основанным на чистогане, лишенным иллюзий капитализмом. А вот была ли в этом обществе свобода личности? Можно согласиться, что человеческая личность была в эпоху Средневековья более цельной именно потому, что была несвободной, практически лишенной выбора. В то время действовали четкие регуляторы поведения.

Во-первых, это были традиционные мотивации на постоянное воспроизведение привычных типов поведения (скажем, все ходят в церковь). Нарушение традиции осуждалось обществом и даже наказывалось. Человеческая деятельность в строгих рамках традиции ориентирована была на выживание, самосохранение.

Во-вторых, поведение людей определялось как исполнение обязанностей, долга по отношению к патрону, родителям, общине. При этом трудности, самоограничения и даже страдания при исполнении обязанностей считались в порядке вещей.

В-третьих, поведением личности руководили как светские, так и церковные власти, регламентируя его весьма тщательно.

В-четвертых, деятельность человека определялась его привязанностью к своему селу, городу, округу, который очень сложно, а иногда и невозможно было покинуть, переменить, но который и защищал имущество, достоинство, а иногда и жизнь человека от внешних врагов.

Говорить о свободе личности в этих условиях едва ли стоит.

Как раз развитие капиталистических отношений сделало человека относительно свободным, уничтожив большинство из названных мотивов поведения, а оставшиеся значительно ослабив (например, последний). Человек капиталистического общества оказался один на один со своей судьбой. Не стало сословия, в котором ему предопределено было пребывать, традиционной фамильной профессии, корпоративного принуждения, но не стало и корпоративной поддержки (средневекового цеха, гильдии и пр.) и т. д. Человек оказался перед выбором без гарантий и общинной поддержки. Кроме того, подверглись сомнению или вовсе рухнули многие нравственные ценности Средневековья. Можно и нужно было выбирать себе культурный идеал, который раньше определялся рождением (крестьянин - трудись, дворянин - не трудись, но будь воином).

Выбор - тяжелая вещь, а выбор культурного идеала - тяжелейшая работа ума и души. Отнюдь не все люди оказались способными проделать эту работу и найти свой, а не предначертанный кем-то или чем-то путь. Отсюда и стремление к объединениям (особенно у молодежи), которое заметил в свое время Вебер, конформизм, о котором так много сказано в социологии и философии. Легче присоединиться к какой-то группе и существовать по ее правилам и идеалам, чем самому определяться, выбирать, брать на себя ответственность. Отсюда и духовный кризис.

Очевидно, не потеря свободы, а ее обретение, демократизация общества явились истинной причиной духовного и нравственного кризиса огромного числа людей. Такой дорогой ценой платит личность за обретение нового качества. Это новое качество формируется, видимо, на протяжении жизни многих поколений. Назовем его условно "работой души" или нонконформизмом, способностью выбирать свой путь и брать ответственность за его выбор на себя.

А теперь вернемся в нашу страну и наше время. Если сравнить перечисленные выше мотивации поведения в докапиталистической формации и в советской стране в эпоху тоталитаризма, то мы обнаружим их полное совпадение. Все четыре вида мотиваций поведения личности, но в несколько модифицированной форме у нас присутствовали. Кроме того, было еще тоталитарное государство, о котором Средневековье не имело и понятия. Оно выступало в роли главного вершителя человеческих судеб, в лице госаппарата и партаппарата казнило и миловало. В глазах большинства людей оно было вроде господ бога,

который строг, но справедлив. Такое государство могло все: дать жилье или посадить в тюрьму. И большинство людей это устраивало, так как снимало с них ответственность за собственную жизнь.

И сейчас, когда тоталитаризм рухнул, неудивительно, что многие люди находятся в состоянии растерянности. Рассыпались ценности, которыми иллюзорно, как в "заколдованном" мире, жило большинство населения нашей страны. В основном это была бескризисная спячка. Мы даже удивлялись: что это западные философы все пишут о каких-то кризисах? У нас все нормально.

Теперь наш мир "расколдовался". Невозможность найти позитивный смысл в жизни из-за разрушения старых ценностей и традиций, отсутствие культуры, позволяющей выбрать свой путь в столь бурное время, во многом объясняют те социальные патологии, которые являются сейчас болью нашего общества - преступность, алкоголизм, наркомания, самоубийства.

Очевидно, пройдет время, и люди научатся жить в новых социальных условиях, искать и находить смысл жизни, но для этого нужен опыт свободы. Она породила вакуум существования, сломав традиции, сословия и прочее, она же и научит, чем его заполнить. На Западе люди уже делают некоторые успехи в этом направлении: они дольше учились. Очень интересные идеи на этот счет высказывает австрийский психоаналитик доктор В. Франкл. Он считает, что для человека свойственно стремиться к тому, чтобы жизнь его была осмысленной. Если смысла нет - это тяжелейшее состояние личности. Нет никакого общего для всех людей смысла жизни, он уникален для каждого. Смысл жизни, считает Франкл, нельзя придумать, изобрести; его нужно найти, он существует объективно вне человека. Напряжение, которое возникает между человеком и внешним смыслом, - нормальное, здоровое состояние психики. Человек должен найти и осуществить этот смысл.

Несмотря на то, что смысл жизни каждого уникален, путей, которыми человек может сделать свою жизнь осмысленной, не так уж и много: что мы даем жизни (в смысле нашей творческой работы); что мы берем от мира (в смысле переживаний, ценностей); какую позицию мы занимаем по отношению к судьбе, если не можем ее изменить.

В соответствии с этим Франкл выделяет три группы ценностей: ценности творчества, ценности переживания и ценности отношения. Реализация ценностей (или хотя бы одной из них) может помочь осмыслить человеческую жизнь. Если человек делает что-то сверх предписанных обязанностей, приносит что-то свое в работу, то это уже осмысленная жизнь. Однако смысл жизни может дать и переживание, например любовь. Даже одно-единственное ярчайшее переживание сделает осмысленной прошлую жизнь. Но главным открытием Франкл считает третью группу ценностей - ценности отношения. К ним человек вынужден прибегать тогда, когда не может изменить обстоятельства, когда попадает в экстремальную ситуацию (безнадёжно болен, лишен свободы, потерял любимого человека и т. п.). При любых обстоятельствах, считает доктор Франкл, человек может занять осмысленную позицию, ибо жизнь человека сохраняет свой смысл до конца.

Вывод можно сделать достаточно оптимистический: несмотря на духовный кризис у многих людей современного мира, выход из этого состояния все-таки найдется по мере того, как люди будут осваивать новые свободные формы жизни.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

Социальные связи соединяют индивидов в определенные устойчивые объединения, группы, которые характеризуются разными признаками, дифференцируются по различным критериям. Это могут быть пол, возраст, профессия и т. д. При этом мы видим, что как отдельные люди, так и группы занимают в обществе неравное положение. Неравенство - характерная черта любого общества. Исследования антропологов говорят о том, что оно существовало уже в примитивных обществах и определялось силой, ловкостью, смелостью, религиозной осведомленностью и т. д. Неравенство порождается даже естественными

различиями между людьми, но наиболее глубоко оно проявляется как следствие социальных факторов. В итоге одни личности, группы или слои обладают большими возможностями, или ресурсами (финансовыми, властными и т. д.), чем другие. Справедливо ли это? И возможно ли общество, где отсутствует социальное неравенство? Не случайно существовали, да и продолжают жить и представления о минувшем "золотом веке", и мечты о будущем обществе полного социального равенства.

Прежде всего следует рассмотреть вопрос о причинах существования и устойчивого воспроизводства социального неравенства.

По этой проблеме существуют разные точки зрения. Марксизм находит объяснение прежде всего в неравном отношении к средствам производства, к собственности, что порождает и другие формы неравенства.

Функционализм дает трактовку на основе дифференциации функций, которые выполняют различные группы в обществе (вспомним "Государство" Платона, где в соответствии с тремя началами человеческой души - разумным, яростным и вожделеющим - в государстве существуют три сословия: правителей, воинов и производителей-ремесленников и земледельцев; и каждое должно заниматься своим делом). Значимостью функций определяются соответственно место и роль той или иной личности и группы, их положение в обществе.

В социологии одно из первых объяснений неравенства дано Э. Дюркгеймом в его работе "О разделении общественного труда". Вывод автора состоит в том, что различные виды деятельности по-разному оцениваются в обществе. Соответственно они образуют определенную иерархию.

Кроме того, сами люди обладают разной мерой таланта, умения и т. д. Общество должно позаботиться о том, чтобы самые способные и компетентные выполняли наиболее важные функции; в свою очередь это определяет различные вознаграждения.

В рамках структурного функционализма концепцию стратификации развивали американские социологи К. Дэвис и У. Мур. Неравенство при этом выступает как естественный способ саморегуляции и выживания общества, его организации, как стимул к продвижению.

Таким образом, общество не просто дифференцировано, но иерархично структурировано, по принципу "выше" - "ниже".

Анализ вертикального расслоения общества находит отражение в теории стратификации. Само понятие "стратификация" пришло в социологию из геологии, где "страта" означает геологический пласт. Данное понятие достаточно точно передает содержание социальной дифференциации, когда социальные группы выстраиваются в социальном пространстве в иерархически организованный вертикально последовательный ряд по какому-либо измерению неравенства.

Критерии организации неравенства могут быть различными. Это служит основанием многомерного подхода к изучению социальной стратификации в западной социологии. Как известно, у нас долгие годы господствовала классовая теория, основанная на одномерном подходе к анализу социальной дифференциации, где определяющим критерием выступает отношение к собственности, к средствам производства. Отсюда на различных этапах развития общества выделялись как основные классы имущих и неимущих: рабы и рабовладельцы, крестьяне и феодалы, пролетарии и буржуа.

Однако "замкнутость" на экономику не могла объяснить той многоплановости и объемности, которые в реальной жизни характеризуют социальную дифференциацию общества. М. Вебер расширяет круг критериев, включая отношение к власти и социальный престиж, позволяющий занять то или иное место на социальной лестнице в соответствии с занимаемым статусом.

Разные формы социальной дифференциации выделяет П. А. Сорокин. Имущественное неравенство порождает экономическую дифференциацию, неравенство в обладании властью свидетельствует о политической дифференциации, разделение по роду деятельности,

различающейся уровнем престижа, дает основание говорить о профессиональной дифференциации.

В современной западной социологии на основе многомерного подхода выделяются разные измерения стратификации: по признаку пола, возраста, расы, имущественного положения, образования и т. д.

Однако социальная дифференциация - это лишь одна составляющая социальной стратификации. Другой, не менее важной - является социальная оценка.

Американский социолог Т. Парсонс подчеркивал, что социальная иерархичность обусловлена господствующими в обществе культурными стандартами и ценностями.

В соответствии с этим в разных обществах со сменой эпох менялись критерии, определяющие статус личности или группы.

Так, в примитивных обществах прежде всего ценились сила и ловкость, в средневековой Европе был высок статус духовенства и аристократии. Даже обедневший представитель знатного рода был более уважаем в обществе, чем богатый купец. Но в буржуазном обществе капитал все в большей степени стал определять положение человека в обществе, открывал путь вверх по социальной лестнице. Напротив, в советском обществе богатство приходилось скрывать, в то же время принадлежность к коммунистической партии открывала дорогу к карьере и т. д.

Итак, социальную стратификацию можно определить как структурированную систему социального неравенства, в которой индивиды и социальные группы ранжированы в соответствии с занимаемым в обществе социальным статусом.

Занимаемая индивидом или группой социальная позиция предполагает соответствующие "награды": власть, привилегии, материальные блага и т. д. В реальной действительности не всегда имеет место это соответствие. Тогда мы сталкиваемся с явлением статусной несовместимости. Субъективно она воспринимается как несправедливость и имеет негативные социальные последствия: тормозит прогрессивное развитие общества, дестабилизирует его. Ярким примером статусной несовместимости может служить положение интеллигенции в современной России.

Поскольку статус является важным условием самореализации личности, человек болезненно реагирует на неадекватность оценки обществом его социальной позиции. Он либо впадает в апатию, либо вступает на путь борьбы с несправедливостью. Как правило, люди, находящиеся в ситуации статусной несовместимости, тяготеют к радикальным взглядам. Не этим ли объясняется феномен Жириновского? Социально стратифицированное общество с его многочисленными слоями можно представить в виде вертикальной структуры с тремя уровнями, которые в современной социологии принято называть классами (в отличие от страт классы характеризуются целым рядом, набором определенных признаков и критериев: уровень дохода, образование, профессия и т. д.).

Это - высший, средний и низший класс. Иногда они внутри также подразделяются на уровни. Так, американский социолог У. Л. Уорнер в своем исследовании "Город-янки" (Янки-сити) выделил 6 классов: 1) высший высший класс (наиболее богатые, знатного происхождения), 2) высший класс (богатые, но не выходцы из аристократии), 3) высший слой среднего класса (состоятельная интеллигенция), 4) низший слой среднего класса ("белые воротнички"), 5) высший слой низшего класса (рабочие), 6) низший слой низшего класса (люмпены и т. д.).

Высший класс обычно составляет небольшой процент Населения (не более 10%). Его роль в жизни общества неоднозначна. С одной стороны, он владеет мощными средствами влияния на политическую власть. С другой - его интересы, главными из которых являются сохранение и приумножение накопленной собственности, постоянно сталкиваются с интересами остальной части общества. Не обладая при этом достаточной численностью, высший класс не является гарантом устойчивости и стабильности общества.

По всеобщему признанию социологов, подтверждаемому жизнью, центральное место в социальной структуре современного общества занимает средний класс.

Оценивая средний класс, английский историк А. Тойнби подчеркивал, что современная западная цивилизация - это прежде всего цивилизация среднего класса, и западное общество стало современным лишь после того, как ему удалось создать многочисленный и компетентный средний класс.

И наоборот, там, где по разным причинам не оформился средний класс, налицо социально-экономическая и политическая нестабильность, значительно затруднен процесс модернизации общества и т. д.

Можно выделить основные признаки принадлежности к среднему классу:

- наличие собственности в виде накопленного имущества или существующего как источник дохода (средние и мелкие предприятия, магазины, мастерские и т. д.);
- высокий уровень образования (как правило, высшее или среднее специальное), что можно характеризовать как интеллектуальную собственность;
- доход, размер которого колеблется вокруг среднего уровня по стране;
- профессиональная деятельность, имеющая достаточно высокий престиж в обществе.

К среднему классу можно отнести средних и мелких предпринимателей и бизнесменов (в общем количестве предпринимателей они составляют 80-90%), управленческих работников, государственных служащих, научную, художественную, гуманитарную, инженерно-техническую интеллигенцию, рабочих высокой квалификации, фермеров и некоторые другие категории.

Средний класс характеризуют экономическая независимость и активность. Он (прежде всего предпринимательский слой) обеспечивает занятость населения и большую часть национального дохода. Как субъект политики средний класс выступает за твердый правопорядок, законность, соблюдение прав человека, а также за стабильную устойчивую власть. Он противник анархии, произвола и экстремизма в политике, сторонник умеренных, взвешенных, продуманных реформ. Выступая оппонентом крупного капитала и сдерживая радикальные устремления низшего класса, в целом средний класс играет роль стабилизатора общества, сохраняя его равновесие и устойчивость.

В нижней части социальной лестницы находится низший класс. К нему относятся те категории населения, которые не владеют собственностью, заняты низкоквалифицированным трудом с доходом, определяющим их положение на грани бедности или ниже уровня бедности. Сюда же относятся группы, не имеющие постоянного заработка, безработные, деклассированные элементы.

Само положение этих слоев определяет их позиции как неустойчивые. Обычно именно эти слои становятся социальной базой партий радикального и экстремистского толка. Если изобразить графически, социальная стратификация современного развитого демократического общества будет выглядеть как ромб. Как видно, наиболее широкую стабилизирующую часть ромба, "буферную" между высшим и низшим классами занимает средний класс, удельный вес которого составляет в среднем 60-80%.

Иной профиль будет иметь социальная стратификация развивающегося общества. Это - пирамида, где нижнюю часть от основания представляет низший класс, составляющий большинство населения, а верхняя часть представлена высшим и средним классами, в сумме составляющими меньшинство (менее 30%) населения.

Нужно иметь в виду, что высота и профиль стратификации могут меняться, но не беспредельно. Выравнивание, движение к плоскости стратификации приводит к разрушению экономики, анархии и хаосу.

Беспредельное повышение ее также чревато катастрофическими последствиями. Как отмечал П. А. Сорокин, "существует точка "насыщения", дальше которой общество не может продвигаться без риска крупной катастрофы. Когда же она достигнута, социальное здание рушится, и его верхние слои низвергаются".

Формирование и поддержание социальной стратификации не является абсолютно саморегулируемым и естественным процессом. Значительное влияние на него оказывает власть. В зависимости от ее характера могут быть внесены те или иные коррективы в

построение системы ранжирования социальных позиций. Речь идет в сущности об одном из аспектов социального контроля, осуществляемого в обществе властными структурами.

Анализ иерархической структуры общества показывает, что она не является застывшей, в ней постоянно происходят колебания и перемещения как по горизонтали, так и по вертикали. Когда мы говорим об изменении социальной группой или индивидом своей социальной позиции, мы имеем дело с социальной мобильностью. Она может быть горизонтальной (при этом используется понятие социального перемещения), если осуществляется переход в другие профессиональные либо иные, но равные по статусу группы. Вертикальная (восходящая) мобильность означает переход индивида или группы на более высокую социальную позицию с большим престижем, доходом, властью.

Возможна также нисходящая мобильность, предполагающая движение к более низким иерархическим позициям.

В периоды революций, социальных катаклизмов происходит коренное изменение социальной структуры, радикальная замена высшего слоя с низвержением прежней элиты, появление новых классов и социальных групп, массовая групповая мобильность.

В стабильные периоды социальная мобильность возрастает в периоды структурной перестройки экономики. При этом важным "социальным лифтом", обеспечивающим вертикальную мобильность, выступает образование, роль которого возрастает в условиях перехода от индустриального общества к информационному.

Социальная мобильность является достаточно достоверным показателем уровня "открытости" или "закрытости" общества. Ярким примером "закрытого" общества может служить кастовый строй в Индии. Высокая степень закрытости характерна для феодального общества. Напротив, буржуазно-демократические общества, будучи открытыми, характеризуются высоким уровнем социальной мобильности. Однако следует отметить, что и здесь вертикальная социальная мобильность не является абсолютно свободной и переход из одного социального слоя в другой, более высокий осуществляется не без сопротивления.

Социальная мобильность ставит индивида в условия необходимости адаптации в новой социокультурной среде. Процесс этот может быть весьма непростым. Человек, утративший привычный для него социокультурный мир, но не сумевший воспринять нормы и ценности новой группы, оказывается как бы на грани двух культур, становится маргиналом. Это характерно также для мигрантов, как этнических, так и территориальных. В таких условиях человек испытывает дискомфорт, стрессы. Массовая маргинальность порождает серьезные социальные проблемы. Она, как правило, отличает общества, находящиеся на крутых переломах истории. Именно такой период переживает в настоящее время Россия.

Процесс перехода от экономики, в основе которой лежал административно-бюрократический способ управления общественным производством и распределением, к экономике, базирующейся на рыночных отношениях, и от монопольной власти партгосноменклатуры к представительной демократии происходит чрезвычайно болезненно и медленно. Стратегические и тактические просчеты в радикальном преобразовании общественных отношений отягощаются особенностями созданного в СССР экономического потенциала с его структурной асимметричностью, монополизмом, технологической отсталостью и т. д.

Все это нашло отражение в социальной стратификации российского общества переходного периода. Чтобы дать ее анализ, понять особенности, необходимо рассмотреть социальную структуру советского периода. В советской научной литературе в соответствии с требованиями официальной идеологии утверждался взгляд с позиций трехчленной структуры: два дружественных класса (рабочий и колхозное крестьянство), а также социальная прослойка - народная интеллигенция. Причем в данном слое как бы на равных оказывались и представители партийной и государственной элиты, и сельская учительница, и библиотечный работник.

При таком подходе вуалировалась существовавшая дифференциация общества, создавалась иллюзия движения общества к социальному равенству.

Разумеется, в реальной жизни дело обстояло далеко не так, советское общество было иерархизировано, притом весьма специфически. По мнению западных и многих российских социологов, оно представляло собой не столько социально-классовое, сколько сословно-кастовое общество. Господство государственной собственности превратило подавляющую массу населения в наемных работников государства, отчужденных от этой собственности.

Решающую роль в расположении групп на социальной лестнице играл их политический потенциал, определявшийся местом в партийно-государственной иерархии.

Высшую ступень в советском обществе занимала партийно-государственная номенклатура, объединявшая высшие слои партийной, государственной, хозяйственной и военной бюрократии. Не являясь формально собственником национального богатства, она обладала монопольным и бесконтрольным правом его использования и распределения. Номенклатура наделила себя широким кругом льгот и преимуществ. Это был по существу закрытый слой типа сословия, не заинтересованный в росте численности, ее удельный вес был невелик - 1,5 - 2% населения страны.

Ступенью ниже находился слой, обслуживавший номенклатуру, работники, занятые в сфере идеологии, партийной прессы, а также научная элита, видные деятели искусства.

Следующую ступеньку занимал слой, в той или иной степени причастный к функции распределения и использования национального богатства. К ним относились государственные чиновники, распределявшие дефицитные социальные блага, руководители предприятий, колхозов, совхозов, работники материально-технического снабжения, торговли, сферы обслуживания и т. д.

Отнести эти слои к среднему классу вряд ли правомерно, поскольку они не имели свойственной этому классу экономической и политической независимости.

Представляет интерес анализ многомерной социальной структуры советского общества 40-50-х годов, данный американским социологом А. Инкельсом (1974 г.). Он рассматривает ее как пирамиду, включающую 9 страт.

На вершине находится правящая элита (партийно-государственная номенклатура, высшие военные чины).

На втором месте - высший слой интеллигенции (видные деятели литературы и искусства, ученые). Обладая значительными привилегиями, они не имели тех властных полномочий, которыми располагал высший слой.

Достаточно высокое - третье место отводилось "аристократии рабочего класса". Это стахановцы, "маяки", ударники пятилеток. Этот слой также имел большие привилегии и высокий престиж в обществе. Именно он олицетворял "декоративную" демократию: его представители были депутатами Верховных Советов страны и республик, членами ЦК КПСС (но не входили в партийную номенклатуру).

Далее следовал основной отряд интеллигенции (управленцы среднего звена, руководители небольших предприятий, научные и научно-педагогические работники, офицеры и т. д.).

Пятое место занимали "белые воротнички" (мелкие управленцы, служащие, не имевшие, как правило, высшего образования).

Шестой слой - "преуспевающие крестьяне", работавшие в передовых колхозах, где создавались особые условия труда. С целью формирования "образцово-показательных" хозяйств им выделялись дополнительные государственные финансовые и материально-технические ресурсы, что позволяло обеспечить более высокую производительность труда и уровень жизни.

На седьмом месте находились рабочие средней и низкой квалификации. Численный состав этой группы был достаточно велик.

Восьмое место занимали "беднейшие слои крестьянства" (а такие составляли большинство). И, наконец, внизу социальной лестницы находились заключенные, которые

были лишены практически всяких прав. Данный слой был весьма значительным и составлял несколько миллионов человек.

Нельзя не признать, что представленная иерархическая структура советского общества весьма близка к той реальности, которая существовала.

Исследуя социальную структуру советского общества второй половины 80-х годов, отечественные социологи Т. И. Заславская и Р. В. Рывкина выделили 12 групп. Наряду с рабочими (этот слой представлен тремя дифференцированными группами), колхозным крестьянством, научно-технической и гуманитарной интеллигенцией они выделяют такие группы: политические руководители общества, ответственные работники аппарата политического управления, ответственные работники торговли и бытового обслуживания, группа организованной преступности и др. Как видим, это уже далеко не классическая "трехчленка", здесь использована многомерная модель. Разумеется, это деление весьма условно, реальная социальная структура "уходит в тень", поскольку, к примеру, огромный пласт реальных производственных отношений оказывается нелегальным, скрытым в неформальных связях и решениях.

В условиях радикального преобразования российского общества в его социальной стратификации происходят глубокие изменения, которые имеют ряд характерных черт.

Во-первых, наблюдается тотальная маргинализация российского общества. Дать ей оценку, а также спрогнозировать ее социальные последствия можно лишь исходя из всей совокупности конкретных процессов и условий, в которой это явление функционирует.

К примеру, маргинализацию, обусловленную массовым переходом из низших слоев общества в более высокие, т. е. восходящую мобильность (хотя она и имеет определенные издержки), в целом можно оценить положительно.

Маргинализация, которая характеризуется переходом в низшие слои (при нисходящей мобильности), если к тому же носит долговременный и массовый характер, приводит к тяжелым социальным последствиям.

В нашем обществе мы видим как восходящую, так и нисходящую мобильность. Но тревогу вызывает то, что последняя приобрела "обвальный" характер. Особо следует выделить растущий слой маргинален, выбитых из своей социокультурной среды и превратившихся в люмпенизированный слой (нищие, бомжи, бродяги и т. д.).

Следующая особенность - это блокирование процесса формирования среднего класса. В советский период в России существовал значительный слой населения, который представлял собой потенциальный средний класс (интеллигенция, служащие, высококвалифицированные рабочие). Однако превращения этих слоев в средний класс не происходит, отсутствует процесс "классовой кристаллизации".

Дело в том, что именно эти слои опустились (и этот процесс продолжается) в низший класс, находясь на грани бедности или за ее чертой. Прежде всего это относится к интеллигенции. Здесь мы сталкиваемся с явлением, которое можно назвать феноменом "новых бедных", исключительным, не встречавшимся, вероятно, в истории цивилизации ни в одном обществе. И в дореволюционной России, и в развивающихся странах любого региона современного мира, не говоря уже, разумеется, о развитых странах, она имела и, имеет достаточно высокий престиж в обществе, ее материальное положение (даже в бедных странах) находится на должном уровне, позволяющем вести достойный образ жизни.

Сегодня в России доля отчислений на науку, образование, здравоохранение, культуру в бюджете катастрофически уменьшается. Заработная плата научных, научно-педагогических кадров, медицинских работников, работников культуры все больше отстает от средней по стране, не обеспечивая прожиточного, а у отдельных категорий физиологического минимума. А поскольку почти вся наша интеллигенция "бюджетная", на нее неотвратимо надвигается обнищание.

Происходит сокращение научных работников, немало специалистов переходят в коммерческие структуры (огромную долю в которых составляют торгово-посреднические) и

дисквалифицируются. Падает престиж образования в обществе. Следствием может быть нарушение необходимого воспроизводства социальной структуры общества.

В аналогичном положении оказался слой высококвалифицированных рабочих, связанных с передовыми технологиями и занятыми прежде всего в сфере ВПК.

В результате низший класс в российском обществе составляет в настоящее время примерно 70% населения¹.

Наблюдается рост высшего класса (по сравнению с высшим классом советского общества). Его составляют несколько групп. Во-первых, это крупные предприниматели, владельцы капиталов разного типа (финансового, торгового, промышленного). Во-вторых, это государственные чиновники, имеющие отношение к государственным материально-финансовым ресурсам, их распределению и передаче в частные руки, а также осуществляющие надзор за деятельностью полугосударственных и частных предприятий и заведений.

Следует подчеркнуть при этом, что значительную часть этого слоя в России составляют представители бывшей номенклатуры, сохранившие места во властных государственных структурах.

Аппаратчики в основной своей массе сегодня осознают, что рынок экономически неизбежен, более того, они заинтересованы в появлении рынка. Но речь идет не о рынке "европейском" с безусловной частной собственностью, а о рынке "азиатском" - с усеченно-реформированной частной собственностью, где главное право (право распоряжения) оставалось бы в руках бюрократии.

В-третьих, это руководители государственных и полугосударственных (АО) предприятий ("директорский корпус"), в условиях бесконтрольности как снизу, так и сверху назначающих себе сверхвысокие оклады, премии и использующих в своих интересах приватизацию и акционирование предприятий.

Наконец, это представители криминальных структур, которые тесно переплетаются с предпринимательскими (или собирают с них "дань"), а также все более смыкаются с государственными структурами.

Можно выделить еще одну особенность стратификации российского общества - социальную поляризацию, в основе которой лежит имущественное расслоение, которое продолжает углубляться.

Соотношение заработной платы 10% самых высокооплачиваемых и 10% самых низкооплачиваемых россиян составляло в 1992 г. 16:1, а в 1993 г. уже 26:1. Для сравнения: в 1989 г. это соотношение в СССР было 4:1, в США - 6:1, в странах Латинской Америки - 12:1. По официальным данным, 20% самых богатых россиян присваивают 43% совокупных денежных доходов, 20% самых бедных - 7%.

Существует несколько вариантов деления россиян по уровню материальной обеспеченности.

Согласно им, на вершине находится узкий слой сверхбогатых (3-5%), далее слой средне обеспеченных (7% по этим расчетам и 12-15% - по другим), наконец, бедные (25% и 40% соответственно) и нищие (65% и 40% соответственно)¹.

Следствием имущественной поляризации неизбежно являются социальная и политическая конфронтация в стране, нарастание социальной напряженности. Если данная тенденция будет сохраняться, это может привести к глубоким социальным потрясениям.

Особо следует остановиться на характеристике рабочего класса и крестьянства. Они представляют сейчас крайне неоднородную массу не только по традиционным критериям (квалификации, образованию, отраслевому признаку и т. д.), но и по форме собственности и доходам.

В рабочем классе происходит глубокая дифференциация, связанная с отношением к той или иной форме собственности - государственной, совместной, кооперативной, акционерной, индивидуальной и т. д. Между соответствующими слоями рабочего класса углубляются различия в доходах, производительности труда, экономических и политических

интересах и т. д. Если интересы рабочих, занятых на государственных предприятиях, состоят прежде всего в увеличении тарифов, обеспечении финансовой поддержки со стороны государства, то интересы рабочих негосударственных предприятий - в сокращении налогов, в расширении свободы хозяйственной деятельности, правового обеспечения ее и т. д.

Изменилось и положение крестьянства. Наряду с колхозной собственностью возникли акционерная, индивидуальная и другие формы собственности. Процессы преобразования в сельском хозяйстве оказались крайне сложными. Попытка слепого копирования западного опыта в плане массовой замены колхозов фермерскими хозяйствами потерпела провал, поскольку изначально была волонтаристской, не учитывающей глубокой специфики российских условий. Материально-техническая оснащенность сельского хозяйства, развитие инфраструктуры, возможность государственной поддержки фермерских хозяйств, правовая необеспеченность, наконец, менталитет народа - учет всех этих составляющих является необходимым условием эффективных реформ и пренебрежение ими не может не дать негативного результата.

В то же время, к примеру, уровень государственной поддержки сельского хозяйства постоянно падает. Если до 1985 г. он составлял 12-15%, то в 1991 - 1993 гг. - 7-10%. Для сравнения: государственные субсидии в доходах фермеров в этот период в странах ЕС составили 49%, США - 30%, Японии - 66%, Финляндии - 71 %².

Крестьянство в целом относят сейчас к консервативной части общества (что подтверждают результаты голосований). Но если мы сталкиваемся с сопротивлением "социального материала", разумный выход не в обвинении народа, не в использовании силовых методов, а в поиске ошибок в стратегии и тактике преобразований.

Таким образом, если изобразить стратификацию современного российского общества графически, она будет представлять пирамиду с мощным основанием, представленным низшим классом. Такой профиль не может не вызывать тревоги. Если основную массу населения составляет низший класс, если истончен стабилизирующий общество средний класс, следствием будет нарастание социальной напряженности с прогнозом вылиться в открытую борьбу за перераспределение богатства и власти. Пирамида может опрокинуться.

Россия находится сейчас в условиях переходного состояния, на крутом изломе. Стихийно развивающийся процесс стратификации несет в себе угрозу стабильности общества. Необходимо, используя выражение Т. Парсонса, "внешнее вторжение" власти в формирующуюся систему рационального размещения социальных позиций со всеми вытекающими последствиями, когда естественный профиль стратификации станет залогом и устойчивости и прогрессивного развития общества.

ТИПОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Предлагаемая типология социального процесса базируется на четырех главных критериях: 1) форма или очертания, которые принимает процесс; 2) итог, результат процесса; 3) осведомленность населения о социальном процессе; 4) его движущие силы. Мы также вкратце рассмотрим 5) уровень социальной реальности, на котором действует процесс, а также 6) временной аспект процесса.

Если смотреть на процессы с определенной дистанции, с точки зрения внешней перспективы, то можно обнаружить их различные формы и очертания. Так, процессы бывают направленными и ненаправленными. Первые необратимы и часто имеют тенденцию к концентрации, накоплению. Каждая последующая стадия отличается от любой более ранней и включает в себя ее Результат, тогда как каждая более ранняя стадия подготавливает необходимость более поздней. Идея необратимости отражает тот факт, что в человеческой жизни совершаются действия, которые нельзя повернуть вспять; мысли, которые не могут быть помыслены «назад»; чувства, которые нельзя «почувствовать наоборот»; опыт, от которого, приобретя его, уже не освободишься (4; 169). Если все это имело место, произошло, то оставшиеся неизгладимые следы неизбежно будут влиять на последующие стадии процесса — будь то личная карьера, получение знаний, влюбленность или выживание

на войне. Примерами направленных процессов могут служить социализация ребенка, экспансия городов, технологическое развитие индустрии, рост населения. В этом широком смысле и индивидуальная биография, и социальная история наиболее направлены.

В более узком смысле можно говорить и о специфических субтипах направленного процесса. Некоторые из них могут быть телеологическими (другими словами, конечными), т. е. они постоянно приближаются к определенной цели, или конечному состоянию, с различных стартовых точек, как бы притягиваясь к нему. Соответствующие примеры можно почерпнуть из так называемой теории конвергенции, которая показывает, как различные общества с совершенно разными традициями постепенно приходят к одним и тем же цивилизационным или технологическим достижениям в области производства, демократии, на автомобильном транспорте, в телекоммуникациях и т.д. Аналогичные примеры можно найти в структурном функционализме, в котором речь идет о тенденции социальных систем достигать состояния равновесия при помощи внутренних механизмов, компенсирующих любые «возмущения».

Существуют направленные процессы и другой формы — такие, которые постоянно обнаруживают определенные внутренние потенции, как бы беспрерывно «выдавливают» их. Например, непрерывная технологическая экспансия часто объясняется заложенной в человеке природой склонностью к новшествам или творческой жилкой, а, скажем, территориальные завоевания — внутренней жаждой захвата. Если конечное состояние оценивается положительно, то процесс рассматривается как прогрессивный (исчезновение болезней, увеличение продолжительности жизни и т.д.), если же он направлен в противоположную сторону, т.е. уходит от положительного в ценностном плане, предпочтительного конечного состояния, то мы будем называть его регрессивным (экологическое разрушение, коммерциализация искусства и т.п.).

Направленные процессы могут быть постепенными, восходящими, или, как иногда говорят, линейными. Если они следуют одной-единственной траектории или проходят через схожую последовательность необходимых стадий, то именуется однолинейными (однонаправленными). Например, большинство социальных эволюционистов считают, что все человеческие культуры — одни раньше, другие позже — должны пройти через определенный набор стадий. Те, кто начал раньше или, шел по этому пути быстрее, показывают остальным, медлительным, как будет выглядеть их будущее; а те, кто отстает, демонстрируют впереди идущим, как выглядело их прошлое.

Если же процессы следуют по нескольким альтернативным траекториям, «проскакивают» одни «участки», задерживаются на других или добавляют в своем движении нетипичные стадии, то они называются мультилинейными. Так, анализируя происхождение капитализма, историки указывают различные версии одного и того же процесса и выделяют западную, восточную и другие модели. Исследователи стран третьего мира описывают разные маршруты, которые вели эти страны к индустриально-урбанистической цивилизации.

Противоположностью линейных являются процессы, которые предполагают качественные скачки или прорывы после продолжительных периодов количественного роста, проходя специфические пороги (163) или подвергаясь влиянию определенных «ступенчатых функций». Эти процессы нелинейны. Например, с точки зрения марксистов, общественно-экономические формации последовательно проходят через революционные эпохи, когда все общество после длительных периодов накопления противоречий, конфликтов, обострений и напряженностей претерпевает неожиданные, фундаментальные, радикальные трансформации. Такие процессы представлены на рис. 1.3.

Ненаправленные (или текучие) процессы бывают двух типов: одни имеют чисто случайный, хаотический характер, не опираются на какой-либо образец. Таковы, например, процессы возбуждения, охватывающие революционную толпу, мобилизации и демобилизации в социальных движениях или в детских играх; другие представляют собой некое подобие кривой на экране осциллографа — их течение подчиняется определенным повторяющимся или по меньшей мере схожим моделям, причем каждая следующая стадия либо идентична,

либо качественно напоминает предыдущие. Если существует возможность повторения, то мы рассматриваем такой процесс как круговой, или замкнутый, цикл. К подобным процессам можно отнести, например, типичный рабочий день секретаря, сезонную работу фермера или — в более длительной временной перспективе — рутинную деятельность ученого, начавшего писать очередную труд. На макрошкале экономические циклы экспансии и рецессии, бума и стагнации, «быков и медведей» на рынке часто следуют этому образцу.

В случае, если наблюдается сходство процессов, но при этом они различаются уровнем сложности, то можно говорить, что процесс идет по спирали или по модели открытого цикла. Таково, например, последовательное продвижение школьника из класса в класс или студента с курса на курс университета, когда занятия, лекции, каникулы, экзамены имеют место на каждой стадии, но всякий раз на все более высоком уровне образования. Аналогично, хотя и по другой шкале, проходят определенные циклы экономики в условиях всеобщего роста (как в пословице: два шага вперед, шаг назад). Или в самом широком временном диапазоне ~~ тенденция, которую Арнольд Тойнби приписывал всей человеческой истории: постепенное совершенствование религии и в целом духовной жизни человечества через многочисленные циклы вызовов и ответов, роста и упадка (426; 61); или то, как Карл Маркс видел освобождение человечества через «реки слез», через последовательные циклы углубляющейся эксплуатации, отчуждения, нищеты и их преодоления благодаря революции (280). Если после каждого цикла достигается более высокий уровень, то можно говорить о развивающемся (даже прогрессивном) цикле; если же уровень после каждого поворота оказывается по соответствующей шкале более низким, то процесс должен квалифицироваться как регрессивный цикл. Частный случай процессов, когда в состоянии системы в течение какого-то времени не происходит никаких изменений, определяется как стагнация (застой).

Другой частный случай процессов, когда изменения не следуют какому-либо известному образцу, может быть назван случайным процессом.

Второй важный критерий нашей типологии — конечный результат процесса. Некоторые, поистине созидательные процессы приводят к фундаментальным новшествам — возникновению совершенно новых социальных условий, состояний общества, социальных структур и т.д. Процессы такого типа обозначают термином «морфогенезис». К ним относятся, например, мобилизация социальных движений; образование новых групп, ассоциаций, организаций, партий; основание новых городов; принятие конституции нового государства; распространение нового стиля жизни или технологического изобретения со всеми далеко идущими последствиями. Морфогенетические процессы сыграли решающую роль в происхождении всех цивилизаций, в технологических, культурных и социальных достижениях человечества начиная с ранних примитивных обществ и кончая современной индустриальной эпохой.

Эти процессы следует отличать от простой трансмутации, приводящей к менее радикальным результатам и влекущей за собой лишь модификацию, реформацию или пересмотр существующих социальных установок. Среди данного типа процессов можно выделить так называемое простое репродуцирование, т. е. компенсаторные, адаптивные, гомеостатические, уравновешивающие или поддерживающие процессы, которые в конечном счете позволяют приспособляться к окружающим условиям, сохраняя статус-кво, т. е. существование общества в неизменной форме. Упомянутые процессы находятся в центре внимания структурно-функциональной школы, которая исходит в первую очередь из таких предпосылок, как стабильность, социальный порядок, гармония, консенсус и равновесие (322). Не удивительно, что структуралисты широко изучают простое репродуцирование, в частности, социализацию, в ходе которой культурное наследие общества (ценности, верования, знания и т.д.) передается от одного поколения к другому; социальный контроль, снижающий угрозу стабильному функционированию общества по причине отклонений или возмущений; адаптацию и приспособление, позволяющие социальным структурам работать стабильно, несмотря на изменения внешних условий; неравномерное распределение

социальных привилегий и льгот, охраняющих беспроblemное рек-рутирование на существовавшие ранее статусы и роли (последние изучает и функциональная теория стратификации) (95). Наконец, существуют сдерживающие и санкционирующие системы правил отношений и поведения, этикета и т.д.

Если простое репродуцирование сохраняет все неизменным, то расширенное означает количественное увеличение без фундаментальных качественных изменений. К таким процессам можно отнести, например, демографический рост; расширение зоны пригородов; увеличение числа студентов, набираемых в университет; накопление капитала за счет экономии. Противоположное количественное движение, т. е. уменьшение, но опять-таки без качественных изменений, можно назвать сжимающимся репродуцированием. Типичными примерами этого типа процессов служат использование финансовых резервов без всякой экономии; «отрицательный рост» (сокращение) населения; хищническое использование природных ресурсов и т.п.

Когда помимо количественных наблюдаются и базовые качественные изменения, тогда мы можем говорить скорее о трансформации, нежели о репродукции. Правда, не всегда легко определить, где проходит разграничительная линия и какое изменение считать качественным. Как в «правиле большого пальца»: оно может означать и изменение структуры, сопровождаемое существенной модификацией всей сети взаимосвязей ее элементов в социальной системе или в социально-культурном поле, и изменение функций с важной модификацией в действиях системы или поля. Такие сдвиги затрагивают основу социальной реальности, поскольку их отзвуки обычно чувствуются во всех сферах («элементах») социальной жизни, трансформируют ее важнейшее, сущностное качество. К примеру, появление лидерства и иерархии власти в группе, бюрократизация социального движения, замена авторитарного правления демократическим, увеличение разрыва между уровнями социального неравенства за счет налоговых реформ неизбежно приводят к структурным изменениям. А, скажем, введение на предприятии самоуправления наряду с советом нанимателей, берущим на себя прерогативы принятия решений; непосредственное включение церкви в политику; переход образовательных функций от семьи к школе и т.п. влекут за собой функциональные изменения. «Трансформация» — это синоним того, что мы ранее обозначали как «изменение чего-либо», а «репродукция» указывает в основном на «изменения внутри чего-либо».

Изучая изменения, происходящие в человеческом мире, важно учитывать, как они осознаются вовлеченными в них людьми, в частности, как воспринимаются те результаты, которыми сопровождаются эти процессы (385; 386). Вводя в нашу типологию субъективный фактор, мы тем самым выделяем три дополнительных типа изменений, которые могут рассматриваться как субкатегории, либо даже как морфогенезис, или репродукция трансформации.

1. Процессы, которые можно распознать, предсказать и у которых можно выявить цель. Перефразируя Роберта К.Мертона, точнее было бы назвать их «явными». Например, реформа правил дорожного движения снижает число аварий; легализация валютного обмена уничтожает черный рынок; приватизация розничной торговли расширяет снабжение потребительскими товарами.

2. Процессы, которые невозможно распознать, воспринять как положительные или отрицательные, установить, желательны они или не желательны. Следуя опять-таки мертоновскому указанию, будем называть их «латентными» («скрытыми»). В них изменения и их результаты возникают неожиданно и в зависимости от обстоятельств приветствуются либо нет. Например, большинство людей долго не осознавало, что индустриализация наносит ущерб окружающей среде. Так называемое экологическое сознание — феномен относительно недавний.

3. Люди могут распознать процесс, воспринять его течение и надеяться на то, что он даст определенный эффект, и все-таки полностью ошибиться в своих ожиданиях. Процесс течет вопреки их расчетам и приводит к иным, а порой прямо противоположным

результатам. Прибегая к термину, принятому Мертоном и Кендаллом). Мы будем в таком случае говорить о «процессе-бумеранге». Например, пропагандистская кампания может усилить то отношение, которое она была призвана уничтожить, мобилизуя защитные механизмы и провоцируя негативную реакцию; фискальные реформы, предпринятые для обуздания инфляции, могут вызвать рецессию и усиление инфляции: из-за обострения конкуренции, вызванной стремлением увеличить прибыль, ее уровень может упасть.

Следующий важный критерий, по которому различаются типы социальных процессов, связан с движущими силами, скрывающимися за ними, причинными факторами, приводящими их в движение. Основной вопрос заключается в том, находятся они внутри самого процесса или действуют извне. В первом случае речь идет об «эндогенном» процессе (с имманентной, т. е. внутренней причиной), во втором — об «экзогенном» (с внешней, причиной). Эндогенные процессы раскрывают потенциальные возможности, свойства или тенденции, заключенные внутри изменяющейся реальности; экзогенные — реактивны и адаптивны и являются ответом на вызов (стимул, давление) извне.

Главная проблема различения эндогенных и экзогенных процессов состоит в проведении демаркационной линии между тем, что относится к внутренней, а что — к внешней стороне социальной сферы. Поскольку природа — внешний по отношению к обществу фактор, постольку все социальные процессы, представляющие собой реакцию на воздействие окружающей среды, должны рассматриваться как экзогенные. Так же можно охарактеризовать и изменения в средневековых обществах Европы в результате Черной Смерти — эпидемии чумы в XIV в. (420; 60—79); в моделях сексуального поведения в Калифорнии после того, как был обнаружен вирус СПИДа; в жизненных укладах из-за климатических сдвигов; в реакциях человеческих сообществ на природные катастрофы.

Однако можно сузить шкалу анализа и проводить разграничительную линию не между обществом и природой, а между различными подсистемами, сегментами либо измерениями общества. Введение этого элемента соотносительности позволяет считать, например, изменения политического режима, которые вызваны экономическим дефицитом, экзогенными, хотя они происходят внутри общества. Аналогичным образом секуляризацию жизни, обусловленную авторитарным политическим режимом, также следует считать экзогенной. Следовательно, водораздел между экзогенными и эндогенными процессами определяется уровнем анализа, но многое зависит и от временных рамок, в которых изучается тот или иной процесс.

Рассмотрим экологическое бедствие, изменяющее модели потребления в повседневной жизни всего населения. Это изменение моделей потребления есть очевидная реакция на ухудшение естественных факторов окружающей среды и, следовательно, представляет собой экзогенный процесс. Однако по своему происхождению разрушение экологии является продуктом человеческих действий, и в этом смысле изменение образа жизни может рассматриваться как эндогенный процесс, который был привнесен опосредованно и, конечно же, самими людьми не предполагался. Или возьмем другой пример: маньяк убивает детей, на что общество реагирует мобилизацией своих защитных механизмов — занятия в школах прекращаются, матери с детьми остаются дома. Экзогенны ли эти процессы? — Да, в той мере, в какой их причина сопряжена с психикой человека, т. е. является в конечном счете психологической, естественной, как болезнь. Но ведь психопатия могла быть вызвана дефектами социализации или тем, что человека отвергло сообщество («стигматизацией»), и тогда причину следует признать социальной. С этой точки зрения, процессы, происходящие в охваченном тревогой обществе, эндогенны, поскольку обусловлены пренебрежительным отношением его членов к своим обязанностям на более ранней стадии. Следовательно, если проследить процессы на более продолжительном отрезке времени, то большинство из них можно назвать «экзо-генно-эндогенными»: развиваясь, они приводят к результатам, которые влияют не только на правила функционирования системы, где протекают эти процессы, но и на ее окружение, что также

вызывает соответствующую реакцию. Подчеркнем еще раз: отношение к процессу как к экзогенному или эндогенному всегда зависит от принятых ученым рамок анализа.

В качественном отношении причины изменений могут существенно различаться — это и естественные, и демографические, и политические, и экономические, и технологические, и культурные, и религиозные и многие другие причины. Социологи всегда стремились открыть наиболее важные факторы, вызывающие изменения, или то, что можно назвать «перводвигателями» социальных процессов. Среди многочисленных версий «социальных детерминизмов», выдвигавших различные факторы на роль главных, выделяются две основные: сторонники одной делают акцент на «материальных процессах», порожденных «жестким» технологическим, экономическим, экологическим либо биологическим давлением; представители второй считали, что независимую причинную роль играют идеология, религия, этика и т.д., т.е. «идеальные процессы». Сейчас наметилась тенденция избегать такого разделения и рассматривать причинность как взаимодействие (конкретное, ограниченное, вовлекающее в единый поток движения) многочисленных сил и факторов — материальных, идеальных либо каких-то других. Ни один из этих факторов не квалифицируется теперь как конечная причина социальных процессов. Современная социология имеет тенденцию подвергать сомнению идею, согласно которой существует доминантная причина социальных изменений.

Ныне социология не только отвергает абсолютизацию «единственных», «доминирующих» факторов, вызывающих изменения, но и заново определяет их. Сейчас уже широко распространено убеждение, что говорить об экономических, технологических или культурных причинах изменений в качестве доминирующих ошибочно и означает упрощение ситуации, поскольку за всеми этими категориями стоят реальные причинные силы, а именно — исключительно и только человеческая деятельность.

Данная проблема, центральная для современной социологии, будет детально обсуждаться позднее, но сейчас важно вычленить два типа процессов, зависящих от местоположения воздействия. Одни возникают как ненамеренные и часто нераспознаваемые (скрытые) совокупности множества индивидуальных действий, предпринятых по различным частным причинам и мотивам, не имеющих ничего общего с процессами, которые они вызвали. Их можно назвать спонтанными, или возникающими «снизу». Типичный пример — не поддающиеся подсчету действия потребителей и производителей, покупателей и продавцов, нанимателей и работников, которые приводят к инфляции, рецессии или другим макроэкономическим процессам.

Однако бывают и противоположные ситуации, когда процесс сознательно выпускается из-под контроля с тем, чтобы достичь определенных целей. В таких случаях он инициируется, конструируется и управляется властными структурами. Подобные процессы можно назвать спланированными, или идущими «сверху» (383). Чаще всего они проводятся в жизнь с использованием законодательных средств. В качестве примеров можно назвать обусловленный национальной политикой правительства рост коренного населения; повышение эффективности производства вследствие политики приватизации после антикоммунистических революций 1989 г. и т.д.

Прежде чем завершить нашу типологию, сделаем одно важное замечание. Как уже указывалось и как достаточно ясно подтверждают приведенные примеры, социальные процессы происходят на трех уровнях социальной реальности: макро-, мезо- и микро-. Соответственно и мы будем рассматривать их как макро-, мезо- и микропроцессы.

Макропроцессы осуществляются на уровне мирового сообщества, национальных государств, регионов, этнических групп; по времени они самые продолжительные, или, говоря словами Броделя, длятся в дурной бесконечности. Процессы глобализации, всемирного ухудшения экономики, разрушения окружающей среды, волны социальных движений, демократизации политических систем, образовательный скачок, усиление единообразия культуры и секуляризация — все это примеры макропроцессов. Мезопроцессы охватывают большие группы, сообщества, ассоциации, политические партии, армии,

бюрократию. Микропроцессы протекают в повседневной жизни человеческих индивидов: в малых группах, семьях, школах, объединениях по роду занятий, дружеских кружках.

Процессы столь же разнообразны и с точки зрения их продолжительности. Подробнее об этом мы поговорим в гл. 3, сейчас же отметим, что их временной диапазон достаточно велик — от крайне коротких, мгновенных, быстротекущих процессов до долговременных, растягивающихся на целые исторические эпохи, на протяжении которых действуют тенденции, складывающиеся столетиями и тысячелетиями. Далее мы постараемся показать, что концепция социального процесса — предельно обобщенная теория, поэтому, прежде чем применить ее с пользой для изучения реальных исторических обществ, необходимо многие ее понятия более точно определить и конкретизировать.

СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ

Все социальные явления происходят в некоторый момент времени. Все социальные процессы имеют протяженность, протекают во времени. Короче говоря, социальная жизнь простирается во времени. Время, как и пространство, является универсальным контекстом социальной жизни. «Мы должны ухватить пространственно-временные отношения, наследуемые конституцией всех социальных взаимодействий... Любые существующие модели взаимодействия расположены во времени». Время является неразделимым измерением человеческой реальности, «имплицитным в каждом аспекте наших жизней». Эти онтологические факты влекут за собой эпистемологические последствия: они служат причиной «централизации времени как субъективной материи социальных наук» (4; 9), или, как сформулировал Гидденс, «интегрирования времени в социальную теорию».

Очевидно также, что время еще более тесно связано и с социальными изменениями. Само переживание времени и идея времени вытекают из изменения природы реальности. Невозможно воспринять или вообразить время без ссылки на какое-либо изменение. И наоборот, идея изменения отдельно от времени просто непонятна. Как мы помним, время появляется в определении социального изменения, которое обычно относят к различию по времени в двух состояниях социальной системы (см. гл. 1). Питирим Сорокин писал об этом со всей определенностью: «...любое Становление, Изменение, Процесс, Сдвиг, Движение, Динамическое Состояние, в противоположность существованию, предполагает время».

Рассмотрим сначала некоторые общие свойства времени как измерителя любого социального феномена, а затем некоторые специальные характеристики времени как аспекта социальных Изменений. Каждый социальный феномен или событие связаны с другими, т.е. абсолютно обособленных, уникальных или изолированных феноменов, событий не существует. Одна из форм, которые принимает такое отношение, — это предшествование и следование друг за другом событий, связанных в единую цепь, или процесс. Данное положение справедливо для макро-, мезо- и микрособытий. Война влечет за собой мирный договор, выборы — президента, инфляция — отклонение от стандарта жизни, диктаторская политика — оппозиционные движения. Все это происходит в пределах единой исторической линии.

Переключимся на другое измерение: за детством следует обучение в школе, за свадьбой — дети, за выходом на пенсию — смерть. Такие события случаются на протяжении всей биографии. Если повседневную реальность рассматривать более подробно, то после завтрака следует поездка в метро на работу, затем наступает перерыв на обед, потом какое-нибудь собрание, обратный путь домой, телевизор, ужин, укладывание в постель. Эти события отмечают протяженность повседневной жизни. На всех уровнях, у любого отдельного события всегда найдется место - в ряду, где ему будут предшествовать или следовать за ним другие события, а оно будет происходить до или после других, т.е. в определенное время. Говоря иначе, «все социальные действия встроены по времени внутрь более широких социальных действий. Мы называем это встраиванием во времени».

Каждое социальное явление или событие не только связаны с другими, но и сами могут быть разбиты на компоненты, которые, в свою очередь, также взаимосвязаны по временным параметрам. Некоторые внутренние отношения опять-таки последовательны, они соединяют более ранние и поздние стадии (фазы) того или иного явления. Мы говорим, что каждый феномен или событие имеют некоторую продолжительность, т.е. длятся в течение определенного времени. Возьмем те же примеры, которые мы только что рассмотрели. Война, как свидетельствует история средних веков, может длиться более 100 лет. Школьное обучение продолжается 10 лет или больше. Завтрак требует полчаса. Шкала времени может простирается от макро- через мезо- до микро-, но сам факт, что каждый феномен или событие занимают некоторое время, очевиден.

Если мы считаем событие мгновенным, молниеносным, то это всегда лишь вопрос относительности применяемой временной рамки. С точки зрения обычного восприятия, гром и молния могут считаться как бы не имеющими длительности, но для физика это крайне сложная и протяженная последовательность электрических импульсов и звуковых волн. Высокий прыжок, удар в теннисе кажутся крайне быстрыми, но представьте себе все те биологические процессы, которые протекают в организме атлета и каждый из которых является составной частью длительности. Битва может быть лишь эпизодом для военного стратега, но не для солдат, сидящих в окопе. Словом, не существует вневременных феноменов или событий как в смысле расположенности, так и в смысле протяженности их во времени. Последовательность и протяженность — два решающих аспекта времени.

Социальные события и явления также необратимы. Раз уж что-то однажды произошло, то назад этого не воротить. Если вы предприняли некоторые действия, то их нельзя совершить обратно; если вы о чем-то подумали, мысль нельзя «подумать» обратно; если вы чему-то научились, то это не может быть для вас «неизвестным»; если вы что-то испытали, то это не может быть неиспытанным. Короче говоря, жизнь нельзя прожить в обратном направлении. «Наши жизни «утекают» в необратимом потоке времени так же, как проходит жизнь организма».

Это замечание справедливо для всех уровней социальной жизни. На историческом макроуровне не существует «завязывания войны», раз уж она была развязана. Конечно, войну можно остановить, подписать мирный договор, но это уже совсем другое, а именно — последующее историческое событие. На биографическом мезоуровне нельзя «родить ребенка обратно», если его произвели на свет. Наверное, можно отказаться от родительских прав или просто подкинуть ребенка, он может умереть в младенчестве, но это все уже другие, последующие биографические события. На уровне повседневной жизни мы отлично знаем, что невозможно взять слова обратно, если они сказаны, например, в ссоре. Пусть она закончится миром и полным согласием, но так же, как нельзя вернуть омлет к состоянию яйца или не съесть уже съеденный ужин, как бы ни хотелось этого с переполненным желудком ночью, ссору нельзя «отссорить обратно». Все это охвачено метафорической идеей времени, и какое бы событие ни произошло в будущем, оно уже по-своему разместится в общем потоке событий. Гераклит выразил данную мысль в своем знаменитом изречении: нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Говоря же словами современного автора, «повторенное действие никогда не будет тем же самым. Все, вовлеченное в него, будет уже непоправимо изменено в промежуточный период».

Необратимость временного потока включает в себе различие между прошлым, настоящим и будущим. Это различие, столь очевидное для нас сегодня, исторически не универсально; осознание его появляется лишь на определенной ступени развития человеческих обществ, что самым непосредственным образом связано с изобретением письма. Прошлое только тогда начинает «простирается назад», когда оно записано, а не только вспоминается. «Строго говоря, история начинается с письма» (159; 30). Будущее направлено вперед, оно может быть спланировано и спроектировано. Сильнейшее подтверждение упомянутых различий дает иудео-христианская традиция, и затем из этой традиции оно распространяется на всю человеческую цивилизацию.

Различие между прошлым, настоящим и будущим не столь разительно, как может показаться. Строго говоря, настоящего не существует, поскольку социальные процессы имеют длительность и в каждый рассматриваемый момент непрерывно переходят из прошлого в будущее; они уже в прошлом, или больше уже не в будущем. Как бы ни была мала взятая нами шкала времени, всегда есть движение, поток, а не замороженное состояние. Пока я пишу это, каждое предложение оказывается в прошлом еще до того, как я его заканчиваю. В момент, когда я печатаю слово, оно уже не в будущем. Расхожее мнение о том, что будущее и прошлое встречаются в настоящем, не лишено разумного смысла. Однако для практических целей их разграничение имеет несомненную ценность лишь до тех пор, пока мы осознаем, что понимаем настоящее как некую строго оговоренную условность, вычлененную из непрерывного потока времени. В социальной жизни демаркационной линией часто служат возможности человеческого восприятия и причины, влияющие на ход событий. По утверждению Барбары Адам, «мы знаем прошедшие события по записям, воспринимаем настоящие непосредственно, а будущие знаем лишь в воображении. Прошедшие события детерминированы, настоящие становятся детерминированными и лишь будущие еще должны быть детерминированы... На прошлое невозможно влиять, настоящее само является предметом влияния, а будущее поддается воздействию лишь в потенции».

Время является не только универсальным измерением социального изменения, но и его основой, конституирующим его фактором. В социальной жизни изменение происходит повсеместно, оно «вездесуще»; строго говоря, нет двух различающихся по времени состояний любой социальной сущности (действия, группы, общности, института, общества и т.д.), которые были бы идентичными. Конечно, для практических целей допустимо игнорировать определенную степень различия, и тогда мы говорим о стабильности, постоянстве как противоположности изменению. Например, историки, сравнивая современный период, для которого характерны ускоренные процессы, сдвиги, с древними обществами, рассматривают их как стабильные, неизменные в течение столетий. Социальные антропологи описывают некоторые примитивные, неразвитые общества как «холодные», противопоставляя их «горячим», урбанистически-индустриальным, «переразвитым» обществам Запада. Все это, однако, относительно. То, что рассматривается как стабильное, «принадлежит большей частью к таким изменениям, которые протекают гораздо медленнее, чем происходит их осмысление наблюдателем. Традиционные общества изменяются крайне медленно, если их сравнивать и определять по нынешним западным стандартам».

В реальности изменения и время существуют всегда, а идея стабильности является лишь вспомогательным, подручным средством, «для удобства». Даже когда мы пользуемся этим средством, мы не можем игнорировать время, потому что, говоря о стабильности, мы имеем в виду, что отсутствие различий не абсолютно, а относительно, и что постоянные черты наблюдаются на протяжении сравнительно продолжительных периодов времени. «Говорить о социальной стабильности, абстрагируясь от времени, невозможно, поскольку стабильность означает продолжительность во времени». Более того, говорить о стабильности правомерно лишь применительно к чему-то изменяющемуся. Например, общество эскимосов стабильно по сравнению с канадским, датским или итальянским. Американская конституционная система стабильна по сравнению с американской экономикой или технологией. Католическая церковь стабильна, несмотря на постоянную «текучесть» верующих, увеличение и сокращение их численности за многие века.

В социальных изменениях время проявляется в двух ипостасях. Прежде всего, оно может служить своего рода внешней рамкой для измерения событий и процессов, упорядочения их хаотического потока таким образом, чтобы человек мог ориентироваться и координировать социальные действия. Это — «количественное время», его показывают такие удобные приборы, как часы и календари, позволяющие нам идентифицировать относительный поток, скорость, интервалы, продолжительность различных социальных событий, связывать или разделять по порядку бесчисленные действия, предпринятые

индивидами и группами. Была бы возможна академическая лекция, если бы профессор и студенты не появились в одной и той же аудитории примерно в °Дин и тот же момент, а студенты предыдущей лекции ее заранее не покинули? Была бы возможна религиозная церемония, если бы священник и паства не пришли в церковь одновременно? Мог бы быть отправлен поезд, если бы машинист, проводники и пассажиры не собрались в одно и то же время на одной и той же платформе? Чем сложнее становится человеческое общество, тем более возрастает важность временного порядка и координации. В нынешнем обществе ни одна организация не смогла бы работать без учета времени. Представьте себе большую фабрику без рабочих смен, железную дорогу или авиакомпанию без расписания, рестораны без часов работы. С изобретением приборов для измерения времени все социальные изменения — события и явления — могут быть помещены в эти внешние рамки, т.е. мы можем говорить о «событиях во времени».

Но есть и вторая ипостась времени в социальных изменениях: время связано с социальными изменениями как внутреннее, имманентное, онтологическое свойство событий и процессов. Это «качественное время», определяемое природой социальных процессов. Когда мы рассматриваем какие-либо социальные процессы, то видим, что они проявляют различные временные качества.

1. По своему типу они более продолжительны или более кратки. Сравним, например, битву и войну, законодательную реформу и медленное моральное разложение, революционную мобилизацию и экономический рост.

2. Они протекают быстрее или медленнее. Сравним, например, галопирующую инфляцию и постепенную эмансипацию женщин, мгновенную карьеру в поп-арте и постепенное профессиональное совершенствование в медицине.

3. Социальные процессы характеризуются ритмически или беспорядочно чередующимися интервалами. Сравним, например, волны экономического процветания или упадка, взлеты и спады с беспорядочными изменениями фасонов и моды в мире искусства.

4. Они разделяются на единицы различных самостоятельных качеств посредством естественных или социальных обстоятельств. Сравним, с одной стороны, периоды работы и отдыха, соответствующие естественным периодам — времени суток (дня и ночи), или в сельской местности — фазы фермерского труда, также разделяемые естественными границами — временами года (весна, лето, осень, зима), а с другой, — социально обусловленные различия, например, время молитвы и время светской жизни, национальные праздники и будни, дни поминовения и медовый месяц, дни торговли и Рамадан, экзаменационные сессии и университетские каникулы. Во всех этих случаях мы имеем не просто «события во времени», а «время в событиях», т.е. то, что в социологии обозначается термином «социальное время».

Для измерения времени необходимы шкала и единицы, которые могут быть построены для повторяющихся событий, отмечающих интервалы, и уникальных событий, отмечающих начало шкалы. Естественные события обеспечивают очевидные точки отсчета, и самый простой из них — астрономический цикл, последовательность дней и ночей, чередование сезонов. Идея рассвета, восхода, утра, полудня, послеполуденного времени, вечера и захода солнца, вероятно, является универсальной, обусловленной первичными условиями существования человека на земле. Чередование сезонов — весны, лета, осени и зимы, — чаще всего различающихся по климатическим, атмосферным условиям, естественно связано с циклом размножения и вегетации, что тоже не осталось незамеченным даже самыми древними племенами. Такое разделение становится центральным для организации годового цикла деятельности в обществе, основанном на жестких образцах культуры, и в земледельческих обществах. Другой, вероятно, повсеместно принятой и осознанной единицей времени является месяц, вычленение которого основано на лунном цикле в 29,5 дней. Для оценки времени в обществах, экономика которых базируется на рыболовстве и морских занятиях, особенно важна связь с приливами.

Остальные единицы времени отражают скорее общественный, чем природный опыт. Например, социальное, т. е. до некоторой степени договорное, происхождение недели ясно видно на примере варьированности длины, которую она принимает в разных культурах: восемь дней в раннем Риме, семь — в иудео-христианской традиции, десять — в Китае, пять или шесть дней в отдельных районах Африки и Центральной Америки. Основание для определения недели усматривается в повторяющемся ритме рынка и ярмарок. Здесь отражается и биологическая необходимость в отдыхе. Один день выделяется для отдыха или духовных нужд, молитв и ритуалов (пятница в исламе, суббота в иудаизме, воскресенье в христианстве). Разделение, связанное с религиозными предписаниями, можно найти и в годовой (например, литургический год у христиан), и в дневной шкалах (жизнь монастырей, размеченную часами молитв, великолепно описал Умберто Эко в книге «Имя Розы»).

Первые технические приборы, отмечающие и измеряющие время, — солнечные и водяные часы (клепсидры) — появились в Вавилоне и Египте за тысячи лет до нашей эры. Потом последовала длиннейшая череда многочисленных изобретений, и наконец, в середине XIV в. в Европе были сконструированы первые хронометры с гиревым механизмом. Затем был придуман пружинный механизм, но лишь в середине XIX в. на рынках Швейцарии и Соединенных Штатов появились дешевые личные часы для массового потребителя, а не только для самых богатых. В XX в. часы стали наиболее распространенным техническим прибором.

Настенные и наручные часы позволили отделить время от конкретных событий — как естественных, так и социальных — и ввести договорные единицы времени равной длительности, так что их легко подсчитать. Разделение дня на 12 часов, основанное на зодиакальной системе, было введено уже в древней Греции, а вот разделение часа на шестьдесят минут и минуты на шестьдесят секунд имеет гораздо более позднюю историю и относится к середине XIV в.

Будучи всепроникающей чертой социальной жизни, пронизывающей все социальные события и процессы, время нашло свое отражение на субъективном уровне сознания. Восприятие и понимание времени является всеобщим человеческим опытом. Индивиды поразительно отличаются друг от друга своим «чувством времени», в частности, способностью оценивать длительность событий, идентифицировать моменты времени без часов (например, угадывать час дня), предусматривать длительность процесса, необходимую для достижения определенной цели (устанавливая точки отсчета), делить процессы на интервалы (при планировании дневной работы). Одни люди просто одержимы пунктуальностью, другие почти всегда надолго опаздывают. Психология времени — это поле, которое фокусируется на таких и подобных явлениях, или, иначе говоря, на «внутреннем времени» индивидов.

Для социологии интереснее другое отражение реальностей времени — социопсихологическое или культурное. Мы имеем в виду относящиеся к тому или иному конкретному времени типичные символы, ценности, правила и ориентации, которых придерживаются различные группы, сообщества, классы и т.д. Они фиксируются в определенных кодексах и включаются в социальное сознание или культуру, приобретая характер норм и правил межличностного общения, придавая различным обществам отчетливый «временной профиль». Отпечаток таких распространенных культурных образцов может ощущаться в различных сферах социальной жизни, проявляясь в специфических стилях поведения. Если сравнить современную американскую культуру с мексиканской или немецкую с итальянской, либо в исторической перспективе — более ранние, традиционные общества с современным индустриальным, то можно легко обнаружить фундаментально различные временные ориентации. Некоторые занятия и профессии очень жестко требуют пунктуальности, «экономии времени» и т.д., для других это не столь важно. Сравните бизнесменов, предпринимателей с артистами, пилотов на авиалиниях с фермерами. Не только занятия и профессии, но и социальные классы, тендерные группы (т.е. мужчины и женщины) и группы возрастные различаются между собой в их временных перспективах.

Говоря о временной ориентации, или временной перспективе, следует различать несколько аспектов.

1. Уровень осознания времени. Это наиболее важная черта. На одном полюсе — одержимая озабоченность течением, прохождением, недостатком времени и т.д. (синдром «время-деньги»), на противоположном — безразличие, пренебрежение временем, вседозволенность обращения с ним (синдром «отложим-на завтра»).

2. Глубина осознания времени. Иногда такими характеристиками, как значение и важность, наделяется лишь непосредственное, ближайшее время, а иногда и отдаленное. Говорить о краткосрочной и долгосрочной перспективе можно независимо от того, смотрим мы вперед или назад, в прошлое. Крайний случай краткосрочной ориентации иногда называют «презентизмом» («сиюминутностью»).

3. Форма или вид времени: циклическое или линейное. «Древний» человек воспринимал время в виде цикла, в рамках которого события раскрывались в повторяющемся ритме природы. Линейное видение времени начинается с христианства, с идеи будущего воздаяния и спасения, к которому неуклонно приближается все человечество. Но хотя в современном индустриальном мире линейные представления о времени явно преобладают, тем не менее существуют важные области, в которых господствует циклическое видение. Микаэль Юнг подчеркивает, что циклические ритмы социальной жизни самым тесным образом связаны с ритмической сущностью социальных процессов, и в качестве иллюстраций ссылается на ежедневные циклы работы и отдыха, солнечного и религиозного года, недели и даже академического и спортивного календаря. Дж. Дэвис Люис и Эндрю Дж. Вейгарт рассматривают три цикла, базирующиеся на трех естественных последовательностях, которые можно определить как единицы времени, — дневной круг, недельный оборот и времена года.

4. Ориентация на прошлое или будущее. «То, как члены группы соотносят себя с прошлым и будущим (т. е. их временной перспективой), в большой степени зависит от ее структуры и функций» (84; 191 — 192). Некоторые группы обращены назад: к традициям, достижениям прошлого, они «живут в истории». Другие обращены вперед: они порывают с традициями, игнорируют прошлое, смотрят в будущее. В связи с этим можно говорить о ретроспективной и перспективной ориентациях. Например, считается, что американское общество обращено к будущему, «китайское же использует настоящее как центральную точку, из которой поток существования растекается в обе стороны» (84; 192). Внутри каждого сообщества также существует дифференциация, но уже на более низких уровнях: одни группы — этнические, религиозные, по роду занятий — принимают временную перспективу, существенно отличающуюся от других. Например, в американском обществе некоторые анархистские политические движения или религиозные секты ориентируются на будущее, утопическое или хилиастическое (тысячелетнее) видение. Представители большинства профессий также ориентированы на будущее, хотя и в более прозаической форме, поскольку более реалистично оценивают время. То же можно сказать и по поводу американского среднего класса, который стремится к достижениям, карьере и готов отложить немедленное вознаграждение на будущее. А, например, отдельные регионы (Старый Юг) или патриархальные семьи живут своими воспоминаниями о прошлом. Наконец, представители некоторых маргинальных групп — бродяги, бездомные, безработные, живут исключительно сегодняшним днем. Такое сокращение временной перспективы характерно и для тех, кто оказался в необычных, неустойчивых или опасных ситуациях, например, в сражении на войне. Очевидно также, что у «маленьких детей временная перспектива наиболее краткосрочна, старики же, как правило, обращены в прошлое». Короче говоря, «люди воспринимают настоящее в зависимости от того, сосредотачивают они свое внимание на «здесь и сейчас», видят в настоящем инструмент для конструирования будущего или усматривают в нем искаженный фрагмент славного прошлого».

5. Интерпретация будущего, к которому можно подходить либо как к чему-то, что нужно принимать пассивно, либо к чему-то, что надо активно конструировать. Если первое предполагает согласие и адаптацию, то второе — планирование и формирование. Соответственно можно говорить о пассивном, или фаталистическом, отношении (например, в религиозных хилиастических сектах) и активном, или волюнтаристском (например, в революционных социальных движениях). Сочетание активного отношения к будущему с широким временным воображением, охватывающим и повседневную жизнь, и исторические процессы, называется «историчностью». Говоря словами Адама, это — «осознание того факта, что мы не только сформировались исторически, но и сами формируем историю, что не только история творит нас, но и мы творим историю». По мнению Гидденса, «это осознание линейной протяженности своей собственной трансформации».

6. Предпочтение ценностей. Ориентацию на изменения, новизну и прогресс можно квалифицировать как прогрессивную. Если же предпочтение отдается повторяемости, сходству и порядку, то такую ориентацию правомерно считать консервативной. Эта идеологическая модель относится, конечно, к гораздо более широкой области, нежели просто осознание времени, но в данном случае она тоже играет немаловажную роль.

Фактор времени входит в культуру общества, общности или социальной группы не только в качестве способности к той или иной временной ориентации, но и в гораздо более специфической форме. Это — правила (нормативные ожидания), регулирующие различные аспекты человеческого поведения. Они действуют среди различных институтов, т. е. средоточий норм и ценностей, связанных с важными социальными функциями, как, например, система образования, институт семьи, системы экономики, политики и т.д., а также внутри различных социальных ролей, т. е. средоточий норм и ценностей, связанных со специфическими социальными позициями (статусами), например, учителя, менеджера, рабочего, студента, полицейского и т.д. Короче говоря, правила, имеющие дело со временем, структурно встроены в более широкую сеть правил социальных нормативных систем.

Роберт К. Мертон выделил важную категорию подобных правил, назвав их «социально ожидаемыми длительностями». Он полагает, что существуют социальные нормы, которые составляют «первичный временной компонент социальных структур и межличностных отношений». Встроенные в социальную структуру, они регулируют продолжительность определенных актов, длительность существования групп и организаций, сроки служб и т.д. Суть не только в том, что некоторые формы социальной жизни действительно существуют дольше, чем другие. Есть нормативные ожидания, которые предписывают их продолжительность, и любой отход от этих норм воспринимается обществом как отклонение, что влечет за собой социальные санкции. Сравните женитьбу с мимолетным увлечением на каникулах за границей, семью с каким-нибудь комитетом по выполнению задания, рассчитанного на два месяца, или, например, отцовство, по определению пожизненное, с президентством, законодательно ограничиваемым определенным сроком.

Как и все социальные правила, «ожидаемые длительности» существенно влияют на мышление и действия социальных исполнителей. Обычно, если предполагается, что продолжительность социальных связей, членства в группе или статуса будет велика, то люди станут воспринимать их более серьезно, посвящать им больше времени, энергии, денег, эмоций и т.д. Сравним, например, положение матери в семье с положением временного сотрудника фирмы. Даже если люди занимаются одной и той же работой, то исполнение может быть совершенно различным в зависимости от нормативно установленной длительности. Достаточно вспомнить японские корпорации с их правилом пожизненной работы на одной фирме, или университеты, определяющие долгие сроки пребывания в профессорской должности, чтобы понять то влияние, которое оказывают эти нормы на отдачу в работе.

Если длительность нормативно ограничена, то можно наблюдать поразительные вариации поведения и исполнения между начальным периодом, средней фазой и временем,

близким к окончанию срока. Образцы поведения в конце службы, напоминающего «хроменькую уточку» из сказок Андерсена, или лихорадочная деятельность комиссии, желающей уложиться в срок, — это лишь некоторые иллюстрации зависимости деятельности от времени.

Однако структурные правила, включающие в себя время, не ограничены аспектом длительности. Существуют множественные нормативные ожидания, рассчитанные на скорость определенных процессов (например, правила движения, предписанные сроки обучения в школах и университетах и т.д.)- Есть также правила, определяющие надлежащие моменты для принятия тех или иных статусов (например, совершеннолетие, призывной возраст, принцип старшинства по роду занятий, пенсионный возраст). Наконец, существуют нормы, предписывающие ритмы и интервалы процессов (например, приема пищи, ежедневных обходов в больнице, длительности перерывов на работе и т.д.).

Не удивительно, что время — столь проникающий в социальную жизнь фактор — регулируется обществом.

В каждом обществе время выполняет некоторые универсальные функции, причем его роль в ранних традиционных и современных индустриальных обществах существенно различается. Уилберт Мур выделяет триединую функцию времени, связанную с тремя универсальными аспектами социальной жизни: синхронизация одновременных действий; последовательность действий, совершающихся одно за другим; определение уровня действий внутри временной единицы. Опираясь на это положение, логично представить более расширенную типологию социального времени.

1. Первое универсальное требование социальной жизни — синхронизация активности. Основная часть социальной жизни в каждом обществе заполнена коллективными действиями, которые совершаются совместно множеством людей. Для того чтобы коллективное действие произошло, люди должны встретиться друг друга в одном и том же месте в одно и то же время (например, прийти на стадион, чтобы стать зрителями матча). И даже если их физическое присутствие не обязательно, они должны предпринимать определенные действия в один и тот же момент (например, включить свои телевизоры, чтобы составить зрительскую аудиторию того или иного представления). «Чем сильнее взаимозависимость участников действия, тем более необходима временная синхронизация».

2. Следующее универсальное требование — координация. Индивидуальные действия происходят не в вакууме. В совокупности они приводят к единой цели или вносят вклад в производство общего продукта. Разделение труда, одна из классических проблем социологии, является типичным примером социальной координации. Для того чтобы индивидуальные усилия служили инструментом решения общей задачи, они должны предприниматься или одновременно, или в определенные временные промежутки. Скажем, для строительства дома прораб, каменщики и водопроводчики должны придти на работу в одно и то же время и организовать свой день по часам с тем, чтобы их действия были логически взаимосвязаны, чтобы они не мешали друг другу и не препятствовали работе остальных. Для того чтобы выиграть битву, военно-воздушные силы должны в точно намеченный срок вступить в сражение вместе с пехотой (либо после, либо до нее) и в нужный момент соединиться с морскими силами. Вот почему военные стратеги в зависимости от ситуации так много времени уделяют «часу Ч» или «часу Х».

3. Еще одно требование — последовательность. Социальные процессы проходят различные стадии, события идут одно за другим в определенной последовательности, причем большинство процессов имеют только им присущую, необходимую логику. Множество действий обретают смысл лишь в том случае, если они совершаются в определенный, конкретный момент. Они не могут быть сделаны раньше или позже нужного времени. Люди ждут, если еще слишком рано, чтобы предпринять что-то, или торопятся, чтобы поспеть за процессом, если он протекает чересчур быстро. Наверное, лучшей моделью подобной ситуации является линия конвейера на фабрике, но в действительности аналогичные случаи гораздо универсальнее. Ребенок должен пойти в школу в определенном

возрасте; поле должно быть вспахано в одно время года, а урожай убран — в другое; врага надо разбомбить именно перед атакой пехоты. Рождественские открытки должны быть посланы в определенном месяце, и снотворное принято в определенный час вечера. Для всех подобных случаев отсчет времени совершенно необходим.

4. Следующее требование — своевременность. В банк, магазин, ресторан или кино ходят, как правило, в определенные дни недели. Часы работы сильно варьируют в различных обществах, и без способности ориентироваться в этом нельзя действовать осмысленно и эффективно. Автобусы, поезда, самолеты, корабли отбывают и прибывают по расписанию, и если бы их действия не совпадали с ним, то никакой пользы от транспортных служб не было бы.

5. Очевидное требование, которое надо упомянуть, — измерение. Длительность различных видов деятельности зачастую имеет решающее социальное значение. От этого зависят, например, ожидаемые усилия (от школьных занятий, рабочего времени), количество оплаты (в день, понедельно, в месяц), совершенство исполнения (в соревновательных видах спорта или на экзаменах), стоимость обслуживания (телефонных разговоров, использования электричества или найма машины) и многое другое.

6. Наконец, последним универсальным требованием социальной жизни является ее дифференциация. Важно устранить монотонность и рутину повседневной жизни, отводя различные периоды времени под разные виды деятельности. Дни, посвященные отдыху или молитве (даже этимологически обозначаемые в английском языке как «святые дни»); дни, когда проводятся спортивные мероприятия (в Европе, например, большинство футбольных матчей проходит по средам); выходные дни, дни покупок, время для семейных встреч, карнавалов, избирательных кампаний — все эти экстраординарные случаи «уклонения от работы и повседневности» приветствуются людьми всех обществ, и одной из функций времени является разграничение и вычленение подходящих моментов.

Значение всех указанных функций изменяется по мере усложнения человеческого общества, его институтов и организаций, задач и предприятий. Достаточно сравнить племена охотников с современным индустриальным городом. В примитивном обществе время проистекает из ритмической деятельности, повторяющихся образцов действий, сезонных и жизненных циклов, магических и религиозных наблюдений. Люди обретаю некоторое осознание времени *per se* (самого по себе), но это осознание вторично, ибо оно приходит под давлением повседневного существования. Социальные антропологи обнаружили общества, не знакомые с понятием времени. Изучая племена нуеров в Судане, Е.Е. Эванс-Причард заметил, что они живут сиюминутным временем, воспринимают лишь настоящий момент, связанный либо с метеорологическими условиями, либо с естественным окружением и повседневной деятельностью. По словам Барбары Адаме, время в жизни ранних обществ было чем-то вроде вторичной, зависимой переменной, выполняющей исключительно инструментальные функции.

В индустриальном обществе ситуация прямо противоположна: здесь время превращается в центральный регулятор, координатор, организатор человеческой деятельности и даже мистифицируется. Оно уже не рабочий инструмент, а самооценная, независимая переменная, первичный, определяющий фактор общественной жизни. Как отметил Роберт МакИвер, в современной цивилизации существует «деспотизм времени», календарь и часы становятся «правлящими силами». Джек Гуди считает, что часы — это «ключевая машина современного мира, превосходящая по важности паровой двигатель». Появляются специалисты по ориентации во времени, датах, часах. «Постоянная озабоченность протеканием времени характерна для индустриального человека». Время принимает форму ресурса, который можно потратить, сэкономить или распределить, и даже собственности, которую можно продать или обменять. Как сказал Бенджамин Франклин: «время — деньги». Время приобретает «весьма специфический характер... в современных индустриальных обществах... как ресурс, который можно закладывать в бюджет, тратить, распределять, продавать или контролировать». Анализируя современное общество, Льюис

Мэмфорд пишет: «Оплата по часам, контракты по часам, работа по часам, еда по часам; и ничто не свободно до конца от печати календаря или часов. Для протестантов... трата времени становится одним из наиболее тяжких грехов». По тем же причинам пунктуальность рассматривается как одно из величайших достоинств. Когда в 1983 г. мексиканское правительство развернуло кампанию по рациональному использованию времени, на улицах Мехико можно было видеть огромные плакаты: «Время — деньги». Этот феномен материализации и автономизации ряда неожиданно появившихся качеств, свойств социальной жизни, существование которых начинает приобретать независимый характер и которые сковывают, сдерживают самих их творцов — человеческих индивидов, представляет собой все более усиливающуюся черту современности, не ограничивающуюся сферой времени.

Классическая социология времени — это достижение Эмиля Дюркгейма (98) и представителей «французской школы» — Марселя Мосса, Анри Убера, Мориса Халбвакса и др. Последователи Дюркгейма ввели новое понятие — «социологическая перспектива», которое было унаследовано позднейшей социологией.

Согласно общепринятым трактовкам, время — это неопределенное, естественное окружение всего человеческого опыта. Философы, в частности Кант, рассматривали его как универсальный человеческий путь упорядочения опыта, форму нашей чувственности, первичную «когнитивную категорию». Дюркгейм предпринял следующий шаг, включив проблему времени в социальную сферу. Для него время — «социальный факт», или «коллективное представление», эманация («излучение», «истечение») коллективного опыта и социальной организации общества. И как таковое, оно социально «конструируется». Подобно другим социально конструируемым «социальным фактам», время оказывает некоторое сдерживающее влияние на действия людей, обеспечивает нормативную регуляцию социальной жизни и тем самым влияет на общество, формирует своих собственных создателей. Дюркгейм сумел схватить диалектику времени: оно отражает ритм коллективных действий, но одновременно само регулирует такие действия.

Социальный характер времени предполагает, что это не субстанция, не специфическая форма бытия, а, скорее, ряд связей, упорядочивающих последовательность и ритмичность социальных событий. Один тип связи — простое чередование (следование друг за другом); второй — линейное время. Благодаря этому свойству оно принимает разные формы в различных обществах, соотносится с различными экзистенциальными основаниями, возникающими в различных культурах или эпохах. Таким образом, время исторически и культурно относительно.

Позднее Дюркгейм утверждал, что «в различные времена» живут и различные общности (племена, города, профессиональные и возрастные группы, классы), что различные организации (конторы, предприятия, школы) обеспечивают специфические временные рамки для своих членов, а каждому типу человеческой деятельности (политической, экономической, религиозной, образовательной, технической, семейной) соответствует собственная, отличная от других, временная матрица. Кроме того, некоторые социальные категории в известной степени противостоят проникающему воздействию времени, либо смещая временные рамки, либо вовсе игнорируя время. Таковы, например, Дети, люди, вышедшие в отставку или на пенсию, больные в клиниках, безработные, заключенные, представители богемы.

Важный вклад в теорию времени внесли Питирим Сорокин и Роберт К. Мертон. В своей знаменитой статье они анализировали так называемое социокультурное время, еще теснее связывая его с проблематикой социальных изменений. Авторы выделили качественную и релятивистскую природу времени, которое никогда не бывает лишь нейтральной количественной шкалой для измерения тех или иных трансформаций. Скорее, оно Наполнено богатым содержанием и течет различно в разных обществах. Как писали Сорокин и Мертон, «системы времени варьируют вместе с социальной структурой» (371; 615). Это происходит благодаря тому, что точки отсчета для измерения времени выбираются

среди событий, социальная значимость которых зависит от проблем, преобладающих в разных обществах. На ранних стадиях развития общества такие проблемы определяются охотничьими сезонами, периодами сбора урожая, наводнениями, дождями, приливами; позднее — фестивалями, религиозными праздниками и торговыми ярмарками. В современном рыночном обществе большую роль играют сезонные распродажи и каникулы. В результате даты принимают культурное, а не только календарное значение, и периоды, даже номинально равные, проходят с неодинаковой скоростью в зависимости от конкретной культуры.

Поток времени не нейтрален, гладок и однообразен; существуют явные ускорения и пустоты.

Сорокин и Мертон рассматривали социальное время как функциональную предпосылку упорядоченной, предсказуемой, скоординированной и синхронизированной общественной жизни. Имея социальные истоки и будучи наполнено культурным содержанием, оно, в свою очередь, также влияет на общество, повышая и обогащая свойственные ему жизненные ритмы.

Гетерогенность социального времени показал Георг Гурвич — автор типологии, состоящей из восьми категорий времени, которые можно обнаружить в нынешнем обществе. Это продолжительное «длящееся время» традиционных, ориентированных на родство обществ, «неустойчивое время» новых технологий, «циклическое время» церковью и сект, «взрывное время» революционных движений и т.д. Для каждого общества характерна собственная конфигурация социальных времен, и выбор одного из них становится важным аспектом групповой идентификации и, следовательно, межгруппового соревнования (конкуренции) и борьбы.

Наряду с другими исследователями, эмпирически ориентированную «социологию времени» развивал Эвиатар Зерубавель. С его точки зрения, «социовременной порядок» — это фундаментальный и универсальный принцип социальной жизни, который проявляется на объективном и субъективном уровнях. Общества создают необходимые для своего функционирования объективные «рамки соотношения во времени» (расписания, таблицы, графики), а люди вырабатывают «стандартные временные ориентации» для упорядочения своего бытия. Каждое социальное событие имеет собственный «временной профиль», комбинацию четырех временных характеристик: 1) структуры следования (образцов стадий, характерных, например, для повседневной жизни, религиозных ритуалов, занятий служащего, экономического роста и т.д.); 2) длительности; 3) локализации в более широкой последовательности («когда» оно в действительности происходит); и 4) повторяемости или уникальности.

В современном обществе время превращается в товар: люди продают часть своего личного времени, превращая его в рабочее время. «Время современного человека жестко сегментируется на часть, когда он официально исполняет свою роль по роду занятий, и остальное, когда он не играет такой роли». В этом высказывании просматриваются выводы более раннего, традиционного исследования «бюджета времени».

В последние десятилетия крайне сложная проблематика социального времени привлекала все большее внимание, а с 70-х годов превратилась в самостоятельное направление социологии с собственными журналами, конференциями и академическими ассоциациями.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

К числу исторических тенденций, особенно характерных для современной эпохи, относится тенденция к глобализации. Она может быть определена как «ряд процессов, которые составляют единый мир» (341; 396). Общества становятся взаимозависимыми во

всех аспектах — политическом, экономическом, культурном, и масштаб этих взаимозависимостей становится действительно глобальным. «Ни одна страна не является самодостаточным островом» (76; ix). Человечество больше не рассматривается как «статистическая совокупность», философская или идеологическая категория; оно приобретает социологическую сущность, превращается в социальную целостность, охватывающую всех людей, живущих на земле. Сегодня можно говорить о глобальной структуре политических, экономических и культурных отношений, простирающихся за любые традиционные границы и связывающих отдельные общества в единую систему. О таком понимании человечества не могло быть и речи даже в сравнительно недавнем прошлом. По словам Питера Уорслея, «до сих пор человеческое общество вообще никогда не существовало». Данное онтологическое изменение находит отражение в эпистемологическом статусе социологии. Сегодня вполне правомерно «вернуться к недавно введенному в нашу дисциплину положению о том, что первичными единицами анализа являются нация, общество и культура». Большинство социологов разделяют мнение Норберта Элиаса, согласно которому социология возможна лишь как социология мирового сообщества.

Глубина изменений будет понятней, если сравнить два контрастных, полярных случая: один из исторического прошлого, а другой из исторического настоящего? В прошлом общество представляло собой чрезвычайно пеструю, разнородную мозаику, составленную из изолированных социальных единиц, начиная от орд, племен, царств, империй и кончая еще относительно недавно наиболее широко распространенной формой — национальным государством. Каждое из этих множественных или единичных политических образований имело независимую, самоподдерживающуюся и самодостаточную экономику, собственную культуру, сохранявшую свою уникальную идентичность, которая не пересекалась и была несоизмерима с остальными.

Современное общество являет собой совершенно иную картину. В политической сфере имеют место наднациональные единицы различного масштаба: политические и военные блоки (например, НАТО), имперские сферы влияния (например, бывшего социалистического лагеря), коалиции правящих групп (например, «Большая семерка»), континентальные или региональные объединения (например, Европейское сообщество), всемирные международные организации (в первую очередь ООН и ее специализированные подразделения). Можно заметить также контуры всемирного правительства, когда ряд важных функций выполняется наднациональными учреждениями (например, Европейский парламент, Международный трибунал или Интерпол), и признаки растущей политической однородности. Процессы демократизации в Латинской Америке, южной Европе и посткоммунистических странах свидетельствуют о том, что парламентская демократия становится поистине «универсальной, доминирующей политической формой на земном шаре».

В экономической сфере усиливается значение наднациональной координации и интеграции (ЕФТА, ЕС, ОПЕС), региональных и мировых экономических соглашений. Наблюдается глобальное разделение труда, увеличивается роль многонациональных и транснациональных корпораций, причем некоторые из них обладают доходом, превышающим доход среднего национального государства. Штаб-квартиры ряда подобных корпораций находятся в конкретных странах (например, «Ниссан» или «Тойота»), другие утратили национальные корни и действуют по всему миру, используя местные субсидии и т.д. (например, «Пепси-Кола», «Макдональдс», «Дженерал Моторс»). Это новые могущественные силы в мировой экономике. С кончиной планово-командной экономики рынок, похоже, становится «универсальным», единым экономическим механизмом, охватывающим весь мир. Отметим молниеносность, с которой финансовые рынки реагируют на события в отдельных, даже наиболее географически удаленных странах.

Наконец, в культуре также доминирует тенденция к единообразию. Средства массовой информации, в частности ТВ, превращают нашу планету в «большую деревню». Миллионы людей становятся свидетелями событий, произошедших в разных местах,

приобщаются к одному и тому же культурному опыту (олимпиады, рок-концерты), что способствует унификации их вкусов, восприятий, предпочтений. Все это фиксируется мировыми информационными службами (CNN) и газетами («Herald Tribune»). Одни и те же потребительские товары распространяются повсюду (феномен «кока-колизации»). Миграции, временная работа за границей, туризм обеспечивают непосредственное знакомство с образом жизни, обычаями, нормами поведения в других странах. Складывается общий язык, причем английский язык берет на себя роль средства профессионального общения в науке, технике, бизнесе, в области компьютерной техники, транспорта, а также роль средства межличностного общения в путешествиях или туризме. Компьютерная технология способствует развитию, углублению и другому направлению унификации: одни и те же программы, используемые во всем мире, становятся единым образцом организации и обработки данных и информации. Местные культурные традиции размываются, и, похоже, массовая потребительская культура западного типа становится «универсальной», распространяясь по всем странам и континентам.

Рассмотренные многомерные изменения побудили некоторых современных историков выдвинуть концепцию «глобальной истории». По их мнению, примерно с середины XX в. и особенно в последние десятилетия тенденция к глобализации изменила фундаментальное качество исторических процессов. Где бы что-то ни происходило, оно находит отзвук по всему свету. Национальный и даже региональный масштаб недостаточен; национальные или региональные истории больше не имеют смысла. И ударение должно делаться на тех исторических процессах, которые пересекают границы традиционных единиц анализа (государств, регионов, областей) и охватывают весь мир. Проще говоря, в глобальном мире история протекает иначе: у нее формируются новые движущие силы, новые механизмы и новые направления, и это нельзя игнорировать.

Данная концепция сформировалась сравнительно недавно, но задолго до нее уже предпринимались попытки проанализировать различные аспекты и тенденции глобализации.

Три теоретических подхода к глобализации могут считаться классическими: теория империализма, теория зависимости и теория мировой системы. Они имеют общую исходную посылку и несут схожую идеологическую нагрузку. Каждая из них касается в основном экономической сферы и нацелена на то, чтобы вскрыть механизмы эксплуатации и несправедливости. Таким образом, у них явно марксистские корни и левая ориентация.

Зачатки теории империализма обнаруживаются уже у Дж.А. Гобсона, впоследствии она получила развитие в трудах Владимира Ленина и Николая Бухарина. Они определили империализм как последнюю стадию развития капитализма, когда перепроизводство и падение нормы прибыли вынуждают его прибегать к защитным мерам. Империалистическая экспансия (завоевание, колонизация, экономический контроль над другими странами) составляет суть стратегии капитализма, необходимой ему для спасения от неизбежного краха. Экспансия преследует три основные экономические цели: получение дешевой рабочей силы, приобретение дешевого сырья и открытие новых рынков сбыта товаров. В результате господства империализма мир становится асимметричным: на него экстраполируется ситуация внутри государства с его классовый борьбой, эксплуатацией меньшинством большинства. В мировом масштабе это выражается в том, что несколько капиталистических метрополий эксплуатируют подавляющее большинство менее развитых или слаборазвитых обществ. И как результат — несправедливый односторонний поток ресурсов и прибылей, увеличение разрыва между богатыми и бедными странами (богатые становятся богаче, бедные — беднее). Только всемирная революция эксплуатируемых может разорвать этот порочный круг.

В середине XX в. схожая идея была взята на вооружение теоретиками, исследовавшими отношения между странами так называемого первого и третьего мира в постколониальный период, когда прямому политическому правлению извне пришел конец, но осталась экономическая зависимость. «Теория зависимости» была разработана в Латинской Америке и отразила в основном ситуацию в этом регионе. Ее исходная посылка

заключается в том, что причина отсталости латиноамериканских стран коренится не только во внутренних факторах; большую роль сыграло здесь и внешнее воздействие. Стоявший у истоков данной теории Поль Пребишч отмечал четкое разграничение мировой экономики на доминирующий «центр», куда входят высокоразвитые индустриальные державы, и «периферию», которую составляют главным образом аграрные страны. Данное положение легло в основу двух версий теории зависимости: пессимистической и несколько более обнадеживающей. Анри Гюндер Франк выдвинул пессимистическое объяснение постоянного и непреодолимого отставания Латинской Америки. По его мнению, этому способствует, во-первых, то обстоятельство, что между капиталистическими метрополиями (в частности, США и подчиняющимися им мультинациональными корпорациями) и зависимыми «сателлитами» установились неравноправные взаимоотношения. В производстве затрачиваются местные ресурсы, а большая доля прибавочного продукта присваивается иностранным капиталом, т.е. этот продукт идет из стран-сателлитов в метрополию. Во-вторых, элита зависимой страны (крупные предприниматели, менеджеры, высококлассные специалисты, политики), побуждаемая личным интересом, вывозит свои деньги и ищет возможности их вложения за пределами собственного государства. Иначе говоря, местная элита переходит на службу иностранному капиталу и неукоснительно выполняет все его требования. Даже если представители местной элиты не уезжают из страны, то в своих надеждах, привязанностях и предпочтениях они все равно уже далеко от нее. По сути дела это послушные, а иногда и тупые стражи зависимого статуса своей родины.

В результате возникает «цепь зависимости». Встроенная в механизм внешней эксплуатации и получающая некоторую долю прибыли, местная элита не желает добиваться экономического суверенитета. Единственная социальная сила, потенциально способная порвать эту «цепь зависимости», — низшие классы, которые не участвуют в прибылях, но несут бремя эксплуатации. Однако, по сравнению с объединенной мощью метрополий и их преданных слуг, возможности этого класса обычно крайне невелики. Шансов на то, чтобы изменить ситуацию, у них практически нет, за исключением отчаянных народных восстаний «снизу».

Несколько более оптимистическую картину рисуют в теории «зависимого развития» Фернандо Кардозо и Е. Фалетто. Главная проблема, считают они, заключается в отсутствии собственных самостоятельных технологий и развитого производства основных товаров. «Зависимый капитализм уродлив... Накопление, экспансия и самореализация местного капитала требуют поддержки извне. Чтобы выжить, он должен включиться в систему международного капитализма».

Но проглядывает и луч надежды: условия зависимости непреднамеренно порождают некоторые побочные результаты («эффект бумеранга»), которые медленно подрывают жизнеспособность капитализма. Приток иностранных инвестиций обеспечивает появление в море отсталости и традиционализма островков высокотехнологичных, современных предприятий, на которых обучается квалифицированный рабочий класс, формируется и накапливает опыт местная элита менеджеров, открываются возможности для создания кооперативных субсидируемых предприятий, возникает стимул следовать по пути, приводящему к экономическому успеху. Получают распространение мотивации, побуждающие к предпринимательству, постепенно складывается местный средний класс, начинается накопление местного капитала. На определенной стадии эти скопившиеся количественные изменения могут привести к качественному скачку, экономическому «прорыву» и тем самым уменьшить зависимость.

Глобальные экономические взаимосвязи оказываются средством освобождения от зависимости, а не инструментом для ее сохранения. «Новые индустриальные страны» (например, Бразилия или Мексика), так называемые азиатские тигры (Тайвань, Южная Корея, Сингапур, Гонконг), страны бывшего коммунистического блока демонстрируют развитие событий именно по такому сценарию.

Наибольшее распространение среди теорий мировой экономической зависимости получила теория «мировой системы» Иммануэля Уоллерстайна. Автор различает три основные стадии в истории. Первая является стадией «минисистем» — относительно небольших, экономически самостоятельных единиц с четким внутренним разделением труда и единой культурой. Они доминируют в эпоху охоты и собирательства и продолжают существовать до эпохи аграрных обществ.

Затем наступает черед «мировых империй», которые объединяют в себе множество ранних «минисистем». В основе этих образований лежит экономика, ориентированная на сельское хозяйство, причем ее координация обеспечивается посредством сильного военного и политического правления, безжалостной административной системы, системы налогообложения и воинской повинности. Кроме того, для данной стадии характерны постоянные войны, захваты чужих территорий и включение их в огромные империи (например, древний Китай, Египет, Рим). Жизнеспособность таких империй подрывается ростом бюрократического аппарата и сложностью выполнения административных функций на больших территориях.

Эпоха «мировой экономики», или «мировых систем», возникает где-то в начале XVI в. Государство как регулирующая и координирующая сила уступает место рынку. Единственной функцией государства остается сохранение структуры экономической активности и свободного предпринимательства, а также благоприятных условий для торговли.

Капиталистическая система обнаруживает колоссальный потенциал к расширению. Внутренняя динамика и способность обеспечивать изобилие товаров делают ее крайне привлекательной для широких слоев населения. К тому же капитал подчиняет себе политическую власть и военные силы, что укрепляет его позиции. На этой стадии наблюдается ускоренное распространение новейших технологий по всему миру, что ведет к иерархизации мирового сообщества. В нем выделяются три уровня государств: центральные, периферийные и — промежуточный тип — полупериферийные государства (что примерно совпадает с другим, более популярным делением на первый и третий миры и «второй мир» где-то между ними).

Зарождаясь в центральных, ведущих государствах Западной Европы, капитализм достигает полупериферии и периферии. Периферийные, бедные государства «были впряжены в колесницу мировой системы основными государствами, но остались в роли пристяжных». «Внешняя арена» государств, не попадающих в орбиту «мировой капиталистической системы», сокращается. Переход к капиталистической рыночной экономике после крушения административно-командной системы бывших коммунистических стран ликвидирует большой сегмент некапиталистического развития. Так в XX в. весь мир постепенно встраивается в единую экономическую систему. Но процесс этот не простой, и асимметричность экономической системы сохраняется. Концепция Иммануэля Уоллерстайна наиболее радикально утверждает идеи экономической глобализации.

Уоллерстайн, несомненно, внес весомый вклад в теорию изменений. «Исследователи мировой системы значительно обогатили наше представление о мире, рассматривая его как системный феномен. Многие из того, что традиционно анализировалось социологами в социальных и, шире, в цивилизационных терминах, может и должно восприниматься с точки зрения глобально-системного подхода». Основными недостатками теории являются сильный экономический уклон и механическая экстраполяция идеи классового неравенства на международные отношения — и то, и другое явно указывает на марксистские корни. Чтобы глобальное сообщество раскрылось во всей полноте, необходимо учитывать процессы глобализации в другой важной сфере — культуре.

Социальные антропологи Б. Малиновский (1884—1942) и А.Р. Рэдклифф Браун (1881 — 1955) в ходе своих полевых исследований наблюдали феномены культурного контакта, культурного столкновения и культурного конфликта. Эти явления особенно характерны в ситуации, когда западная цивилизация проникает в местные культуры колониально

зависимых стран. Как заметил Даниэль Чиро, в начале XX в. на свете «осталось очень немного «традиционных» обществ. Практически все жители планеты за исключением обитателей самых глухих уголков на Амазонке и в Африке испытали на себе влияние высоко модернизированного «западного мира» (76; 7). Местные нормы и ценности, обычаи и мораль, религиозные верования, модели семейной жизни, способы производства и потребления, похоже, исчезают под натиском современных западных институтов.

Данное обстоятельство вызвало две противоположные реакции. Одни антропологи стали говорить о «культурном империализме», который ведет к катастрофическим последствиям: уничтожению самобытности, утрате культурной автономии зависимыми обществами, культурному обеднению в целом. Другие начали проповедовать «этноцентризм», превознося цивилизационную миссию Запада; они приветствовали борьбу с варварством, язычеством, дикарскими обычаями, разрушение примитивных институтов.

В настоящее время те же реакции вызывает растущая вестернизация (или даже американизация). В общественных и научных кругах нередко сетуют на то, что из-за «культурной синхронизации», не имеющей исторических аналогов, «впечатляющее разнообразие мировых культурных систем уменьшается», а также на то, что коммерциализация культуры, насаждение масс-культуры приводят к «бескультурью», «новому варварству». Правда, существует и противоположная точка зрения, согласно которой достичь уровня наиболее продвинутых, передовых государств мира можно, лишь следуя западной модели развития. Последняя рассматривается как предпосылка социальной эмансипации, или по крайней мере как символ цивилизации. Такого мнения всегда придерживались представители образованной политической и экономической элиты в колониальных странах, а сейчас она весьма популярна и в посткоммунистических странах, где прозападная культурная ориентация, порой принимающая форму «фетишизации» Запада, вызвана прежде всего стремлением «присоединиться к Европе» и «избежать Азии» (т. е. отсталости, автократии, советского имперского господства).

Нынешние глобальные масштабы унификации культуры определяются главным образом средствами массовой коммуникации, особенно телевидением. «Империалистические средства массовой информации» превращают нашу планету в «большую деревню», обитатели которой потребляют один и тот же культурный продукт. Кроме того, беспрецедентный размах путешествий и туризма в развитых странах также способствует распространению по всему свету образцов западной культуры.

Эти важные процессы наводят на теоретические размышления. Одним из них является теория «глобальной ойкумены», предложенная Ульфом Ганнерсом. Под «ойкуменой» он понимает регион постоянного культурного взаимодействия, обмена и перевода феноменов одной культуры на язык другой. Постепенное расширение ойкумены достигает в наше время действительно глобальных масштабов. Традиционные культуры возникают в обществах, существующих в определенных границах; они привязаны к этому пространству и воспроизводят себя при непосредственных контактах и в одном временном промежутке. В противоположность им современные культуры пересекают любые конкретные временные и пространственные рамки и благодаря современным технологиям в области коммуникации и транспорта «разрывают пространство и время».

Культурные потоки в пределах глобальной ойкумены не симметричны и не двусторонни. Большинство из них однонаправлены, с четким разделением центра, где формируются культурные послания, и периферии, где они воспринимаются. Культурные перемещения от периферии к центру ограничены. В качестве редких примеров из недавнего прошлого можно назвать музыку регги, латиноамериканские ритмы и африканский рок.

Ганнерс считает, что подобная асимметричная структура типа центр-периферия — не единая система, покрывающая все измерения культуры и географические регионы. Это множественный конгломерат с различными специализированными и региональными центрами, которые изменяются и сдвигаются во времени. Сейчас к таким специализированным центрам относят США (в области науки, новейших технологий и

массовой культуры), Францию (в области сверхмодной одежды и производства деликатесов), Японию (в сфере корпоративной культуры); к региональным центрам — Мексику в Латинской Америке, Египет в арабском мире, Ватикан — в католическом, священные города Кум и Мекка — в исламском.

Говоря о будущем, Ганнерс предлагает четыре возможных сценария культурной унификации. Первый — сценарий «глобальной гомогенизации», в котором предполагается полное доминирование западной культуры, при том, что весь остальной мир становится более или менее удачным слепком западного образа жизни, западных моделей потребления, ценностей и норм, идей и верований. Одни и те же товары в магазинах, одни и те же постановки в театрах и фильмы в кино, бестселлеры в книжных магазинах и новости в газетах, мыльные оперы по телевизору и хиты на дисках — вот, может быть, несколько преувеличенная картина того, что уже имеет место во многих странах мира. Любая местная специфика исчезает под захлестывающим давлением унифицирующего цивилизационного влияния Запада.

Есть специфическая версия данного процесса, которая называется «сценарий ситуации — насыщения». В ней утверждается, что периферия медленно впитывает в себя культурные образцы центра, насыщается ими и на протяжении длительного отрезка времени, через несколько поколений, местные культурные формы постепенно исчезают, т.е. в истории происходит становление культурной однородности.

Третий сценарий, названный «периферийной коррупцией», означает упадок и разложение западной культуры в процессе адаптации. Столкновение с периферией искажает и разлагает ее высшие ценности. При этом действуют два механизма. Первый отфильтровывает «высокоинтеллектуальные» достижения, оставляя место лишь для культурного продукта самого низкого уровня — для порнографии, а не литературной критики; для шпионских триллеров, а не произведений лауреатов Нобелевской премии; для «Династии», а не Шекспира; для рэпа, а не Бетховена. Подобное может происходить по двум причинам: из-за низкого культурного уровня принимающей стороны; из-за реализации тенденции «культурной свалки», т.е. продажи избытка продукции низкого качества на периферийные рынки. Второй механизм искажает западные ценности, приспособляя их к привычному образу жизни потребителей. Например, в традиционно авторитарной стране демократические ценности легко перерождаются в деспотизм; равенство — в семейственность, кумовство; свобода слова — в безобразные публичные дразги; свобода собраний — в фракционизм, в постоянную борьбу бесчисленных группировок и клик.

Четвертый сценарий, который явно по душе самому Ганнерсу, — это «сценарий созревания». Он предполагает не просто слепое восприятие, а равный диалог и обмен, когда проникающая культура метрополии обогащается некоторыми ценностями периферии, когда дается собственная интерпретация привнесенным идеям и т.д. В результате образуется единый сплав внутренних и внешних элементов. В подобных процессах глобальная культура играет роль стимулятора, способствующего обогащению местных культурных ценностей. В то же время она приобретает специфические черты сообразно местным условиям. Различие культур остается, но их развитие оживляется под влиянием центра. Представители периферийной культуры выступают в качестве посредников: они отбирают импортируемую продукцию в соответствии со своими культурными вкусами и потребностями. Что касается обычных людей, в чью повседневную жизнь вплетены глубинные структуры локального культурного наследия, то они, наделяя транснациональный культурный поток своими собственными смыслами, существенно модифицируют его. Это может происходить путем разложения привносимых культурных тем на содержание и форму. Отделение формы, стиля, техники или, образно говоря, «культурного языка», от конкретного содержания, смысла, сюжета, предыстории позволяет заполнить привнесенную глобальную форму местным содержанием. Местные культурные ценности могут расширяться и обогащаться на этой новой основе.

В итоге образуется то, что Ганнерс называл «креолизацией» (гибридизацией) культуры. Во всем мире все культуры представляют собой сложный синтез, они уже не однородны, как когда-то, поскольку между центром и периферией существуют исторически накапливающиеся взаимосвязи. По словам автора, происходит не слияние культур в единое глобальное целое, а «диалог между ними».

Мощную поддержку сценарию «созревания» и «гибридизации» оказал Шмуэль Айзенштадт. Подытоживая свои исследования древних и современных цивилизаций, он нарисовал картину, сходную с той, которую описывал Ганнерс.

Расширение цивилизаций создает для включенных в них обществ предпосылки в виде культурных символов и институтов, открывает новые возможности развития и выбора. Различия, которые, при множестве общих характеристик, имеются между современными обществами, кристаллизуются путем отбора (а следовательно, и трансформации) этого большого количества культурных символов, смыслов и институтов как западной, так и собственной цивилизации.

Ответная реакция периферийных обществ на экспансию центральной цивилизации зависит от сочетания нескольких факторов: 1) от «пункта входа» данного общества в глобальную систему, по которому можно определить, какие аспекты предыдущей культуры отвергаются и какие новые возможности предоставляются (другими словами, откуда протекает влияние центральной цивилизации); 2) от видов технологий и экономического устройства, существовавших ранее в данном обществе (другими словами, от состояния периферии в то время, когда она сталкивается с внешним воздействием); 3) от основных онтологических взглядов на взаимоотношения космического, социального и культурного порядка, а также от жизнеспособности элиты, выражающей и санкционирующей такие взгляды; 4) от способов приспособления к условиям, изменяющимся в ходе истории данного общества (например, адаптационные или конструктивные реакции). Автор считает, что в совокупности вариативность и единообразие несут в себе значительный потенциал для развития.

Глобальность является в сущности неизбежной проблемой современного мира. Она несет с собой как опасности, так и надежды, и люди должны это осознавать. Процесс глобализации охватывает все аспекты современной общественной жизни — экономические, политические, культурные, и данное обстоятельство фиксируется социальным сознанием. Появляются различные новые образы мира, причем некоторые из них находят отражение в специфических концепциях глобализма или антиглобализма. Эти образы становятся независимыми причинными переменными, формирующими тенденции к глобализации, т.е. будучи порождением глобализации, они превращаются в ее детерминанты.

Роланд Робертсон предложил недавно весьма примечательную типологию «образов мирового порядка». Он выделил четыре таких типа. Первый — «Глобальный Gemeinschaft I», в котором мир представлен в виде мозаики либо закрытых, ограниченных сообществ, либо равноправных и уникальных в своей институциональной и культурной упорядоченности, либо иерархических, с отдельными ведущими сообществами. В вычленении данного типа в известной мере проявилось негативное отношение к глобализации, которое может перерасти в «антиглобализм». Эгалитарная («уравнительная») версия представлена классической социальной антропологией, провозгласившей культурный релятивизм; иерархическая — в концепции Китая как Среднего Царства в центре мира и в ряде исламских доктрин. Недавно она была обновлена в фундаменталистских движениях, которые «призывают к восстановлению своих исконных социальных сообществ, полагая при этом, что остальной мир должен быть закрытым и не представлять угрозы «лучшему» устройству».

Второй тип — «Глобальный Gemeinschaft II». Он отражает единство человеческого рода и олицетворяет собой глобальное сообщество, или «всемирную деревню», предполагая общепланетарный консенсус в вопросах, касающихся ценностей и идей. Это, скорее, перспективная, а не описывающая реальности точка зрения; подобное видение уже

существовало в форме древней идеи Царства Божия на земле и недавно возродилось вновь в различных экуменических движениях. Речь идет в первую очередь об обращении Римской католической церкви ко всему человечеству по поводу «евангелизации», а также о восточно-азиатской, в частности японской, религиозной ориентации. Сюда же можно отнести всемирное движение за мир и экологическое движение. Другой интересной областью, где можно обнаружить схожий тип, является международная безопасность. Нейл Смелзер отметил «эволюцию в понимании и символическом обозначении, например, тех международных границ, которые нельзя переступить, не вызвав угрозы ядерного уничтожения всего мира, тех механизмов, которые имеются в нашем распоряжении и позволяют выйти из состояния конфронтации, не уронив собственного достоинства».

Третий тип — «Глобальный Gesellschaft I». Он дает представление о мире как мозаике взаимно открытых суверенных национальных государств, включенных в процесс интенсивного экономического, политического и культурного обмена. По эгалитарной («уравнительной») версии многочисленные партнеры являются политически равными участниками взаимовыгодного сотрудничества, а иерархическая версия отстаивает важность лидирующих обществ-гегемонов («большой власти»), обеспечивающих стабильность в мире.

Наконец, четвертый тип — «Глобальный Gesellschaft II». Образ этого типа предполагает унификацию национальных государств под эгидой некоего мирового правительства. Это может быть как наднациональное политическое объединение, так и федерация. Данный тип мирового порядка, приверженцами которого до недавнего времени были либералы, а также марксисты, вновь находится в центре политических дебатов, в частности по поводу трансформации Европейского сообщества от экономической интеграции к более политизированным ее формам. Споры и конкуренция между этими типами образов и идеологий составляют существенную часть современной интеллектуальной полемики.

ЭВОЛЮЦИОНИЗМ

Социология возникла в ответ на требования теории и практики. Она старалась осмыслить те колоссальные социальные сдвиги, которые происходили в Европе на волне революций: процессы индустриализации, урбанизации, становления капиталистического общества и разрушения традиционного, аграрного, общинного уклада жизни. Сталкиваясь с новой, сложной и ускользающей от понимания реальностью, философски ориентированные социологи XIX в. искали эвристические аналогии или метафорические модели в областях знаний, которые были лучше разработаны. Первая метафора, объясняющая общество и его изменения, была найдена в биологии — она уподобляла общество организму.

Вначале данная аналогия использовалась только как эвристическое средство, полезный инструмент для интеллектуальной работы. Речь шла лишь о некотором общем сходстве между организмом и обществом, и при этом вполне отчетливо осознавалось различие между ними. Значительно позднее такое сравнение стало восприниматься буквально: общество начали рассматривать как реальный организм. И если ограниченное, эвристическое использование данной аналогии оказалось достаточно плодотворным, то ее извращение, типичное для школы «органицизма» на закате XIX столетия, завело социологические исследования в тупик.

Упомянутая аналогия касается в первую очередь внутреннего устройства общества. Считалось, что, подобно живым организмам, оно состоит из различных элементов («клеток» — индивидов), собранных в более сложные единицы («органы» — институты), которые объединены детерминирующей сетью взаимосвязей («органическая анатомия» — социальные связи). Короче говоря, предполагалось, что и организм, и общество обладают структурой. Но при этом четко осознавалось, что тип структурной интеграции в обоих случаях различен: сильная и тесная интеграция в организме, ни одна часть которого не может существовать отдельно от целого, и гораздо более свободная в обществе, где и индивиды, и институты обладают некоторой автономией и самодостаточностью. Аналогия с организмом применялась и к «физиологии», т. е. к процессам, происходящим внутри общества, причем элементы организма и общества рассматривались как выполняющие специфические роли или определенные функции внутри тех целостностей (организма или общества), к которым они относятся, и тем самым способствующие их сохранению и воспроизводству (жизнь организма или общества). Иными словами, акцентировалось внимание на сходстве функций. Но при этом опять-таки отчетливо осознавались различия: узкоспециальные, однофункциональные органы в организме и многофункциональные, взаимодополняемые элементы или подсистемы в обществе.

При динамических трансформациях общества и организма в них существует постоянная взаимосвязь преемственности и изменений. Несмотря на постоянное пополнение, восстановление элементов (клеток, тканей в организме; людей, групп в обществе), целое сохраняется значительно дольше, чем его части. И для жизни организма, и для истории общества характерен рост, поэтому понятие роста имеет решающее значение для уяснения изменений. Это — наиболее важное, до сих пор широко распространенное понятие как в социологической теории социальных изменений, так и в обыденном сознании.

«Рост» означает расширение, распространение, усложнение и дифференциацию. Это процесс, который (1) раскрывает определенные внутренние потенциальные возможности, присущие изучаемому объекту с самого начала (т. е. обнаруживает свойства, закодированные в семени или эмбрионе); (2) идет в одном направлении и имеет необратимый характер (от зрелости к юности нет возврата); (3) продолжается непрерывно и не может быть остановлен (нельзя оставаться вечно молодым); (4) развивается постепенно, кумулятивно, шаг за шагом; (5) проходит различные стадии, или фазы (например, юность, зрелость, старость).

Концепция роста стала основой социологической идеи эволюции, фундаментом для влиятельной теоретической школы, изучающей социальные изменения и известной как «социологический эволюционизм». Необходимо сказать, что эта ориентация в социологии предшествовала по времени и существенно отличалась от «биологического эволюционизма» (дарвинизма). Во-первых, это была теория онтогенеза, в которой человеческое сообщество рассматривалось как единственное уникальное целое, тогда как дарвинизм был теорией филогенеза, в рамках которой исследовалось происхождение особей или видов. Во-вторых, социологи исследовали механизм раскрытия внутренне присущих, потенциальных возможностей, а дарвинисты акцентировали внимание на случайных мутациях, борьбе за существование, на выживании наиболее приспособленных особей и естественном отборе наиболее адаптированной части популяции. Первый процесс представлялся ровным, гладким, и факторы, влияющие на изменения, толковались как эндогенные, имманентные, второй — напряженным, и изменения зависели от экзогенного давления окружающей среды. В-третьих, социологический эволюционизм постулировал неуклонный процесс, а биологический эволюционизм предполагал лишь наличие вероятных стохастических связей. Обе ветви эволюционизма отличались друг от друга. На протяжении большей части своей долгой истории социологический эволюционизм игнорировал и даже отрицал достижения в биологическом эволюционизме. Лишь недавно некоторые авторы поняли, что можно черпать вдохновение и в биологическом эволюционизме, и стали развивать «эволюционную» (но не «эволюционистскую») теорию социальных и культурных изменений, используя некоторые результаты современной биологии.

Общая основа эволюционистской теории

В работах классиков эволюционизма специфический образ социальных и исторических изменений постепенно обретал конкретные очертания.

Несмотря на различия во взглядах, все эволюционисты придерживаются ряда общих положений, которые составляют основу эволюционистской теории.

1. Все эволюционисты исходят из того, что человеческая история имеет единую форму, «логику», объединяющую множество, казалось бы, случайных и несвязанных между собой событий (42; 6). Логику истории можно обнаружить, распознать, и цель эволюционистской теории в том и заключается, чтобы реконструировать историческую цепь событий. Такая реконструкция позволит понять прошлое и откроет возможности для предсказания будущего.

2. Под объектом, подвергающимся изменениям, подразумевается все человечество, которое является единым целым. Даже если некоторые авторы ставят в центр какие-либо отдельные аспекты социальной жизни, например, религию (Бенджамин Кидд), мораль (Эдвард Вестермарк) или технологии (Льюис Морган), то они все же признают, что этот аспект эволюционирует вместе со всем обществом, а его эволюция есть просто симптом единой социальной эволюции.

3. Целое описывается в органицистских терминах, при этом используется аналогия с организмом. Общество представляется как тесно интегрированная система компонентов и подсистем, каждая из которых (порознь или вместе) вносит свой вклад в сохранение и непрерывность существования целого.

4. В центре анализа находятся изменения организма в целом — всей социальной системы. Если исследуются отдельные элементы, компоненты или подсистемы, то только с точки зрения их роли в эволюции всего общества.

5. Трансформация общества трактуется как повседневная, естественная, необходимая и неизбежная черта социальной реальности. Явления стабильности или стагнации интерпретируются как изменения, которые были заблокированы, заторможены, и рассматриваются как исключения.

6. Поскольку эволюционный процесс затрагивает общество в целом, он определяется как единый, всеохватывающий процесс, который может быть изучен на самом высоком уровне абстракции.

7. Изменения общества видятся направленными — от примитивных к развитым формам, от простых к сложным состояниям, от распыленности к агрегации, от гомогенности к гетерогенности, от хаоса к организации. Это движение постоянно и необратимо; ни одна ранняя стадия не повторяется, а каждая позднейшая занимает более высокую позицию на шкале сложности и дифференциации.

8. Эволюционные изменения рассматриваются как строго линейные, следующие по единому, заранее установленному образцу. Очевидные различия внутри обществ объясняются неодинаковой скоростью эволюционного процесса в различных частях мира: более примитивные общества просто отстали в этом движении, но они неизбежно продвигаются по тому же пути, следуя за более развитыми, в частности, более зрелыми обществами Запада. «Фундаментальным критерием этого ряда является знак равенства между современностью западных обществ и зрелостью; и наоборот, традиционализм предполагает незрелость и отсутствие развития». Примитивные общества, существующие в настоящее время, показывают нам, что представляло собой наше западное общество в прошлом. В свою очередь, западное общество показывает, какими станут примитивные общества в будущем. Аналитическая шкала различий совпадает с хронологической шкалой развития. Если прибегнуть к метафоре, то эволюцию можно сравнить с движущимся эскалатором, на котором различные общества или культуры занимают более высокие или низкие ступени.

9. Общая траектория эволюции разделена на последовательные стадии, или фазы, ни одна из которых не может быть пропущена.

10. Все авторы признают постепенный, непрерывный, восходящий и кумулятивный характер эволюции. Ее всеобщее движение идет гладко, без радикальных провалов или ускорений. Даже если отдельные общества, культуры или цивилизации испытывают кризис, то это не влияет на картину в целом.

11. В основе эволюции лежит универсальный и единообразный причинный механизм, на всех стадиях в его работу вовлечены одни и те же процессы. Хотя Лестер Уорд придерживается иной точки зрения, полагая, что существуют различные эволюционные механизмы, но даже его теория в конце концов имеет ту же эволюционистскую «логику». Большинство авторов признают наличие лишь одной универсальной причины эволюции.

12. Внутренний импульс к изменениям находится в самой «природе» человеческого общества, вытекая из его потребности к самореализации и самотрансформации. Иными словами, конечные причины эволюционных изменений рассматриваются как имманентные, эндогенные, а эволюция — как раскрытие внутренних потенций общества.

13. Эволюционные изменения отождествляются с прогрессом, поскольку, как считают большинство авторов, они приводят к постоянному улучшению общества и человеческой жизни. Классики эволюционизма, как правило, разделяют веру, характерную для всей атмосферы оптимизма их эпохи, в то, что «цивилизация двигалась, движется и будет двигаться в желаемом направлении». Исключением является Фердинанд Теннис, который первым предостерег от слепой веры в благотворность изменений.

Слабые стороны классического эволюционизма

Все перечисленные выше положения в значительной степени зависят от контекста. Они могут критиковаться и отвергаться по многим основаниям: теоретическим (когда ведут к нереальным следствиям или требуют неразумных допущений); эмпирическим (когда не вытекают из фактов социальной жизни и противоречат исторической очевидности); моральным (когда нарушают или подрывают общепринятые ценности). И действительно, критика последовала по всем этим направлениям, что привело в первой половине XX в. к

кризису и временному отрицанию эволюционистской теории. В пересмотренном виде она возродилась в 50-х годах под названием «неоэволюционизм».

1. Гипотеза о единой логике исторического процесса была поставлена под сомнение многими профессиональными историками, которые благодаря своему конкретно-фактологическому подходу заняли противоположную позицию, названную «идеографической». Ее суть заключается в утверждении, что исторические события имеют ограниченный и случайный характер. Даже те, кто придерживался «нормативной» точки зрения и допускал существование исторических моделей, ограничивали их рамки эпохой, периодом, регионом, национальным государством и отказывались применять их ко всему человечеству. Они были готовы сформулировать «законы определенной истории» (конкретной истории той или иной страны либо той или иной эры), но не «законы истории» (рассматриваемой глобально). Обстоятельная историко-теоретическая критика этой концепции была предпринята позднее в работах Карла Поппера^Э

2. Предположение о том, что все человеческое общество как единая целостность подвергается эволюционному изменению, вступало в противоречие с очевидным ростом многообразия, гетерогенности человеческой популяции: племен, местных сообществ, национальных государств, цивилизаций. Некоторые социальные антропологи были склонны рассматривать эти образования изолированно друг от друга и проследить их независимые эволюционные пути.

3. В целом интегрированный, организмический образ общества был поколеблен в результате изучения конфликтов, столкновений и конфронтации, выявления явных дисфункций отдельных социальных институтов и областей, относительной функциональной автономии некоторых сфер общества. Было обнаружено, что те или иные компоненты далеко не всегда выгодны для существования целого, более того, зачастую они оказывают вредное и разрушающее воздействие. Новая конфликтная модель общества не соответствовала эволюционистским взглядам на изменения.

4. Было замечено, что отдельные социальные преобразования ограничены и имеют характер изменений «внутри», т. е. происходят в пределах одного и того же социального типа, а не между различными социальными типами. Поэтому ставить в центр анализа более редкие фундаментальные изменения целой социальной системы было признано необязательным. Утверждалось также, что только часть подобных изменений может непосредственно соотноситься с трансформациями целой системы, выступая в качестве предпосылок последних. Большинство изменений «внутри» либо нейтральны по отношению к целой системе, либо, что случается чаще, способствуют ее воспроизведению, а не трансформации.

5. Абсолютизация изменений была связана с тем, что в соответствующую им эпоху они воспринимались как должное, более того, в высшей степени желательное качество социальной жизни. Однако многие исторические факты указывают на типичные для более ранних стадий продолжительные периоды стабильности, стагнации и консервации традиционных областей. Следовательно, непрерывность следует рассматривать по меньшей мере в качестве столь же «естественной» характеристики, как и изменения.

6. Было замечено, что концепция единого уникального процесса изменений абстрактна и не имеет какого-либо онтологического основания. Точнее, он существует лишь номинально, а не реально. В реальности имеют место многочисленные фрагментарные процессы, которые могут протекать параллельно, пересекаться, накладываться друг на друга или противоречить друг другу. Мы воспринимаем и можем документально зафиксировать в истории только некоторые процессы, такие, например, как урбанизация, индустриализация, миграция, пролетаризация, секуляризация, демократизация и т.д., но не «социальные изменения» как таковые.

7. Однонаправленность эволюции была подвергнута сомнению из-за многочисленных случаев отступлений, откатов, провалов, кризисов и даже полных коллапсов государств и

цивилизаций. Вспомним о закате греческой и римской цивилизаций, об упадке культуры майя и о том резонансе, который это вызвало в свое время во всем мире. «Стирание различий, гомогенизация, дисперсия (рассеяние) и дезорганизация являются широко распространенными историческими фактами, вступающими в противоречие с направлением эволюционистской мысли».

8. Против идеи строго линейного характера эволюции, которая следует по единой траектории, выдвигаются несколько аргументов. Во-первых, человеческие общества качественно разнообразны, и это не дает возможности ранжировать их по единой шкале дифференциации, зрелости или прогрессивности. Некоторые незападные общества (или по крайней мере некоторые их институты) нельзя считать отсталыми, они просто отличны от западных. Эмпирические данные позволяют сделать вывод о локальных, обособленных эволюционных траекториях различных регионов, цивилизаций и культур. «Горизонтальный взгляд» на историю (365; 40), согласно которому то, что приходит позднее, просто отличается от предыдущего, кажется более адекватным, чем «вертикальный взгляд», который помещает все, что приходит позднее, на более высокую ступень шкалы.

Во-вторых, с моральной точки зрения, культурный релятивизм предпочтительнее этноцентрических характеристик и веры в то, что основные ценности западного образа жизни являются вершиной эволюционного развития.

Наконец, в-третьих, если, как провозглашают эволюционисты, общества на разных уровнях эволюционного развития сосуществуют в один и тот же исторический период, то нет оснований предполагать, что в будущем, двигаясь по изолированным, не пересекающимся путям, они станут воспроизводить единый эволюционный сценарий. Напротив, общества заимствуют друг у друга организационные формы, культурные правила, жизненные стили и т.д. Подобный комплексный поток межсоциальных влияний может в значительной степени переформировать пути развития, которые выбирает каждое общество.

9. И опять аргумент диффузионистов противоречит идее неизбежной последовательности стадий. На самом же деле одни из них могут быть пропущены, а прохождение других — ускорено, поскольку либо используется опыт других обществ, либо осуществляется прямое вмешательство (завоевание, колонизация). Диффузионизм вносит существенные коррективы, особенно в идею стадий развития и для каждого общества, и для всего человечества. Самым важным в этом смысле является представление о том, что «миграция и демонстрационные эффекты (т. е. движения людей и идей) постоянно изменяют существующие модели».

10. В истории человечества накоплен немалый опыт мутаций, торможений, качественных скачков и катастрофических провалов, — опыт, который опровергает предположение о постепенном, накопительном характере эволюции.

11. Исторический опыт свидетельствует против простой монокаузальности, он говорит о том, что в основе эволюции лежит комплекс причин — прямых и косвенных, ближайших и отдаленных. Исторические события и изменения чаще всего оказываются результатом совокупности причин, и ни одна из них не может считаться ни исключительной, ни тем более первопричиной. Если в современном обществе доминирует экономический фактор, то на более ранних стадиях таковым был политический, а в ранних примитивных обществах сильнейшее причинное влияние на социальную жизнь оказывал институт семьи и родства. Кроме того, как проницательно подметил Л. Уорд, в современном обществе широкий спектр изменений направляется и контролируется намеренно, продуманно, что в корне трансформирует эволюционный механизм.

12. Один из наиболее серьезных недостатков классического эволюционизма — отрицание экзогенной причинности социальных изменений, таких, как, например, колонизация, диффузия (т.е. проникновение элементов иной культуры. — Ред.), культурные контакты, демонстрационный эффект (т. е. наличие опыта других стран и народов. — Ред.), изменения окружающей среды и т.д. «Было бы опасным утверждать, что большая часть исторических записей будет принята без терминологического объяснения влияния одних

единиц на другие». Конечно, было бы также неверно рассматривать причины эволюционных изменений как исключительно «экзогенные» — все зависит от конкретного исторического случая.

13. Как уже отмечалось, вряд ли можно согласиться и с тем, что эволюция имеет спонтанный характер, ведь роль человека в трансформации общества, начиная от древних реформ и кодификации законов и кончая революционными проектами нынешней эпохи со всем разнообразием инициатив, планов и стратегий, свидетельствует об обратном. Определенная часть изменений всегда проводилась преднамеренно и была осознанной, и, похоже, со временем эта часть становится все больше. Некоторые авторы предпочитают говорить о «гуманистической истории» в противовес «естественной истории», имея в виду период, когда целенаправленное конструирование социальных институтов станет широко распространенным явлением и приобретет важное значение.

14. Отождествление эволюции с прогрессом также вызывает резкую критику. Такому отождествлению противоречит трагический опыт нашего столетия и пугающие перспективы дальнейшего бесконтрольного развития промышленности, техники, военных технологий. Идея эволюции не может торжествовать в условиях, когда кризис становится лейтмотивом как обыденного сознания, так и социологических теорий.

Под прицельным огнем этих и других подобных аргументов классический эволюционизм утратил свои ключевые позиции в теории социальных изменений. Но он не прекратил своего существования. Более чем через сто лет после своего рождения он появился вновь, хотя и в несколько измененном виде под названием «неоэволюционизм».

В 50-х годах, после периода критики, отрицания и забвения, социологический эволюционизм вновь оказался в центре дискуссий. При этом он обратился к новым интеллектуальным источникам, подобрал в себя новые направления и в таком пересмотренном виде возродился в качестве влиятельной школы теории социальных изменений вплоть до наших дней.

Неоэволюционисты искали новые основания, пытаясь опереться не на философию или историю, а на конкретные эмпирические дисциплины, которые имеют дело с социальными изменениями, в частности на палеонтологию, археологию, культурную антропологию, этнологию и историографию. Эти отрасли знания расцвели в XX в., и неоэволюционизм решил воспользоваться их достижениями. По словам Герхарда Ленски, «основные контуры истории человечества, начиная с раннего палеолита и бронзового века, теперь ясны. Они могут быть описаны лишь в терминах теории развития: очевидны рост человеческой популяции, наличие людей в самых отдаленных районах земного шара, как очевидны и усложнение техники, расширение производства все более надежных товаров и накопление капитала. Что касается социальной системы, то она с течением времени становится более комплексной, дифференцированной, урбанистической и сильной».

Аналогичной точки зрения придерживался Талкотт Парсонс. «Достижения в биологии и социальных науках позволяют считать общество и культуру частью эволюции живых систем». Эволюция — не миф, заявляют представители неоэволюционизма, поскольку она подтверждается реальностью. Но изучать ее нужно не при помощи умозрительных спекуляций, а научными методами с учетом серьезной критики в адрес классического эволюционизма, с использованием последних достижений общественных дисциплин, включая социологию.

В результате (неоэволюционизм заметно дистанцируется от классического эволюционизма. Во-первых, центр научных интересов смещается от эволюции человеческого общества в целом к процессам, протекающим в отдельных цивилизациях, культурах, сообществах (племенах, национальных государствах и т.д.). Во-вторых, основное внимание направляется на причинный механизм, а не на последовательность необходимых стадий. Другими словами, главное значение придается объяснению, а не типологическим схемам. В-третьих, при анализе эволюции используются категориальные, описательные

термины, что же касается оценок и аналогий с прогрессом, то их стараются избегать. В-четвертых, сторонники этого направления формируют свои взгляды в виде гипотез, предположений, а не прямых утверждений. В-пятых, изучая социальную эволюцию, ученые принимают в расчет достижения биологических

ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Об идее модернизации можно говорить в трех смыслах. В первом, наиболее общем, смысле модернизация — это синоним всех прогрессивных социальных изменений, когда общество движется вперед соответственно принятой шкале улучшений. Подобное толкование применимо к любому историческому периоду. Выход из пещер и строительство первых укрытий — столь же явный пример модернизации, как и приход автомобилей на смену лошадиным повозкам или компьютеров на смену пишущим машинкам, если вспомнить сравнительно недавние перемены. Однако такое значение термина «модернизация» здесь нас интересовать не будет, поскольку оно недостаточно специфично, а кроме того, существуют более удачные термины. Второй смысл, который вкладывается в данное понятие, тождествен «современности», т. е. означает комплекс социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций, происходивших на Западе с XVI в. и достигших своего апогея в XIX—XX вв. Сюда включаются процессы индустриализации, урбанизации, рационализации, бюрократизации, демократизации, доминирующего влияния капитализма, распространения индивидуализма и мотивации успеха, утверждения разума и науки и многие другие, подробно обсужденные в гл. 5. («Модернизация» в этом смысле означает достижение современности, «процесс превращения традиционного, или дотехнологического общества, по мере его трансформации, в общество, для которого характерны машинная технология, рациональные и секулярные отношения, а также высоко дифференцированные социальные структуры»).

Классические социологические работы по модернизации в этом смысле принадлежат Конту, Спенсеру, Марксу. Веберу, Дюркгейму и Теннису.

Наконец, есть еще одно специфическое значение термина «модернизация», относящееся только к отсталым или слаборазвитым обществам и описывающее их усилия, направленные на то, чтобы догнать ведущие, наиболее развитые страны, которые сосуществуют с ними в одном историческом времени, в рамках единого глобального общества. Другими словами, в таком случае понятие «модернизация» описывает движение от периферии к центру современного общества. Ряд специфических подходов к социальным изменениям, известных как теории модернизации, неомодернизации и конвергенции, оперирует термином «модернизация» именно в этом узком смысле.

Теории модернизации и конвергенции являются продуктом эпохи, начавшейся после Второй мировой войны. Они отразили сложившееся разделение человеческого общества на три «мира»: «первый мир» развитых индустриальных обществ, включая Западную Европу и США, к которым вскоре присоединились Япония и «индустриализовавшиеся страны» Дальнего Востока; «второй мир» авторитарных «социалистических» обществ во главе с Советским Союзом, продвигавшимся по пути насильственной индустриализации за счет серьезного социального ущерба; и «третий мир» постколониальных обществ юга и востока, многие из которых задержались в своем развитии на доиндустриальной стадии. Как теоретически обосновать, объяснить социальные изменения в таких неоднородных и совершенно различных глобальных образованиях, принимая во внимание растущее взаимовлияние и взаимозависимость «первого», «второго» и «третьего» миров? Классические теории модернизации сосредоточили свое внимание на контрасте между «первым» и «третьим» мирами, а теория конвергенции, как и недавно возникшие теории посткоммунистического перехода, главной темой анализа выбрали разрыв между «первым» и «вторым» мирами.

Период популярности обеих теорий в их классической, первоначальной форме приходится на 50-е и середину 60-х годов, когда широкую известность получили работы Мариона Леви, Эверетт Хаген, Талкотта Парсонса, Нейла Смелзера, Даниэля Лернера, Дэвида Аптера и Шмуэля Айзенштадта, внесших вклад в теорию модернизации, а также работы Кларка Керра, Самуэля Хантингтона, Уолта Ростоу в области теории конвергенции. Затем, в 70-х и до середины 80-х годов обе теории были подвергнуты сильнейшей критике, которая порой переходила в их полное отрицание. Но в конце 80-х наблюдается некоторое оживление теории модернизации, появляются ее версии под названием «неомодернизация» и «постмодернизация». В начале 90-х годов, после краха коммунизма, теория конвергенции оказалась в центре социологических дискуссий в качестве одного из возможных подходов к изучению посткоммунистического периода.

Иреория модернизации, и теория конвергенции по праву считаются последним словом эволюционистского направления, хотя сначала в поисках теоретических моделей, пригодных для объяснения движения от менее развитых к более развитым «мирам», обе теории обратились к эволюционизму, тогда еще доминировавшему в социологических воззрениях на изменения. «Несмотря на новую терминологию, подход теоретиков модернизации к изучению социальных изменений в незападных обществах глубоко коренился в теории развития, которая заняла прочное место в социальных науках Запада задолго до исхода XIX века».

Представители упомянутых теорий считали, что (1) изменения являются однолинейными, и потому менее развитые страны должны пройти тот же путь, по которому идут более развитые государства. Они верили, что (2) изменения необратимы и неизбежно ведут процесс развития к определенному финалу — модернизации. С их точки зрения, (3) изменения имеют постепенный, накопительный и мирный характер. Они также полагали, что (4) стадии, которые проходят процессы изменения, обязательно последовательны — ни одна из них не может быть пропущена, например, «традиционная — переходная — современная», «традиционная — стадия достижения предварительных условий для начала изменений — начало непрерывного роста — созревание — достижение уровня массового потребления». Теоретики модернизации подчеркивали (5) важность эндогенных, имманентных причин и описывали движущие силы изменений терминами «структурная» и «функциональная дифференциация», «адаптивное совершенствование» и аналогичными эволюционистскими понятиями. Наконец, (6) они превозносили прогресс, веря, что модернизация принесет всеобщее улучшение социальной жизни и условий человеческого существования. Если суммировать сказанное, то модернизация и конвергенция рассматривались как необходимые, необратимые, эндогенные и в конечном счете благотворные процессы.

Однако уже в этих ранних версиях наблюдались некоторые отклонения от эволюционистских идей, наиболее заметные в теории модернизации. Помимо особого внимания к проблематике «третьего мира» (или «второго мира» в случае теории конвергенции), большое значение придавалось социальной инженерии и планированию, и, кроме того, иными были представления о конечном результате. В отличие от трактовки процесса как спонтанной тенденции, саморазвивающейся «снизу», сторонники теории модернизации считали, что он начинается и контролируется «сверху» интеллектуальной и политической элитой, которая стремится вытащить свою страну из отсталости с помощью планируемых, целенаправленных действий. При этом в качестве ориентира рассматривалось не утопическое общество, а реально существующие развитые страны западного капиталистического мира. Следовательно, модернизация есть нечто совершенно иное, нежели спонтанное развитие в прогрессивном направлении. Она означает осознанное копирование западных обществ, выступающих в качестве «стран-образцов» (41), «стран, на которые ссылаются» и которые «устанавливают скорость движения» (408). «Модернизация не является самоподдерживаемым, самопрогрессирующим процессом. Скорее, это перенесение образцов, моделей и достижений развитых стран в свои собственные».

Концепция модернизации, специфически адаптированная в 50-х и 60-х годах упомянутыми выше теориями, имела три определения: историческое, релятивистское и аналитическое.

В исторических дефинициях она рассматривается как синоним вестернизации или американизации и оценивается как движение к существующим на конкретной территории и в конкретное время обществам. Вот что, например, пишет Шмуэль Айзен-штадт: «Исторически модернизация есть процесс изменений, ведущих к двум типам социальных, экономических и политических систем, которые сложились в Западной Европе и Северной Америке в период между XVII и XIX веками и распространились на другие страны и континенты». Аналогичное определение дает Вильберт Мур: «Модернизация является тотальной трансформацией традиционного домодернистского общества в такую социальную организацию, которая характерна для «продвинутых», экономически процветающих и в политическом плане относительно стабильных наций Запада». Подобный подход наиболее подвержен заблуждениям этноцентризма.

Эта опасность частично минует релятивистские дефиниции, которые не затрагивают специфические пространственные или временные параметры, а сосредоточивают внимание на сущности процесса, где и когда бы он ни происходил. «Модернизация не является *hic et nunc* современности. С точки зрения мирового исторического процесса, она имеет отношение к инновациям в моральных, этических, технологических и социальных установках, которые вносят свой вклад в улучшение условий человеческого существования». Подобным образом рассуждает Симон Чодак: f Модернизация — это важный момент в развитии обществ — момент, когда предпринимаются совокупные усилия для достижения более высоких желаемых стандартов». В релятивистском смысле (модернизация означает целенаправленные попытки, осуществляемые либо большинством населения, либо элитой для того, чтобы превзойти современные стандарты.) Но эти стандарты могут варьировать. «Эпицентры» модернизации не закреплены в каких-то обществах раз и навсегда, напротив, они меняются. Эдвард Тиракьян прослеживает перемещение таких «эпицентров» от «колыбели цивилизации» — Греции и Израиля, через Древний Рим, северную и северо-западную Европу во времена Средневековья к Соединенным Штатам Америки и современным государствам Дальнего Востока. По его мнению, в будущем возможен возврат к объединенной Европе.

Дефиниции, используемые в анализе, стали более специфическими, чем дефиниции, с помощью которых пытаются описывать параметры современного общества, намеренно помещаемого в домодернистское, традиционное окружение. Некоторые аналитические дефиниции затрагивают структурные аспекты. Так, Нейл Смелзер описывает модернизацию как комплексное, многомерное смещение, охватывающее шесть областей. В экономике отмечаются (1) появление новых технологий; (2) движение от сельского хозяйства как средства к существованию к коммерческому сельскому хозяйству; (3) замена использования мускульной силы человека и животных «неодушевленной» энергией и механизмами; (4) распространение городских типов поселений и пространственная концентрация рабочей силы. В политической сфере модернизация означает переход от авторитета вождя племени к системе избирательного права, представительства, политических партий и демократического правления. В сфере образования под модернизацией мыслятся ликвидация неграмотности, рост ценности знаний и квалифицированного труда. В религиозной сфере она выражается в освобождении от влияния церкви; в области семейно-брачных отношений — в ослаблении внутрисемейных связей и все большей функциональной специализации семьи; в области стратификации — в усилении значения мобильности, индивидуального успеха и ослаблении предписаний в зависимости от занимаемого положения. Ряд аналитиков придерживаются скорее психологической позиции. Они выводят специфический тип личности, который, по их мнению, характерен для современных обществ. «Современная личность» есть особое сочетание свойств, включающее: (1) независимость от традиционных авторитетов, анти-

догматизм мышления, (2) внимание к общественным проблемам, (3) способность приобретать новый опыт, (4) вера в науку и разум, (5) устремленность к будущему, умение воздерживаться от удовольствий, (6) высокий уровень образовательных, культурных и профессиональных притязаний. Модернизация в этой сфере (сфере личности) означает приближение к такому сочетанию свойств, характеристик и предполагает подавление противоположных, традиционных черт. В итоге современная личность проявляет способность ориентироваться в расширяющемся социальном пространстве; внутреннюю гибкость, разнообразие интересов, большее понимание ценности самосовершенствования и осознание настоящего как «особо значимого временного измерения человеческого существования».

Что движет слаборазвитые общества к современности? Каков причинный механизм этого движения? На сей счет существует несколько гипотез.

Некоторые авторы рассуждают с позиций традиционного эволюционизма (спенсеровского или дюркгеймовского толка), предлагая собственную картину роста. Структурная и функциональная дифференциация (а конкретнее, разделение труда) — неизбежный «естественный» процесс. Он может быть замедлен или даже временно приостановлен, но в конце концов продолжится вновь. Если принять данную точку зрения, то главной задачей становится выявление факторов, тормозящих дифференциацию слаборазвитых обществ. Собственно, задача политиков и заключается в устранении подобных препятствий. В основе таких умозаключений лежит предположение о том, что общества способны трансформироваться только в том случае, если этот процесс не тормозится. Причем, считается, что толчок к модернизации исходит «снизу», возникая спонтанно. Политической элите остается лишь устранить барьеры, которые охраняют традиционные, отсталые структуры, институты и организационные модели.

В других гипотезах используются эволюционные рассуждения в духе дарвинизма, т. е. идеи вариативности и выживания наиболее приспособленных. В борьбе обществ (культур, экономик, организационных форм, военных систем) модернизация позволяет лучше адаптироваться, действовать эффективнее, удовлетворять более разнообразные потребности большего числа людей и на более высоком уровне. Предпосылкой модернизации является сосуществование различных обществ. Те, кто отстает в своем развитии, вынуждены модернизироваться, в противном случае они терпят поражение. Процесс адаптации может подталкиваться «снизу» и осуществляться постепенно, но тогда он идет очень медленно. Ускорить его способна образованная политическая элита, которая осознает необходимость реформирования общества. Она начинает преобразования «сверху», подкрепляя их пропагандистскими кампаниями, объясняя широким массам выгоды, которые сулит модернизация.

Осознание преимуществ современной модели бытия по сравнению с традиционными происходит спонтанно, благодаря «демонстрационному эффекту» «продвинутых» обществ с их более высокими стандартами жизни, изобилием и личной свободой. Жители отсталых стран постигают плюсы модернизации двояким способом: непосредственно, лично или опосредованно, через передачу опыта миссионерами. Первый способ распространяется в результате улучшения связей, расширения деловых поездок, туризма и т.д. Что касается второго способа — опосредованного миссионерской деятельностью, то здесь огромную роль (особенно в показе преимуществ) играют средства массовой информации и телекоммуникаций, начиная фильмами Голливуда и кончая спутниковым ТВ. Тяга широких масс к модернизации зачастую идет вразрез с интересами облеченной властью политической элиты. В такой ситуации создаются предпосылки для появления новой элиты, которая побеждает консерваторов и приступает к реализации накопленного реформаторского потенциала общества.

Весьма специфический механизм модернизации предлагает теория конвергенции. Ее классическая версия (К. Керр, С. Хантингтон, У. Ростоу и другие) приближается к

технологическому детерминизму. Так, провозглашается, что доминирующая технология обуславливает специфические формы социальной организации, политической жизни, культурных образцов, норм и правил повседневной жизни и даже верований и отношений. Предполагается, что технология имеет собственную, имманентную логику развития, которая приводится в действие последовательностью открытий и инновации. Новейшие технологии рано или поздно влекут за собой появление синдрома современности, что выражается во все большем сходстве и даже единообразии различных обществ и сглаживании местной специфики. Как отмечает Джон Голдторп, «по мере того, как индустриализм продвигается вперед и постепенно становится мировым явлением, диапазон жизнеспособных институциональных структур и столь же жизнеспособных систем ценностей и верований неизбежно сокращается. Все общества, независимо от того, каким путем они вошли в индустриальный мир, будут приближаться к чисто индустриальной форме». А вот мнение Хантингтона: «Модернизация — это процесс, ведущий к однородности. Если традиционные общества невероятно разнообразны и объединяет их только отсутствие современных черт, то современные общества обладают одинаковым набором основных качеств. Модернизация порождает тенденцию к сходству обществ».

В ходе эмпирических исследований, проведенных в 70-х годах, изучались те сферы, в которых наблюдалась подобная унификация. К ним относились: профессиональная структура, приспособленная к потребностям промышленного производства; демографическая структура с характерным для нее низким уровнем рождаемости и ростом продолжительности жизни; переход от расширенной к нуклеарной семье; новые формы массового образования; предприятия как общая форма организации рабочей силы; увеличение дохода на душу населения; потребительские рынки; демократизация политической жизни (446; 356). Однако сравнительные исследования выявили наличие существенных расхождений в странах с примерно одинаковым уровнем промышленного развития, особенно с различными политическими системами. Некоторые авторы, объясняя данное противоречие, утверждают, что конвергенция охватывает лишь центр, сердцевину индустриального общества, оставляя широкие возможности для дивергенции. Этот центр включает систему заводского производства, стратификацию, основанную на комплексном и всеобъемлющем разделении труда и степени мастерства, широкую коммерциализацию сферы товаров и услуг и циркуляцию их через рынок, образовательную систему, способствующую заполнению разнообразных ниш в стратификационной системе и системе занятости.

Идея модернизации подверглась серьезной критике в конце 60-х и в 70-х годах как с эмпирической точки зрения, поскольку многие ее утверждения противоречили очевидным историческим фактам, так и в теоретическом плане. Отмечалось, что попытки модернизировать общество чаще всего не приводят к обещанным результатам. Нищету в отсталых странах преодолеть не удалось, более того, ее масштабы даже увеличились. Не только не исчезли, но и широко распространились авторитарные и диктаторские режимы, обычным явлением стали войны и народные волнения, возникли и новые формы религиозного фундаментализма, национализма, фракционализма (групповщины) и регионализма, продолжалось идеологическое давление.

Наблюдались также многочисленные негативные побочные эффекты модернизации. Уничтожение традиционных институтов и жизненных укладов нередко влекло за собой социальную дезорганизацию, хаос и аномию, рост девиантного поведения и преступности. Дисгармония в экономике и несинхронность изменений в различных подсистемах общества приводили к неэффективным, пустым тратам, причиняли ущерб. Как подтверждает информированный наблюдатель, «все это не стимулировало (особенно в политической области) развитие институциональных систем, способных адаптироваться к продолжающимся изменениям, новым проблемам и требованиям».

Были признаны неприемлемыми и теоретические обоснования идеи модернизации. Прежде всего подчеркивалась возможность многолинейного развития, когда модернизация осуществляется разными путями в зависимости от стартовых позиций тех или иных обществ и проблем, с которыми они сталкиваются.

Критики указывали на ошибочность прямого противопоставления традиции и современности и приводили примеры преимуществ традиционализма в некоторых областях. «Не только современные общества включают в себя многие традиционные элементы, но и традиционные общества, в свою очередь, нередко обладают такими чертами, которые обычно считаются современными. Кроме того, модернизация способна усиливать традицию». «Традиционные символы и формы лидерства могут оказаться жизненно важной частью ценностной системы, на которой основывается модернизация».

Оппоненты теории модернизации отмечали большую роль внешнего, глобального контекста и внутренних причин. «Любое теоретическое обоснование, которое не учитывает такие значимые переменные, как влияние войн, завоеваний, колониального господства, международных, политических или военных отношений, торговли и межнационального потока капиталов, не может рассчитывать на объяснение происхождения этих обществ и природы их борьбы за политическую и экономическую независимость». Была поставлена под сомнение и строгая последовательность стадий модернизации: «Те, что пришли позднее, могут (и это вполне доказуемо) быстро модернизироваться благодаря революционным средствам, а также опыту и технологиям, которые они заимствуют у своих предшественников. Таким образом, весь процесс может быть сокращен. Предположение о строгой последовательности фаз (предварительное состояние, начальная фаза, переход к зрелости и т. п.), которые должны пройти все общества, похоже, ошибочно».

Наконец, была поставлена под сомнение и этноцентрист-ская, ориентированная на Запад, концепция целей модернизации, поскольку «многие новые современные государства успешно развиваются не по пути европейских национальных государств».

Вследствие всей этой критики теория модернизации была отвергнута, по крайней мере на некоторое время.

Неверными оказались и исторические предсказания теории конвергенции. «Становится все более очевидным тот факт, что разнообразие институтов, существующих в современных обществах, причем не только модернизирующихся или переживающих переходный период, но и развитых, и даже высоко развитых, весьма велико». Доминирующей чертой современных обществ является не сходство, а различие, так что модернизация не может рассматриваться как единая и окончательная стадия эволюции всех обществ.

С 80-х годов началась полоса возрождения теории модернизации, а с 1989 г. она сосредоточивается на попытках посткоммунистических обществ «войти», или «вернуться», в Европу (т. е. в современный западный мир). Оказалось, что данная теория может быть полезной для понимания этих новых исторических процессов, и потому «игнорировать понятие модернизации в настоящее время было бы такой же роковой ошибкой, как и ставить ее в центр внимания при изучении социальных изменений, происходивших в 60-х годах». В ответ на призыв «возродить исследования модернизации» (109; 239) были выдвинуты проекты «теории неомодернизации» и «теории постмодернизма». Реанимированная и пересмотренная теория модернизации учла опыт посткоммунистического мира и действительно видоизменила, смягчила свои ключевые положения.

Наиболее важные различия между процессами модернизации в «третьем мире» и в посткоммунистическом «втором мире», должно быть, обусловлены «реальным социализмом». Если постколониальные страны представляли собой обычно традиционные, досовременные общества, то в Советском Союзе и Восточной Европе официальная идеология и высоко политизированная, централизованная и плановая экономика в течение многих десятилетий направлялись в процесс модернизации «сверху». В результате то, что

было достигнуто, оказалось весьма далеким от «истинной современности». Это, скорее, «ложная современность», под которой я подразумеваю несогласованное, дисгармоничное, внутренне противоречивое сочетание трех компонентов: 1) современных черт в отдельных областях общественной жизни; 2) традиционных, домодернистских характеристик во многих других областях и 3) всего того, что облачали в изысканные одежды, призванные имитировать современную западную действительность.

Рассмотрим каждый из трех указанных компонентов. Первый включает в себя навязанную индустриализацию с ее явным креном в сторону тяжелой промышленности; сдвиг от сельскохозяйственного к индустриальному сектору; широкую пролетаризацию; хаотическую урбанизацию; жесткий контроль над жизнью населения со стороны бюрократического административного аппарата, полиции и армии; сильное авторитарное государство. Налицо и все побочные эффекты, выраженные иногда в крайней форме: загрязнение и разрушение окружающей среды, распыление ресурсов, anomia и апатия населения. То, что было упущено, отсутствует и по сей день, а именно: частная собственность; рациональная организация производства; функционирующий рынок; верховенство закона; широкие возможности выбора товаров и услуг для потребителя; «абстрактные системы» типа телекоммуникаций, авиалиний, дорожных сетей, банковских инфраструктур; крепкая предпринимательская элита и средние классы; прочно укоренившаяся трудовая этика и индивидуализм; плюралистическая демократия. Каким-то образом эти общества умудрились сконцентрировать в себе все худшие, кошмарные черты современности, не обретя при этом ни одной из лучших. Они оплачивают издержки, не получая прибылей. Столь странное, если не сказать шизоидное, наследство все еще имеет место и, вероятно, сохранится в течение жизни целого поколения или даже нескольких поколений.

Наряду с имитацией современности в странах Восточной Европы, сжатых тисками единого социалистического блока все эти десятилетия, обнаруживаются и некоторые архаичные черты, свойственные традиционным обществам. Внутренние авторитарные режимы и внешнее имперское господство подавили все испокон веков существовавшие разногласия, привели к «липовой» однородности и консенсусу, а по сути — к атрофии «гражданского общества». Этническая, региональная, религиозная специфика просто исчезла. С падением советской империи и началом внутренней либерализации возродились так до конца и не уничтоженные прежние отношения, предпочтения и привязанности. Причем не только раскололся сам блок как целое, но и в каждой стране началось размежевание, вновь вспыхнули сдерживавшиеся до поры до времени старые национальные, этнические, региональные конфликты. Объединяющий эффект капитализма, рынка и демократии не действовал, и как только рухнули искусственные преграды, досовременный уродливый лик Советского Союза и восточноевропейских обществ открылся со всей очевидностью.

Наконец, существует странный феномен символического, приукрашивающего облачения, который смущает и вводит иногда в заблуждение западных наблюдателей: конституции, парламенты, выборы, референдумы, местное самоуправление и т.д. Те, кто с ними сталкивался, отлично знают, какая это все ерунда и какую инструментальную роль выполняет. «Конституция и выборы должны лишь свидетельствовать, что тоталитарные режимы соответствуют требованиям современной эпохи».

Сказанное объясняет, почему необходимо серьезно продумать новую концепцию современности и теорию модернизации. Такие усилия уже предпринимаются. В частности, пересматриваются следующие положения.

1. В качестве движущей силы модернизации уже не рассматривается политическая элита, действующая «сверху». В центр внимания ставится мобилизация масс, т. е. деятельность «снизу», которая часто противостоит инертному и консервативному пра-

вительству. Главными агентами модернизации ныне признаются спонтанные общественные движения и харизматические лидеры.

2. Модернизация больше не трактуется как решение, принятое образованной элитой и навязанное сопротивляющемуся населению, которое цепляется за традиционные ценности и уклад жизни (так было в большинстве стран «третьего мира»). Речь идет теперь о массовом стремлении граждан изменить условия своего существования в соответствии с западными стандартами под влиянием средств массовой коммуникации или личных контактов.

3. На смену акцентирования эндогенных, имманентных факторов модернизации приходит осознание роли экзогенных факторов, включая мировую геополитическую расстановку сил, внешнюю экономическую и финансовую поддержку, открытость международных рынков и, последнее по месту, но не по важности — доступность убедительных идеологических средств: политических, социальных доктрин и теорий, обосновывающих и поддерживающих современные ценности (например, индивидуализм, дисциплину, трудовую этику, способность полагаться на себя, ответственность, разум, науку, прогресс, свободу).

4. Вместо единой, универсальной модели современности, которую в качестве образца должны были бы брать на вооружение отсталые общества (в классической теории это чаще всего модель США), вводятся идея «движущихся эпицентров современности» и как венец ее — понятие «образцовые общества» (408). Посткоммунистические страны совсем не обязательно должны следовать американской модели, да и в целом западная модель развития — не единственный образец, которому нужно подражать во всем. В качестве весьма приемлемых примеров все чаще называются Япония и «азиатские тигры».

5. Унифицированный процесс модернизации заменяется ее более разнообразным, многоликим процессом. Все яснее осознается, что темпы, ритм и последствия модернизации в различных областях социальной жизни различны и что в действительности наблюдается отсутствие синхронности в усилиях по модернизации. Ральф Дарендорф предостерегает против «дилеммы трех часов», обращенных циферблатом к посткоммунистическим странам. Если для осуществления конституционной реформы может быть достаточно шести месяцев, то в экономической сфере может не хватить и шести лет. На уровне глубинных пластов жизни, отношений и ценностей, составляющих современное «гражданское общество», обновление затронет несколько поколений.

6. В целом картина модернизации становится менее оптимистичной, при этом четко прослеживается стремление избежать наивного волюнтаризма некоторых ранних теорий. Опыт посткоммунистических обществ однозначно свидетельствует о том, что не все возможно и достижимо и не все зависит от простой политической воли. В связи с этим гораздо больше внимания обращается на преграды, барьеры, «трения», а также на неизбежные отступления, попятные ходы и даже провалы на пути модернизации.

7. Если раньше эффективность модернизации выводилась почти исключительно из экономического роста, то теперь признается важная роль ценностей, отношений, символических смыслов и культурных кодов, короче говоря, того «неуловимого и неосязаемого», без которого модернизация не может быть успешной. Классическое понятие «современная личность» не рассматривается более как символ желаемого эффекта процесса модернизации, а признается, скорее, непременным условием экономического старта.

8. Антитрадиционалистские рефлексии ранних теорий корректируются теперь указанием на то, что местные традиции могут таить в себе важные модернизационные потенции. Поскольку отказ от традиций может спровоцировать мощное сопротивление, постольку предлагается использовать их. Необходимо выявлять «традиции модернизации» и брать их на вооружение для дальнейших преобразований. Это особенно уместно делать в бывших социалистических странах, которые в своей истории, до периода «ложной современности», уже переживали времена капиталистического развития и демократической эволюции (например, Чехословакия, Польша между мировыми войнами).

9. Характер внутренне расколотых посткоммунистических обществ, где присутствуют отдельные «островки современности», порожденной процессами индустриализации и урбанизации, и обширные районы, отмеченные архаикой (в отношениях, жизненных укладах, политических институтах, классовом составе и т.д.), выдвигает на первый план вопрос: что делать с этим наследием «реального социализма», например, с огромной государственной собственностью и нередко устаревшими государственными предприятиями? Основная дискуссия развертывается между сторонниками «большого скачка» (Сакс, Аслунд, Бальцеревич), выступающими за полную ликвидацию экономических, политических и культурных «пережитков социализма» и призывающими начать модернизацию с нуля, и сторонниками «постепенности», которые хотели бы спасти то, что еще сохранилось, ценой более медленных реформ. Поскольку аргументы с обеих сторон достаточно весомы, постольку решение вопроса остается открытым.

10. Последним фактором, который усложняет и, может быть, даже затрудняет нынешнюю ситуацию с модернизацией в посткоммунистических странах по сравнению со странами «третьего мира» после Второй мировой войны, является идеологический климат, господствующий в «обществах-моделях» развитого Запада. В конце XX в. эра «триумфа современности» с ее процветанием, оптимизмом и экспансионизмом, похоже, уже закончилась. Лейтмотивом социального сознания становится кризис, а не прогресс. Очевидность побочных результатов и непреднамеренных «эффектов бумеранга» современности приводит к разочарованию, разрушает иллюзии и вызывает чувство отрицания, отвержения. На теоретическом уровне «пост-модернизм» становится сегодня все более модным. Похоже, что как раз в тот момент, когда западные общества, утомленные путешествием, готовы соскочить с поезда современности, посткоммунистический Восток отчаянно пытается взобраться на него. В этой ситуации совсем не просто найти приемлемую идеологическую опору для тех усилий по модернизации, которые предпринимаются под эгидой либеральной демократии и рыночной экономики, — единственно приемлемому направлению, если, конечно, мы не будем рассчитывать на фашистскую альтернативу или на некий туманный и мистифицированный «третий путь». Анализ этого обстоятельства должен найти свое место в пересматриваемой теории модернизации.

Таким образом, теория неомодернизации освободилась от всех наслоений эволюционизма и теории развития; она уже не настаивает ни на какой-либо единственной, конечной цели, ни на необратимом характере исторических изменений. Модернизация рассматривается как исторически ограниченный процесс, узаконивающий институты и ценности современности: демократию, рынок, образование, разумное администрирование, самодисциплину, трудовую этику и т.д. {Стать современными (или избежать «ложной современности») до сих пор является жизненно важной задачей для посткоммунистических обществ.

Большинство вопросов, которые мы сейчас обсудили, касаются и теории конвергенции. Но ряд ее особенностей все же требует краткого комментария. Как мы уже отмечали, в центре внимания рассматриваемой теории находится тема разрыва между «первым» и «вторым» мирами. Ее сторонники утверждают, что технологическая «логика индустриализма» неизбежно приведет к взаимному сближению экономической, политической и культурной сфер этих миров.

Из факта падения коммунизма можно вынести по меньшей мере три урока, которые ставят под сомнение важнейшие принципы теории конвергенции. Во-первых, идея взаимного обмена оказалась просто неверной. Вместо дружественных отношений между двумя системами, когда каждая старается перенять что-то у своего партнера и в результате возникает некая «третья форма» нового социально-политического режима, мы являемся свидетелями тотального одностороннего процесса, в котором неизменно доминируют западные модели, в конце концов одерживающие победу. Во-вторых, теория конвергенции включала в себя идею мирного, постепенного смешения компонентов обеих систем и не

предусматривала ни неожиданного распада, ни окончательного падения коммунистического мира. Ее авторы предполагали медленную эволюцию «реального социализма» с заимствованием западных образцов, а не быструю революцию. В-третьих, наиболее мощным фактором, вызвавшим столь радикальные сдвиги, явился психологический фактор надежды, сформировавшийся благодаря «демонстрационному эффекту» западных стандартов. Дело не в том, что социалистические страны стали технологически модернизированными, а в том, что их недостаточно развитые технологии стали более невыносимыми в условиях глобализации конкуренции, в условиях, когда благодаря потоку информации, людей, образов и идей открылись окна в мир.

Пример теорий модернизации и конвергенции показывает, как исторические события могут дать мощный стимул для переосмысления, переработки и фундаментального пересмотра тех социологических теорий изменения, которые имеют непосредственно практическое (историческое) значение. И теория модернизации, и теория конвергенции вновь обрели жизнеспособность в новых исторических условиях, служа теперь в качестве вполне пригодных средств истолкования и конструирования феномена посткоммунистического переходного периода.

ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ

Подход теории циклов к историческому процессу отличается от эволюционистского. Согласно этому подходу, история периодически исчерпывает свой потенциал и временно возвращается к началу процесса, т. е. она обратима, повторяема. Социальное и историческое развитие идет не по прямой, а, скорее, по кругу.

Как и все исторические концепции, циклическая теория так же опирается на аналогии или метафоры, базирующиеся на здравом смысле. Она обращается к широко известным явлениям повседневной жизни.

1. Существуют очевидные астрономические циклы: день и ночь (работа и сон), фазы луны (приливы), времена года (периоды вегетации, ритм сельскохозяйственных работ, дни отдыха в современном обществе).

2. Существуют биологические циклы, имеющие важные последствия для социальной жизни: рождение, детство, юношество, зрелость, старость, смерть (возникновение и затухание активного участия в социальной жизни, отмеченного такими датами, как поступление в школу, получение первой работы, основание семьи, рождение детей, уход на пенсию).

3. Существуют отчетливо воспринимаемые политические, экономические и социальные циклы на макрошкале правительства приходят и уходят, за упадком следует подъем, периоды процветания сменяются временами кризиса, международная напряженность чередуется с периодами разрядки и ослабления напряженности, социальные беспорядки переходят в периоды долгой стабильности.

4. Существуют отчетливые циклы на макрошкале повседневной жизни: ежедневный ритм семейных событий, недельный ритм рабочих и выходных дней, годовой ритм праздников и дней отдыха. Словом, если прибегнуть к поэтической идиоме Питирима Сорокина, «великая симфония социальной жизни «исчисляется» множеством отдельных процессов, каждый из которых течет волнообразно, сменяется в пространстве и времени и происходит одновременно в пространстве и времени, периодически и непериодически, после длительных или коротких интервалов».

Прежде чем обратиться к актуальным примерам циклических теорий, попытаемся более четко объяснить саму концепцию цикла. Если в направленном процессе каждая последующая фаза отличается от любой другой, предшествующей ей во времени. То в циклическом процессе состояние изменяющейся системы в некоторое более позднее время

будет таким же, каким оно было в некоторое более раннее время. Эта общая характеристика относится к разнообразным циклическим процессам, каждый из которых обладает более конкретными чертами: диапазоном сходства между повторяющимися состояниями систем; временем, которое разделяет повторяющиеся события; количеством повторений в полном цикле.

Питирим Сорокин предлагает отличать полные циклы от относительных.

В полном цикле конечная фаза превращается в первую, и затем цикл начинается заново, проходя по тому же маршруту, по которому он прошел ранее. В относительном цикле направление повторяющегося (возвращающегося) процесса не совпадает полностью с направлением серии подобных предшествующих процессов. От цикла к циклу наблюдаются некоторые отклонения.

Иначе говоря, процесс может протекать циклически, последовательно проходя через такие состояния системы, которые в точности повторяют, совпадают с прежними (например, заход солнца). Или процесс может идти по спирали, когда последовательные состояния хотя в основе своей схожи, но не идентичны (утренние заторы на дорогах, возрастающие год от года). Восходящая спираль означает повторение процесса на относительно более высоком уровне (циклический прогресс), нисходящая — повторение на относительно более низком уровне (циклический регресс).

Продолжительность цикла может быть короткой или длинной, и измеряется она не абсолютно, а лишь в зависимости от типа рассматриваемых процессов. В биологии жизненный цикл бабочки может считаться коротким по сравнению с циклом кита. В социологии дневной цикл семьи — короткий, а цикл жизненной карьеры — длинный. В экономике производственный цикл автомобиля короткий, а корабля — длинный; цикл инвестиций и получения прибыли в торговле потребительскими товарами короткий, а в тяжелой индустрии — гораздо длиннее. В политике цикл парламентских сессий (парламентский календарь) короткий, цикл (срок) переизбрания — длинный.

Важно учитывать также, ритмичен или неритмичен цикл. В первом случае интервалы между фазами цикла равны; во втором — неравны. Если он подчиняется чистой случайности, то речь идет о случайном цикле. Но в основе неритмичного цикла может лежать и некоторая регулярность. Если интервалы становятся существенно короче, то можно говорить об ускоряющемся (убыстряющемся) цикле (например, научные открытия или технологические инновации в современную эпоху); если же интервалы значительно удлиняются, то имеет место замедление цикла (самозамедляющийся цикл).

Наконец, циклы могут различаться по количеству фаз. Если в цикле лишь две фазы, то это — дихотомический цикл (например, день и ночь, работа и отдых, война и мир, бум и упадок), если три — триадический цикл (например, возникновение — зрелость — упадок, первородный грех — отпущение — спасение), если больше, то можно говорить о множественном цикле} (например, детство — зрелость — старость — смерть в цикле индивидуального жизненного пути, мобилизация — рекрутирование — формирование лидерства — бюрократизация — демобилизация — распад в «карьере» социального продвижения).

Похоже, что циклический образ процессов сформировался в общественном сознании раньше, чем более сложный образ роста. Очевидно, такое представление имело место в человеческом восприятии мира задолго до того, как появились систематические теории. В философии циклический образ восходит к Древней Греции. Аристотель говорил: «То, что уже было, то еще будет; и то, что было сделано, еще будет сделано; и нет ничего нового под солнцем». В записях Геродота (V в. до н.э.) дана первая полная схема приложения цикла к политическим режимам: монархия — тирания — олигархия — демократия — охлократия. В работах Полибия (200—118 до н.э.) проводится сходная мысль, а именно, что все политические единицы (политии) проходят неизбежные циклы роста, зенита и упадка.

В средние века аналогичные идеи возникали у такого внимательного наблюдателя общественной жизни, как Ибн Хальдун (1332—1406), который тоже был убежден в том, что «ничто не ново под солнцем». Он сравнивал циклы цивилизации с жизненными циклами живых организмов: рост — зрелость — старость. Цикл политических режимов длится примерно 100 лет, что равнозначно жизни трех поколений. Цикл изменяющихся социальных связей, или солидарностей, типичных для повседневного существования человеческих групп, проходит через три стадии: (1) вначале доминирует сильно развитое чувство солидарности, вызываемое трудными условиями кочевой жизни в пустыне; (2) затем, с появлением оседлости, когда культуры локализуются и возникает достаток, солидарность ослабевает; это приводит (3) к полному разрыву социальных связей и распылению групп, за которыми вновь следует их кристаллизация на основе новых социальных уз.

В эпоху Просвещения Джамбаттиста Вико распространил циклический образ на всю человеческую историю. Он был, пожалуй, первым, кто предположил (в своей знаменитой «Новой науке», 1725), что социальная жизнь и история могут изучаться наукой и что можно открыть их закономерности. История и общество — это результат человеческих действий, их конечный продукт, и потому они должны быть доступны человеческому познанию, т. е. в принципе познаваемыми. В своем поиске такой исторической регулярности Вико подошел к образу восходящей спирали. Типичный (однотипный) процесс, имеющий место и на всеобщем, самом широком уровне человечества, и на конкретных уровнях частных цивилизаций, культур или обществ, принимает форму повторяемости, хотя не абсолютно точное повторение (*corsi* и *ricorsi*). Циклы повторяются на все более высоких уровнях с некоторой модификацией. На каждом повороте цикла возникает новый феномен.

Типичный исторический цикл проходит три стадии: (1) анархия и дикость; (2) порядок и цивилизация, сопровождаемые верховенством разума и мирной индустрии; (3) упадок цивилизации и возврат к новому варварству. Эти стадии связаны с различными аспектами социальной жизни и формами правления (теократией, аристократией, республикой или монархией), типом законов, характеристиками языка (иероглифического, символического, местного). Прослеживается также определенная корреляция с доминирующим типом человеческого характера: грубый, суровый, благодушный, деликатный, распушенный. Вико полагал, что до него человечество прошло два цикла: один — в античности, завершившийся падением Рима; и другой — начавшийся с возрождением варварства в средние века и достигший своей финальной фазы в современную ему эпоху. Вико нарисовал мрачную картину коррумпированных городских масс, эдаких эгоистичных бестий, разделенных на фракции и ведущих гражданские войны. «Города начинают превращаться в леса, а леса — в логова и пещеры для людей». Но Вико внес и оптимистическую ноту — постепенно начнется новый цикл, и человечество возродится. Видимо, Вико полагал, что причинный механизм этого регулярного цикла — психологический и связан с доминирующими мотивациями и отношениями, закодированными в человеческой природе. «Люди сперва чувствуют необходимость, затем ищут пользы, потом обращаются к удобствам, еще позднее развлекают себя удовольствиями, после чего разлагаются в роскоши и наконец сходят с ума и утрачивают свою сущность». Как комментирует Брюс Мазлиш: «Историк до мозга костей, Вико приветствует понятие постоянного изменения и течения вокруг фиксированного полюса человеческой природы».

По мере приближения к современной эпохе все большее число философов прилагают метафору циклов ко всей человеческой истории. В результате перегруппировки и переосмысления исторического материала возникают великие исторические теории. Мы выберем три из них: созданные русским Николаем Данилевским, немцем Освальдом Шпенглером и англичанином Арнольдом Тойнби.

Николай Данилевский (1822—1885) получил широкую известность лишь посмертно, после переводов его книги «Россия и Европа» на французский и немецкий языки (1890 и 1920 гг. соответственно). Он представлял человеческую историю разделенной на отдельные

и обширные единицы, «историко-культурные типы», или цивилизации. Западная, или иными словами, германо-романская цивилизация — лишь одна из многих, процветавших в истории. Он видел ошибку историков в том, что они рассматривали современный им Запад в качестве высшей, кульминационной стадии и конструировали линейную хронологию эпох (древняя — средневековая — современная) как приближающуюся к этой своей кульминации. В реальности общей хронологии для различных цивилизаций не существует: нет единого события, которое могло бы разумно разделить судьбу всего человечества на периоды, которое означало бы одно и то же для всех и было бы одинаково важным для всего мира». Ни одна цивилизация не является лучшей или более совершенной, каждая имеет свою внутреннюю логику развития и проходит различные стадии в только ей свойственной последовательности. «Каждая цивилизация возникает, развивает собственную морфологическую форму, собственные ценности, обогащая тем самым общую сокровищницу человеческих культурных достижений, и затем уходит, не получая продолжения в своей специфической и сущностной форме».

Историю творят люди, но их исторические роли различны. Соответственно существуют три типа исторических действующих лиц (агентов): (1) позитивные действующие лица истории, т. е. те общества (племена, люди), которые создали великие цивилизации (отдельные историко-культурные типы): египетскую, ассиро-вавилонскую, китайскую, индийскую, персидскую, еврейскую, греческую, римскую, арабскую и германо-романскую (европейскую); (2) негативные действующие лица истории, которые играли деструктивную роль и способствовали окончательному крушению разлагавшихся, приходивших в упадок цивилизаций (например, гунны, монголы, тюрки); (3) с другой стороны, есть люди и племена, у которых отсутствует творческое начало. Они представляют лишь «этнографический материал», используемый творческими обществами для построения собственных цивилизаций. Иногда, после распада великих цивилизаций, составляющие их племена возвращаются на уровень «этнографического материала», пассивной, распыленной популяции.

Цивилизации проявляют свою творческую сущность лишь в избранных областях, т. е. они концентрируются на каких-то индивидуальных, характерных только для них областях и темах: для греческой цивилизации — красота, для семитской — религия, для римской — закон и администрация, для китайской — практика и польза, для индийской — воображение, фантазия и мистицизм, для германо-романской — наука и технология.

Существует типичный цикл развития, наблюдаемый в судьбе каждой великой цивилизации. Первый период, иногда весьма продолжительный, — это период возникновения и кристаллизации, когда цивилизация зарождается, принимает различные форму и образ, утверждает свою культурную и политическую автономность и общий язык. Затем наступает фаза процветания, когда цивилизация полностью развивается и раскрывается ее творческий потенциал. Этот период обычно относительно короток (Данилевский оценивал его в 400—600 лет) и заканчивается, когда запас творческих сил исчерпывается. Недостаток творческих сил, застой и постепенный распад цивилизации означает конечную фазу цикла. Как полагал Данилевский, европейская (германо-романская) цивилизация вошла в фазу вырождения, что выразилось в нескольких симптомах: растущем цинизме, секуляризации, ослаблении инновационного потенциала, ненасытной жажде власти и доминирования над миром. В будущем предстоит расцвет русско-славянской цивилизации. Таков финал несколько этноцентричной историософии Данилевского.

Еще одна, заслуживающая внимания теория истории человечества принадлежит Освальду Шпенглеру (1880—1936). Его наиболее известная работа «Закат Европы» вышла в свет в 1918 г. С точки зрения Шпенглера, в истории нет линейного процесса, есть, скорее, ряд отдельных, уникальных «высших культур», «процветающих на фоне определенного ландшафта, к которому они привязаны как растения». Реализовав «всю сумму возможностей

в форме людей, языков, догм, искусств, государств, наук, они умирают». История является «коллективной биографией таких культур».

Каждая индивидуальная культура переживает циклы детства, юношества, зрелости и старости: она возникает, растет и, выполнив свое предназначение, умирает. Фаза упадка именуется «цивилизацией». Агонизируя, культура проявляет определенные характерные качества: космополитизм вместо местной перспективы, городские связи вместо кровных уз, научный и абстрактный подход вместо естественной религиозной чувственности, массовые ценности вместо народных, деньги вместо истинных ценностей, секс вместо материнства, политика грубой силы вместо консенсуса. Такое состояние упадка или агонии может длиться долго, но когда-то она обрекается на распад и исчезает.

Шпенглер выделил восемь «высших культур»: египетскую, вавилонскую, индийскую, китайскую, классическую (греко-римскую), арабскую, мексиканскую и западную (возникшую примерно в 1000 г. н.э.). Каждая из них имела свою доминантную тему, или «первичный символ», который воплощался во всех ее компонентах, придавая специфический оттенок образу мышления и действий, определяя характер науки, искусства, обычаев, привычек и т.д. Например, «первичный символ» греко-римской культуры — культ чувственного, тема Аполлона. В китайской культуре — это «дао», неопределенный, блуждающий, многолинейный «путь» жизни. Для западной культуры «первичным символом» является «безграничное пространство» и концепция времени, простирающегося в бесконечность, как предназначение, Фаустовская тема. По словам Брюса Мазлиша, «очевидно, что Шпенглер ищет «дух» культуры для данного периода. Естественно, каждый дух проникает во все ее сферы. Поскольку он оживляет все компоненты культуры, постольку любой факт и событие служат символом ее духа». Таков был культурный релятивизм по преимуществу. «Истины истинны лишь по отношению к конкретному человечеству».

Жизненный путь «высших культур» нельзя объяснить с точки зрения причинности. Скорее, это «предопределенный цикл», проявление внутренней необходимости, или судьбы, которую можно лишь угадать интуитивно. «Быстрые и глубокие изменения в истории великих культур происходят без каких-либо значительных причин, воздействий или целей» (цит. по: 369; 192). Точно так же не существует причины, по которой культуры рождаются. Возникая по вердикту судьбы, они избирают те или иные общества в качестве своих носителей или агентов.

Диагноз и предсказания Шпенглера относительно будущего западной культуры, которая уже вошла в стадию разложения, были весьма мрачны. Он считал, что основу современного ему общества составляет «мегаполис», мировой город, окруженный провинциями. «Внутри этого мира-города проживают новые кочевники, паразитирующие городские жители, без корней, без традиций, без прошлого. Городская популяция — это масса, а не люди или раса». Не удивительно, что в ближайшее время этот мир «будет лежать в обломках, наши железные дороги и пароходы будут мертвы, как римские дороги и Китайская стена, наши гигантские города и небоскребы окажутся в руинах, как древний Мемфис и Вавилон. История созданного технологией мегаполиса быстро движется к неизбежному концу».

Наиболее обстоятельная и исторически обоснованная теория цивилизаций и их жизненных циклов представлена трудами Арнольда Тойнби (1889—1975). В 20-томном труде «Постижение истории», опубликованном в течение 27 лет (1934—1961), он предпринял попытку обобщить весьма обширный материал, охватывающий всю писаную историю.

По мнению Тойнби, подходящей для исторического изучения единицей является не человечество в целом и не национальные государства, а промежуточные образования, которые имеют большее пространственное и временное протяжение, чем отдельные общества, и меньшее, чем все человечество. Это цивилизации, таковых в истории можно выделить двадцать одну. Список Тойнби перекликается со списком, представленным

Данилевским или Шпенглером, хотя и более внушительен. Тем не менее, идея специфической, доминирующей темы в каждой цивилизации появляется вновь. Например, в цивилизации эллинов — это эстетика, хинди — религия, в западной цивилизации — наука и механическая технология.

Цивилизации возникают благодаря сочетанию двух факторов: присутствия творческого меньшинства и окружающих условий, которые и не слишком благоприятны, и не слишком неблагоприятны. Механизм рождения, равно как и дальнейшей динамики цивилизаций, воплощен в идее «вызов — ответ». Окружение (первоначально природное, а затем и социальное) постоянно бросает вызов обществу, которое усилиями творческого меньшинства изыскивает средства справиться с ним. Как только найден ответ, следует новый вызов, а на него, в свою очередь, дается новый ответ. На стадии роста цивилизации ответы успешны, так как люди предпринимают беспрецедентные усилия, чтобы решить градиозные задачи, и таким образом сотрясают «привычные устои». Однако в фазе дезинтеграции и распада творчество иссякает. Цивилизации разваливаются изнутри. «Упадок цивилизаций происходит по причине совокупного действия трех обстоятельств: недостатка творческой мощи у меньшинства, ответного ослабления подражательного инстинкта у части большинства (которое отказывается слепо копировать преуспевающую элиту) и вытекающего отсюда ослабления и утраты социального единства в обществе как целом». Дополнительный фактор — восстание «внешнего пролетариата», т. е. варваров. Как только цивилизация начинает рассыпаться, они поднимают бунт, не желая и дальше быть в подчинении. Судьба большинства цивилизаций — это всегда окончательный распад, даже если они и способны протянуть в застывшем состоянии в течение продолжительного периода. Не менее 16 великих цивилизаций уже «мертвы и похоронены».

В завершение своего анализа, не оставляя идею циклов внутри каждой цивилизации, Тойнби утверждает, что существует общая единая логика, которая проявляется на длительном отрезке времени и охватывает все их вместе взятые, — это прогресс духовности и религии. Цивилизации есть «дело рук религии». «Историческая функция цивилизации состоит в том, чтобы способствовать прогрессивному процессу все более глубокого религиозного прозрения и действовать в соответствии с этим прозрением».

Циклические схемы чаще всего предлагались философами, историками или философами истории, а не социологами. Но в самой социологии также можно найти примеры циклического мышления. Два из них заслуживают особого внимания.

Классический анализ социальных циклов в более узких пределах отдельных обществ дал Вильфредо Парето (1848—1923) в монументальном «Трактате всеобщей социологии» (1916).

Парето представил образ общества в виде социальной системы, которая проходит через повторяющиеся циклы — равновесие, дестабилизация, потеря равновесия и новое равновесие. Это относится к обществу в целом, но то же происходили с составляющими его сегментами — политикой, экономикой и идеологией. Соответственно существуют всеобщий социальный цикл и специфические циклы: военно-политический, экономико-индустриальный и идеологически-религиозный, причем каждый из них следует одинаковой модели. Чтобы понять суть этих циклов, необходимо ознакомиться со взглядами Парето на анатомию социальной системы.]

С его точки зрения, она состоит из трех типов взаимосвязанных компонентов (переменных): «остатков», т. е. имманентно присущих человеку чувств; «интересов», т. е. объективных условий, служащих человеческим потребностям; и «производных», т. е. предписаний и рациональных объяснений/изобретаемых людьми для легитимации первых двух типов компонентов.

«Остатки» играют определяющую роль в социальной жизни. Наиболее важные из них — хитрость и сила, представляют две альтернативные стратегии, которые люди применяют для достижения своих целей. «Остатки» «комбинаций», относящиеся к классу 1,

характеризуются способностью к открытиям, предпринимательским духом, готовностью к риску, активностью, экспансивностью, стремлением к новизне и оригинальности. Противоположными им являются «остатки» постоянства агрегатов (класс 2), для которых характерны осмотрительность, осторожность, традиционализм, предпочтение ценности безопасности, стремление к стабильности и преемственности, проявление личной преданности, законопослушание и патриотизм.

Общество неоднородно, в нем всегда есть элиты, куда входят преуспевшие в отдельных видах деятельности: политическая (правящая) элита, экономическая элита, идеологическая (интеллектуальная) элита. Характер элиты обуславливается распределением «остатков» между ее членами|и, в частности, соотношением «остатков» класса 1 и класса 2. Идеи и действия элиты зависят от того, какие члены в ней доминируют — с инновационными «остатками» инстинкта комбинаций или с консервативными «остатками» постоянства агрегатов.

Социальные и исторические изменения рассматриваются как циклические смены элит: их восхождение, упадок и замена. По выражению Парето, «история — это могила аристократии» (т. е. элиты всех типов). Механизм данного процесса заключается в чередовании «остатков», которые завоевывают и теряют свою главенствующую роль внутри элиты. Проследим три типичных цикла таких изменений.

В военно-политическом цикле основными действующими лицами являются сильные правители («львы») и хитрые администраторы («лисы»). Возьмем в качестве начальной точки цикла правление «львов»: оно держится на завоеваниях, войнах, территориальной экспансии, подавлении других обществ. Военные способности, лояльность, преданность сообществу и традициям ценятся превыше всего. Правящая элита насыщена «остатками» постоянства. Однако рано или поздно этого оказывается недостаточно. В мирный период для успешного управления, администрирования и организации требуются иные таланты. Люди, представляющие «остатки» комбинации («лисы»), объединяются, медленно проникают в элиту, вытесняя господство «львов», и в конце концов полностью отбирают у них власть. Так начинается вторая фаза цикла. «Лисы» отрицают «внешнюю политику», подрывают военную мощь общества, пренебрегают традиционными ценностями. Это провоцирует консервативный заговор «львов», которые объединяются и сбрасывают «лис» силой, своим самым эффективным оружием. И цикл начинается заново. «Элита, полагающаяся на силу, смелость, подавление, сменяется буржуазной, плутократической элитой, зависящей от хитрости, интриг, идеологии, и наоборот».

В экономической сфере наблюдается аналогичная ситуация. Индустриальный цикл вовлекает в свою орбиту «рантье» и «спекулянтов». Предположим, что первые доминируют в экономической элите. Они представляют «остатки» постоянства, ориентируясь на надежную собственность, минимизацию риска, накопление, а не на вложение прибылей, стабильный доход. Общим эффектом их политики будет стагнация или даже откат. Социальное недовольство и возмущение создают предпосылки для улучшений и реформ. «Спекулянты» — инноваторы, менеджеры, объединяются, медленно проникают в экономическую элиту и подрывают доминирование «рантье». Во второй фазе цикла растет неуверенность в будущем, хаос и anomia, неизбежно сопровождающие реформы, провоцируется консервативный заговор под предводительством «рантье», чье социальное значение усиливается и доминирование в конце концов восстанавливается.

В идеологически-религиозном цикле главными действующими лицами являются «священники», охраняющие веру, и «скептики» — критически настроенные интеллектуалы, защищающие разум. Предположим, что в социальном сознании доминируют вера, догматизм и традиционализм, а среди идеологической элиты превалируют «остатки» постоянства. Однако рано или поздно ищущая и скептическая человеческая натура дает о себе знать: возникают новые концепции, идеи, образы, которые завоевывают все больше сторонников. Идеологический монолит ослабевает, формируется альтернативное мышление, которое медленно подрывает верховенство веры. Разум и его представители, «скептики»-

интеллектуалы, одерживают победу. Эпоха науки, технологий, инструментального мышления и расчета эффективности завершает первую фазу цикла. Но затем стремление понять смысл бытия, постичь конечную истину вновь обретает былую силу. Возрождение мифического и магического мышления открывает новые возможности для «священников», а «скептики» становятся маргиналами общества. Возвращаются фундаментализм и догматизм.

В центре циклической теории Питирима Сорокина, изложенной в четырех томах под названием «Социальная и культурная динамика», находится культура, которую автор определяет как «тотальную сумму всего, что создается или модифицируется сознательной или бессознательной деятельностью двух или более индивидов, взаимодействующих друг с другом или определяющих условия поведения друг друга». Огромное разнообразие культурных тем, попадающих под эту категорию, составляет не просто «свалку» (свободную агломерацию), а, скорее, интегрированную систему. Она достигает высшей формы интеграции, когда «каждая часть занимает предназначенную для нее позицию и уже не воспринимается как часть, а все вместе они образуют ткань, лишенную швов». В основе такого единства лежит общий «центральный принцип» («разум»), который «проникает во все компоненты, придает смысл и значение каждому из них и таким образом создает космос из хаоса разъединенных фрагментов». Центральный принцип культуры можно понимать как «культурный менталитет».

Тщательно проанализировав различные аспекты человеческой культуры — искусство, образование, этику, законодательство, военное дело, Сорокин предложил разделить ее на два противоположных, взаимно несовместимых типа.

Каждый тип культуры имеет свою собственную ментальность; собственную систему знаний; философию и мировоззрение; свою религию и стандарты «святости»; собственные представления о том, что правильно и неправильно; форму искусства и литературы; собственные мораль, законы, нормы поведения; доминирующие формы социальных отношений; собственную экономическую и политическую организацию; и наконец, свой собственный тип человеческой личности с особым менталитетом и поведением.

Два противоположных культурных типа — «умозрительный» и «чувственный». Это идеальные типы, которых не найти в чистом виде ни в одну эпоху. Промежуточная форма между первым и вторым обозначается как «идеалистическая».

I Умозрительная культура характеризуется следующими признаками: 1) реальность по своей природе духовна, нематериальна, скрыта за чувственными проявлениями (например, Бог, нирвана, дао, Брахма). Она вечна и неизменна; 2) потребности и цели людей в основном духовны (спасение души, служение Господу, исполнение священного долга, моральные обязанности); 3) для удовлетворения этих целей предпринимаются усилия по освобождению личности от чувственных соблазнов, повседневных земных забот. Отсюда вытекают по меньшей мере два вывода: истина постигается лишь посредством внутреннего опыта (откровения, медитации, экстаза, божественного вдохновения), и потому она абсолютна и вечна; идея добра коренится в нематериальном, внутреннем, духовном, в сверхчувственных ценностях (вечная жизнь, Град Господень, слияние с Брахмой).

Посылки второго типа («чувственной культуры») прямо противоположны: 1) реальность по своей природе материальна, доступна чувствам, она перемещается и постоянно изменяется: «Становление, процесс, изменение, поток, эволюция, прогресс, трансформация»; 2) потребности и цели людей чисто плотские, или чувственные (голод и жажда, секс, убежище, комфорт); 3) для удовлетворения этих целей необходимо использовать внешнее окружение. Отсюда также вытекают два вывода: истина может быть найдена лишь в чувственном опыте, и потому она имеет временный и относительный характер. Добро коренится в чувственных, эмпирических, материальных ценностях (удовольствие, наслаждение, счастье, полезность), и потому моральные принципы гибки, относительны и зависят от обстоятельств.

Промежуточная, «идеалистическая культура» представляет собой сбалансированное сочетание умозрительных и чувственных элементов. Она признает, что реальность и материальна, и сверхъестественна; потребности и цели людей и телесны, и духовны; удовлетворение целей требует как улучшения самого себя, так и трансформации окружения. Короче, «признавая идеальный мир высшим, она не объявляет чувственный мир простой иллюзией или негативной ценностью; напротив, поскольку чувства находятся в гармонии с идеальным, они обладают позитивной ценностью».

Сорокин применил свою аналитическую типологию к историческому процессу, рассматривая основную модель исторических изменений в циклических терминах. «Социокультурные флуктуации, т. е. повторяющиеся процессы в социальной и культурной жизни и в человеческой истории, — это основной объект настоящего исследования». «Большинство социокультурных изменений имеют характер постоянно изменяющихся, периодически повторяющихся процессов». Процессы часто меняют свое направление и повторяют сами себя. «На короткое или длительное время, в одной и той же или в нескольких социальных системах процесс движется в определенном количественном, качественном или пространственном направлении, или во всех этих направлениях, достигает «точки насыщения», а затем зачастую идет в обратном направлении». Подобные флуктуации наблюдаются на самой широкой шкале истории, которая как бы разделена на эпохи, эры, периоды. Наиболее важным принципом такой периодизации является смена доминирующих типов культурного менталитета и культурных систем: повторяющаяся последовательность умозрительной, идеалистической и чувственной культур.

Автор реконструировал исторические «волны» и «флуктуации» внутри греко-римской и западной культуры, охватывая своим исследованием диапазон в более чем 2500 лет. Оказывается, циклы означают не полное повторение, а скорее новое воплощение лежащих в их основе принципов. Кроме того, они не следуют постоянному ритму и не имеют равной длительности. «История повторяется, но ее темы выступают во все новых вариациях, когда изменяются не только содержание, но ритм и темп».

Причинный механизм, лежащий в основе «суперритма умозрительной — идеалистической — чувственной фаз в греко-римской и западной системах культуры», состоит в исчерпании возможностей, истощении творческого потенциала каждой последующей системы. «Исчерпав свой творческий фонд познавательных, моральных, эстетических, политических и других ценностей, система продолжает доминировать уже не благодаря творческому дару, а просто по инерции, обманом, принуждением, трюками и псевдоценностями. Она должна прийти в упадок, будучи выхолощенной, часто вредной и бесполезной для ее членов и человечества в целом». Это открывает возможности для возникновения альтернативных систем, которые используют собственные потенциалы до того момента, пока они также не будут исчерпаны, и весь процесс повторится. Раскрытие потенциалов каждой системы зависит в первую очередь от действий ее членов, она трансформируется изнутри силой человеческой деятельности. Сорокин выдвинул принцип имманентной причинности. Но внешние факторы также могут играть определенную роль, ускоряя или замедляя, облегчая или затрудняя внутреннее развитие культурных систем.

Диагноз, поставленный Сорокиным западной цивилизации, весьма неблагоприятен. С его точки зрения, чувственная фаза, в которой она пребывала в течение нескольких столетий, достигла крайней степени насыщения, что вызывает множество негативных, патологических явлений и приводит к общему культурному упадку. Человечество прошло путь от красоты средневековой церковной музыки до «какофонии джаза», от готических соборов до современных трущоб, от скульптур Микеланджело до порнографических журналов, от поэзии Байрона до шпионских триллеров. Сорокин в отчаянии от того, что в современном искусстве «проститутки, уголовники, бродяги, психи, лицемеры, жулики и другие асоциальные типы стали излюбленными «героями». Его прогноз на ближайшее будущее весьма пессимистичен.

1. Наступит моральная и эстетическая анархия.
2. Люди будут овеществлены, к ним начнут относиться как к механизмам.
3. Утратится моральный и интеллектуальный консенсус, воцарится хаос мнений и верований.
4. Социальный порядок будет поддерживаться лишь принуждением, а политическое право будет легитимировано силой.
5. Свобода выродится в пустые лозунги, направленные на то, чтобы сбивать с толку и порабощать массы.
6. Продолжится распад семьи.
7. На смену высокому искусству придет массовая культура самого низкого пошиба.
8. Качество жизни и общие жизненные стандарты будут снижаться.
9. Возрастет социальная патология.
10. В политической жизни будут доминировать апатия, мелочный эгоизм, уход в частную сферу.

Действительно, неприглядная картина. Тем не менее, в более отдаленной перспективе логика исторического процесса, о которой говорил Сорокин, дает основания к оптимизму. Новая умозрительная фаза неизбежна. «Произошел сдвиг от увядающей умозрительной к расцветающей чувственной фазе, но такой же сдвиг может произойти от нашей выродившейся чувственности к новой и сильной умозрительности». Циклическая теория в равной степени может питать как крайний пессимизм, так и предельный оптимизм, поскольку, согласно логике цикла, рано или поздно неизбежно появятся высшая и низшая точки человеческих достижений.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ.

1. Система социальных институтов современного общества.
2. Естественные и искусственные социальные организации.
3. Институт брака. Брачно-семейные отношения в современном обществе.
4. Социальные нормы.
5. Понятие и типология цивилизаций.
6. Межэтническое взаимодействие.
7. Этнический конфликт.
8. Основные теории социального конфликта.
9. Глобальные системы.
10. Механизмы включения личности в жизнедеятельность общества.
11. Институционализация.
12. Социальная революция.
13. Общество и прогресс.
14. Гендерный подход в социологии.
15. Особенности современных процессов стратификации общества.

КОНТРОЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ВОПРОСЫ К ЭКЗАМЕНУ

1. Социология как наука.
2. Общество как система.
3. Понятие и характеристика системы. Системный подход в социологии.
4. Предпосылки социологической науки. Социальный проект О.Конта.

5. Система категории социологии.
6. Понятие, основные признаки и характеристики общества.
7. Социальная структура.
8. Социальная стратификация и мобильность.
9. Понятие и характеристика среднего класса.
10. Российский средний класс.
11. Социальные институты.
12. Социальные организации.
13. Социальные статусы и нормы.
14. Социальный контроль.
15. Отклоняющееся поведение.
16. Социализация и институционализация.
17. Культура общества.
18. Типология и форма культуры.
19. Ценностная регуляция социального поведения.
20. Социальные нормы.
21. Социальное поведение и действие.
22. Социальное взаимодействие.
23. Семья как социальный институт.
24. Социальные изменения.
25. Социальные процессы.
26. Социальные революции, их типология, значение.
27. Формационный подход к обществу.
28. Цивилизация и формация.
29. Этнос и его социальные характеристики.
30. Межэтническое взаимодействие.
31. Теория индустриального общества.
32. Теория модернизации общественного развития.
33. Социальная общность.
34. Социальные группы. Малая социальная группа.
35. Личность в социологии.
36. Виртуализация современного общества.
37. Социальная связь.
38. Конфликты как вид социального взаимодействия.
39. Социальная дезорганизация.
40. Социальная дезорганизация и аномия.
41. Методы социологии.
42. Понятие социального статуса и роли. Статусно-ролевая структура общества.
43. Глобализация общества.
44. Основные глобализационные процессы общества.
45. Понятие гендера, гендерные теории в социологии.
46. Макросоциологические и микросоциологические подходы к познанию общества.
47. Виды социологических исследований.
48. Социальный порядок.
49. Социокультурный процесс.
50. Социальные изменения и социальная стабильность.
51. Классовая структура общества.
52. Территориально-поселенческая структура общества.
53. Классические социальные теории.
54. Современные социальные теории.
55. Развитие общества.

ТЕСТ

1. Наука – это

- А) форма общественного сознания, задачей которой является получение удостоверенного знания;
- Б) система философских знаний;
- В) процесс познания.

2. Целью научного познание является

- А) объяснение социальных процессов;
- Б) описание социальных процессов;
- В) оценивание социальных процессов с точки зрения нравственных критериев

3. Объяснение как цель научного познания состоит в

- А) составлении наиболее полного представления о социальном процессе, его особенностях и характерных чертах;
- Б) в уяснении смыслов, субъективных целей действий людей на основе интроспекции;
- В) подведении изучаемого явления или процесса под определенный известных закон

4. Специфика социальных законов состоит в том, что они

- А) подобны законам природы;
- Б) обусловлены биологической природой человека;
- В) являются вероятностными и действуют как тенденции.

5. Причинное объяснение состоит в

- А) в выявлении тех последствий, которые имеет для общества какое-либо социальное явление или социальный процесс;
- Б) в выявлении факторов, которые вызывают и детерминируют какие-то явления и процессы;
- В) в выявлении происхождения, возникновения и развития какого-то явления или процесса.

6. Генетическое объяснение состоит

- А) в выявлении тех последствий, которые имеет для общества какое-либо социальное явление или социальный процесс;
- Б) в выявлении факторов, которые вызывают и детерминируют какие-то явления и процессы;
- В) в выявлении происхождения, возникновения и развития какого-то явления или процесса.

7. Объект науки - это

- А) то, что наука изучает;
- Б) часть реальности, на изучение свойств которой направлено научное познание;
- В) объективные законы

8. По предмету общественные науки делятся на

- А) общие и частные;
- Б) объективные и субъективные;
- В) естественные и общественные.

9. Социология по своему объекту является

- А) общей наукой;
- Б) частной наукой;
- В) общественной наукой

10. Предметом социологии как науки являются

- А) общие и специфические законы развития и функционирования социальных систем;
- Б) универсальные, основные формы и способы социальных взаимодействий
- В) общественные явления и процессы

11. Социология как наука выполняет следующие основные функции

- А) гносеологическую;
- Б) оценочную;
- В) практическую;

12. В структуре социологии выделяются следующий уровень

- А) эмпирический;
- Б) оценочный;
- В) прикладной.

13. В теоретической социологии выделяется

- А) общая социология;
- Б) конкретные социальные исследования;
- В) системные исследования

14. Предмет общей социологии – это

- А) общие и специфические законы развития и функционирования социальных систем, включая общество как социетальную систему;
- Б) общество во всем многообразии его проявлений;
- В) все общественные явления и процессы.

15. Биолого-географический редукционизм как подход к решению проблемы соотношения природного и социального в общественной жизни состоит в

- А) недооценке роли естественных факторов в жизни общества;
- Б) умеренной оценке роли естественных факторов в жизни общества;
- В) абсолютизации роли естественных факторов в жизни общества

16. В основе решения проблемы соотношения природного и социального в общественной жизни как взаимодействия естественных и культурных начал лежит представление о человеке как

- А) совокупности всех общественных отношений;
- Б) биосоциальном существе;
- В) «большом звере»

17. Механизм содействия или препятствования природной среды эффективному социальному развитию состоит в

- А) наличие минимума условий, которые необходимы для успешного развития общества;
- Б) прямом приспособлении общества к природной среде;
- В) наличии условий, которые способствуют социальному прогрессу или его сдерживают.

18. Механизм формирующего воздействия природной среды на общество состоит в

- А) наличие минимума условий, которые необходимы для успешного развития общества;
- Б) прямом приспособлении общества к природной среде;
- В) наличии условий, которые способствуют социальному прогрессу или его сдерживают.

19. Социологический реализм как онтологическая ориентация в социологии состоит в

- А) признании, что общество, социальные группы, социальные институты – это самостоятельные сущности, несводимые к взаимодействию индивидов;
- Б) утверждении необходимости изучать реальные социальные процессы и явления
- В) единственным реальным социальным субъектом является индивид, а источником социальных явлений – единичное социальное действие.

20. Каким термином обозначается поведение индивида или группы индивидов, которое осуществляется для достижения определенной цели?

- А) социальное действие;
- Б) действие;
- В) элементарный поведенческий акт.

21. Плюрализм современной социологической науки проявляется в

- А) многообразии социологических исследовательских центров;
- Б) многообразии социальных ценностей, на которые ориентированы исследователи;
- В) многообразии теоретических парадигм в понимании предмета социологического познания

22. В современной социологии выделяют парадигму

- А) социологической монадологии
- Б) социальных фактов
- В) социологического номинализма

23. Социологическое понимание культуры как социальной реальности состоит в ее трактовке как

- А) специфического, исторически и социального обусловленного результата материального и духовного производства, в котором воплощены сущностные силы человека;
- Б) система социально приобретенных и транслируемых от поколения к поколению значимых символов, идей, ценностей, верований, традиций, норм и правил поведения, посредством которых люди организуют свою жизнедеятельность
- В) системы социальных правил и норм, организующих и регулирующих социальное поведение

24. П.Сорокин выделял

- А) идеациональную культуру
- Б) западную культуру
- В) авторитарную культуру

25. Биопсихосоциальное существо - это

- А) индивид
- Б) личность
- В) человек

26. В структуре личности выделяются следующие компоненты

- А) индивидуальные и социальные потребности
- Б) знания и навыки
- В) ценности и принципы, которыми личность руководствуется в своей жизнедеятельности

27. Р. Мертон выделил следующие модели социальной адаптации личности к культурным нормам

- А) инновационную
- Б) конформную
- В) маргинальную

28. Процесс становления и развития личности, состоящий в освоении индивидом социальных норм и ценностей, позволяющий индивиду функционировать в обществе, - это

- А) воспитание личности
- Б) формирование личности
- В) социализация личности

29. Термин «социетальная система» принят для обозначения

- А) любой системы
- Б) любой социальной системы
- В) общества в целом

30. Факторами социальных изменений являются

- А) влияние природы
- Б) человеческая деятельность
- В) взаимное влияние обществ

31. В основе выделения К.Марксом типов обществ лежит различие

- А) производственных технологий
- Б) способов материального производства
- В) способов получения средств к существованию

32. Совокупность индивидов, реально существующая, эмпирически фиксируемая, связанная общностью признаков индивидов и выступающая субъектом социального действия, - это

- А) социальная группа
- Б) социальная общность
- В) общество

33. Социальная общность, характеризующаяся устойчивыми пространственно-временными границами, четко выраженной однородностью состава, способностью ее членов совместно выполнять различные виды деятельности, преследуя общие цели и задачи, - это

- А) социальная группа
- Б) групповая общность
- В) массовая общность

34. Социальный институт, представляющий собой искусственную целевую иерархизированную формализованную общность людей, - это

- А) формальный институт
- Б) организация
- В) формальная структура

35. Наука – это

- А) социальный институт;
- Б) познавательная деятельность;
- В) отражение действительности в художественных образах.

36. Целью научного познания является

- А) функциональное объяснение социальных процессов;
- Б) причинное объяснение социальных процессов;
- В) понимание социальных процессов.

37. Понимание как цель научного познания состоит в

- А) составлении наиболее полного представления о социальном процессе, его особенностях и характерных чертах;
- Б) в уяснении смыслов, субъективных целей действий людей на основе интроспекции;
- В) подведении изучаемого явления или процесса под определенный известный закон

38. Научный закон представляет собой

- А) высказывание о наличии устойчивой повторяющейся существенной связи явлений и процессов и их свойств;

- Б) зависимость между явлениями и процессами, в которой одни явления обуславливают другие;
- В) всеобщую связь явлений и процессов.

39. Функциональное объяснение состоит в

- А) в выявлении тех последствий, которые имеет для общества какое-либо социальное явление или социальный процесс;
- Б) в выявлении связей внутри социальной системы, которые порождают ее специфические черты;
- В) в выявлении происхождения, возникновения и развития какого-то явления или процесса.

40. Структурное объяснение состоит

- А) в выявлении тех последствий, которые имеет для общества какое-либо социальное явление или социальный процесс;
- Б) в выявлении связей внутри социальной системы, которые порождают ее специфические черты;
- В) в выявлении происхождения, возникновения и развития какого-то явления или процесса.

41. Предмет науки - это

- А) предметная область науки;
- Б) часть реальности, на изучение свойств которой направлено научное познание;
- В) часть или какая-то сторона объекта науки.

42. По объекту науки делятся на

- А) естественные и общественные;
- Б) общие и частные;
- В) академические и прикладные.

43. Социология по своему предмету является

- А) общей наукой;
- Б) частной наукой;
- В) общественной наукой

44. Социология как наука изучает

- А) общие и специфические законы развития и функционирования социальных систем;
- Б) универсальные, основные формы и способы социальных взаимодействий
- В) общественные явления и процессы

45. В общественном знании социология выполняет функцию

- А) познавательную;
- Б) оценочную;
- В) методологическую.

46. В структуре социологии выделяется следующий уровень

- А) прикладной;
- Б) прогностический;
- В) теоретический.

47. В теоретической социологии выделяются

- А) системные исследования;

- Б) исторические исследования;
- В) теории среднего уровня.

48. Предмет общей социологии – это

- А) все общественные явления и процессы во всей уникальности и неповторимости;
- Б) все общество;
- В) универсальные, основные формы и способы социальных взаимодействий, включая общество в целом.

49. Социологический редукционизм как подход к решению проблемы соотношения природного и социального в общественной жизни состоит в

- А) абсолютизации роли естественных факторов в жизни общества;
- Б) умеренной оценке роли естественных факторов в жизни общества;
- В) абсолютизации роли социальных факторов в детерминации общественной жизни.

50. Механизмы влияния природной среды на общество

- А) механизм формирующего воздействия;
- Б) механизм гармоничного взаимодействия;
- В) механизм принудительного воздействия.

51. Механизм принудительного воздействия природной среды на общество проявляется в

- А) наличие минимума условий, которые необходимы для успешного развития общества;
- Б) прямом приспособлении общества к природной среде;
- В) наличию условий, которые способствуют социальному прогрессу или его сдерживают.

53. Особенности биологии человека как предпосылка социальной жизни проявляются

- А) биологических особенностях индивидуального человека;
- Б) биологических особенностях человеческих рас;
- В) биологических особенностях человека как особого живого существа.

54. Социологический номинализм как онтологическая ориентация в социологии состоит в

- А) признании, что общество, социальные группы, социальные институты – это самостоятельные сущности, несводимые к взаимодействию индивидов;
- Б) утверждении необходимости конструировать номинальные социальные общности;
- В) единственным реальным социальным субъектом является индивид, а источником социальных явлений – единичное социальное действие.

55. Каким термином обозначается действие индивида или группы индивидов, специфическим признаком которого является ориентация на других, на их возможные ответные действия?

- А) социальное действие;
- Б) действие;
- В) поведенческий акт.

56. В современной социологии выделяют парадигму

- А) социальных дефиниций
- Б) позитивизма
- В) социологического реализма

57. В современной социологии выделяют парадигму

- А) объективизма
- Б) социального поведения
- В) социологического холизма

58. Система социально приобретенных и транслируемых от поколения к поколению значимых символов, идей, ценностей, верований, традиций, норм и правил поведения, посредством которых люди организуют свою жизнедеятельность – это

- А) мораль
- Б) культура
- В) право

59. П.Сорокин выделял

- А) греко-романскую культуру
- Б) романо-германскую культуру
- В) идеалистическую культуру

60. Личность в социологии - это

- А) совокупность биологических, психических и типичных социальных качеств человека
- Б) совокупность типичных качеств человека, приобретенных им в процессе общественной жизнедеятельности
- В) индивид в единстве его специфических характеристик

61. Индивид, разделяющий те же культурные образцы, что и большинство членов общества – это

- А) маргинальная личность
- Б) нормативная личность
- В) модальная личность

62. Социолог, выделивший ритуализм и ретритизм как способы приспособления личности к жизнедеятельности общества, - это

- А) П.Сорокин
- Б) Р.Мертон
- В) Э.Фромм

63. Фаза процесса социализации, состоящая в органическом превращении ценностей и норм культуры во внутреннюю принадлежность личности, - это

- А) адаптация
- Б) интернализация
- В) экстерниоризация

64. Социальный статус, приобретенный личностью вне ее личностных характеристик, называется

- А) достигнутым
- Б) акриптивным
- В) генеральным

65. Проблематичность научного статуса идеи прогресса и его теорий связана с

- А) отсутствием научных теорий прогресса
- Б) недостаточной проработанностью проблемы
- В) оценочным характером понятия прогресса

66. В основе выделения традиционного, индустриального и постиндустриального типов обществ лежит различие

- А) производственных технологий
- Б) способов материального производства
- В) способов получения средств к существованию

67. Социальная общность, характеризующаяся ситуативным способом существования, разнородным составом, наличием открытых границ,

неспособностью выступать в качестве структурных образований более широких общностей, - это

- А) социальная группа
- Б) неформальная общность
- В) массовая общность

68. Группа, члены которой объединены общей деятельностью и находятся в непосредственном устойчивом личном общении друг с другом, - это

- А) социальная группа
- Б) коллектив
- В) малая группа

69. Источники организационного эффекта

- А) одновременность однонаправленность и массовость действий людей
- Б) комбинирование труда
- В) разделение труда

ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. Бачинин В.А. Социология СПб., 2004.
2. Гофман А.Б. Классическое и современное. М., 2003.
3. Добренков В.И. Фундаментальная социология в 15-ти томах. М., 2003.
4. Кравченко А.И. Социология СПб., 2005.
5. Кравченко А.И. Социология: парадигмы через призму социологического воображения. М., 2002.

Дополнительная

1. Агости Э. Революция, интеллегенция, культура. М., 1984.
2. Американская социологическая мысль: Тесты. М., 1994.
3. Антонов А. Микросоциология семьи. М., 1998.
4. Аберкомби Н. Социологический словарь. М., 1999.
5. Антология гендерной теории Сост. Гапова Е., Усманова А. Мн. «Пропилен» 2000.
6. Анурин В.Ф. Эмпирическая социология. СПб., 2004.
7. Бабосов Е.М. Социология управления. Минск. 2000.
8. Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996.
9. Бек У. Что такое глобализация? М., 2001.
10. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
11. Бердяев Н.А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX –XX в. М., 1997.
12. Богомолова Т.Ю. Экономическая стратификация населения России в 90-е годы // Социс, 2001 №6.
13. Братовия А.С. Типы организаций и их структура // Социс, 1998. №12.
14. Бушкарева Г.С. Общество: механизмы управления и развития // Социально-политический журнал, 1998. №1.
15. Вебер М. Избранные произведения / Сост. Ю.Н.Давыдов. М., 1990.
16. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб., 1999.
17. Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология. М., 1998.
18. Гидденс Э. Социология / Общ. ред. Гурьева Л.С. М., 1999.
19. Голод С.И. Семья и брак: историко-социальный анализ. СПб., 1998.
20. Горшков М.К. Некоторые методологические аспекты анализа среднего класса в России // Социс, 2000. №3.
21. Грехнев В.С. Этноссы как общности людей // Философия и общество, 1999 №4.
22. Григорьев С.И. Растов Ю.Е. Начала современной социологии. М., 1999.
23. Громов И.А. и др. Западная социология. СПб., 1999.

24. Джери Д. Большой толковый социологический словарь. М., 1999.
25. Дюргейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.
26. Добренков В.И. Социология в 3-х томах. М., 2000.
27. Зеленов Л.А. Социология города. М., 2000.
28. Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 2002.
29. Коркюф Ф. Новые социологи. СПб., 2002.
30. Князева Е.Н. Основания синергетики. СПб., 2002.
31. Мудрик А.В. Социализация человека. М., 2004.
32. Мультикультурализм этнокультурные процессы в меняющемся мире. М., 2003.
33. Новое и старое в теоретической социологии. Под ред. Давыдова Ю.Н. М., 1999.
34. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2001.
35. Социологический энциклопедический словарь. Под ред. Осипова Г.В. М., 1998.
36. Теоретическая социология. Под ред. Баньковской С.П. М., 2003.
37. Хеллевик О. Социологический метод. М., 2002.
38. Энциклопедический словарь. Сост. Кабыща А.В., под ред. Осипова Г.В. М., 1995.

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ЗНАНИЙ, УМЕНИЙ И НАВЫКОВ СТУДЕНТОВ

Нормы оценки знаний студентов предполагают учет индивидуальных особенностей студентов, дифференцированный подход к обучению, проверке знаний, умениям.

В устных ответах студентов на экзамене, в сообщениях и докладах, а также в письменных видах работ, оцениваются знания и умения по четырехбалльной системе. При этом учитываются: глубина знаний, полнота знаний и владение необходимыми умениями (в объеме программы); осознанность и самостоятельность применения знаний и способов учебной деятельности, логичность изложения материала, включая обобщения и выводы (в соответствии с заданным вопросом), соблюдение норм литературной речи.

Оценка «отлично» - материал усвоен в полном объеме; изложен логично; основные умения сформулированы и устойчивы; выводы и обобщения точны и связаны с явлениями окружающей жизни.

Оценка «хорошо» - в усвоении материала незначительные пробелы: изложение недостаточно систематизированное; отдельные умения недостаточно устойчивы; в выводах и обобщениях допускаются некоторые неточности.

Оценка «удовлетворительно» - при усвоении материала имеются пробелы: материал излагается несистематизированно; отдельные умения недостаточно сформулированы; выводы и обобщения аргументированы слабо; в них допускаются ошибки.

Оценка «неудовлетворительно» - основное содержание материала не усвоено, выводов и обобщений нет.

Проказин Виктор Валентинович,
доцент кафедры социологии АмГУ;

Учебно-методический комплекс по дисциплине “Социология” для специальностей 140204 «Электрические станции», 140205 «Электроэнергетические системы и сети», 140101 «Тепловые электростанции», 140203 «Релейная защита и электроэнергетические системы», 220301 «Автоматизация технологических процессов и производств», 140211 «Электроснабжение»

Изд-во АмГУ. Подписано к печати _____ Формат 60x84/16. Усл. печ. л. _____, уч.-изд. л. _____.
Тираж _____ Заказ _____.